

Очерк 3. Пути завоевания и удержания большевиками власти в Крыму (1905 – 1945 гг.)

Оглавление

Введение	119
Глава 1. Этнонациональная политика крымского большевизм в первой половине XX века	119
1.1. Этапы истории этнонациональной политики в Крыму в первой половине XX в., ее особенности в 1900–1920 гг.....	119
1.2. Дуализм большевистской этнонациональной политики в Крыму в 20-е годы.....	122
1.3. Переход Крымского большевизма к политике насильственной коренизации.....	127
Глава 2. Эволюция строительства Крымской областной партийной организации и ее этнонациональной политики	131
2.1. Зарождение и формирование большевистской этнонациональной политики в Крыму 1905–1921-м годах.....	131
2.2. Коренизация Крымской партийной организации в 1922–1929-м годах.....	135
2.3. Перестройка большевистской политики коренизации в 30-х годах на плановые рельсы: ее успехи и просчеты.....	140
Глава 3. Подпольное движение в Крыму в годы Гражданской войны, иностранной военной интервенции (1918–1920 годов), оккупации полуострова в 1941–1944 годах и этнонациональный фактор	145
3.1. Использование большевизмом этнонационального фактора в борьбе за власть в Крыму при организации подпольной работы в 1918–1920–м годах и ее уроки.....	145
3.2. Влияние этнонационального фактора на успехи и неудачи подпольного движения в Крыму в 1941–1944 годах.....	149
Глава 4. Этнонациональный фактор в победах и поражения партизанского движения в Крыму в годы Гражданской войны, оккупации полуострова в 1941–1944 гг.	155
4.1. Зарождение и развитие большевистского партизанского движения в Крыму в 1918–1920-м годах и этнонациональный фактор.....	155
4.2. Влияние этнонационального фактора на победы и поражения партизанского движения в Крыму в 1941–1944 годах.....	158
Глава 5. “Новый порядок” в годы оккупации Крыма и этнонациональный фактор (1941–1944 гг.)	165
Заключение	172
Источники и литература	172
Приложения	177

Введение

Процесс реализации этнонациональной политики, объявленной большевиками после свержения царизма и ставшей одним из главных условий их победы в годы Гражданской войны, прошел в послевоенный период ряд эволюционных этапов как по УССР, РСФСР и СССР в целом, так и в Крымской АССР. С окончательной победой и утверждением советской власти, большевистская партия постепенно устранила всех союзников, с которыми боролась за власть, взяла на себя всю полноту ответственности за качественное обновление общества, решение всего комплекса социально-экономических, политических, этнонациональных проблем, которые достались ей в наследство от прежней системы.

Политическим лидером большевиков в Крымской ССР стала с ноября 1920 года ее областная партийная организация, бывшая составной частью КП(б)У–РКП(б)–ВКП(б). Ее характерными особенностями были: во-первых, малочисленный состав как в целом, так и особенно из числа местного этноса, прежде всего крымскотатарского; во-вторых, преобладание в организации на всех уровнях – от первичных до бюро обкома – пришельцев, не знающих местных обычаев, традиций, языков, с одной стороны, имеющих слабое физическое здоровье, оставшихся в Крыму после прохождения курса лечения, с другой; в-третьих, отсутствие единства взглядов на формы, пути и методы строительства крымской автономии среди коммунистов-татар, часть из которых была выходцами из других национальных регионов; в-четвертых, отстранение обкома от непосредственного руководства этнонациональным строительством в силу вышеуказанного, что привело к отрыву от масс, прежде всего крымскотатарской деревни и, как результат, коллаборационизм ее значительной части в годы оккупации. Покрывая провал своей областной организации, высшее партийное руководство СССР пошло на объявление всего крымскотатарского народа, ряда национальных меньшинств в измене и предательстве, что стало поводом для их депортации из региона, ликвидации Крымской АССР и преобразование ее в область в составе РСФСР.

В данном историческом очерке рассматриваются пути и формы решения этнонационального, прежде всего крымскотатарского вопроса, в Крыму в начале XX века, эволюция компартийной этнонациональной политики и ее последствия. В нем продолжается комплексное исследование проблем решения этнонационального вопроса в Крыму в первой половине XX века, его опыта, причин поражений, что наиболее ярко проявилось в период оккупации полуострова немецко-фашистскими войсками и их румынскими союзниками. Этот опыт требует сегодня внимательного рассмотрения и учета в политике нынешнего руководства Украины и АР Крым, поскольку не решаемые сегодня многие этнонациональные проблемы, прежде всего крымскотатарского народа, вернувшегося на свою этническую родину в экстремальной политической ситуации, могут привести к весьма предсказуемым последствиям. Возможно и вероятно, что советское руководство Крымской АССР к 1941 году также предвидело последствия провала своей этнонациональной политики, но не могло признаться в этом ни себе, ни тем более высшему своему руководству, ибо это означало вынести себе смертный приговор.

Глава 1. Этнонациональная политика крымского большевизма в первой половине XX века: этапы, содержание, последствия

Спустя 60 лет после ликвидации Крымской АССР как многонационального государственного объединения, можно однозначно сказать, что это было не мимолетное, спонтанное решение “вождя народов”, а результат провала в регионе этнонациональной политики, допущенной областной большевистской организацией. Проведенная в Крыму различными политическими силами работа по решению этнонационального вопроса, как показывает анализ источников и литературы, была многогранна, многообъемна, но в то же время сложна, ее результаты неоднозначны, противоречивы. Оценки практических результатов этой деятельности до сих пор не нашли своего объективного рассмотрения в силу ряда обстоятельств, прежде всего созданного в советский период стереотипа, по которому крымскотатарский и другие народы – изменники и предатели. Однако он весьма и весьма далек от истины, реального положения дел.

1.1 Этапы истории этнонациональной политики в Крыму в первой половине XX в., ее особенности в 1900–1920 гг.

Процесс решения этнонационального вопроса в Крыму рассматривался различными политическими силами, действовавшими в регионе, по-разному: сторонники “единой и неделимой России” видели его в плане сохранения господства русской нации из числа дворянства и буржуазии с элементами предоставленных национальным меньшинствам, прежде всего из числа их конфессионального руководства, определенных привилегий; представители передовой крымскотатарской интеллигенции, расколовшиеся уже в годы первой Мировой войны на сторонников И. Гаспринского, надеявшихся, что поражение царизма приведет к отрыву Крыма и созданию протектората “единоверной” Оттоманской империи и тех, кто воспитывался на газете “Ватан Хадими” (“Служитель Родины”) и велших социалистическую пропаганду эсеровского типа; мощная немецкая колония вынашивала идеи достижения политико-экономического господства в силу ее высококультурного развития, игнорирования русского, славянского фактора, не способного, по их мнению, иметь цивилизованное государство; постепенно набиравший силу большевизм, объединявший представителей всех национальностей, утверждал идею пролетарского интернационализма; свои взгляды имели и

другие этнонациональные, этносоциальные группы, в том числе украинская, еврейская и другие части населения.

В истории этнонациональной большевистской политики в Крыму можно выделить следующие основные этапы:

1-й: 1900–1917 годы, когда большевизм, как самостоятельная политическая сила в Крыму отсутствовал, а его сторонники действовали в рамках объединенной социал-демократии, не занимавшейся вопросами вовлечения в свое движение коренного населения и национальных меньшинств.

2-й: 1918–1920 годы, когда в условиях военно-политического противоборства со сторонниками “единой и неделимой” России, большевикам пришлось столкнуться и с организованным крымскотатарским движением, ставившим своей задачей достижение национально-территориальной республики;

3-й: 1921–1928 годы, когда в обстановке советского строительства, крымское большевистское руководство, не имевшее твердых местных корней, передало всю полноту работы по решению национального вопроса в руки правительства, проводившего линию на строительство в регионе крымскотатарской национально-территориальной автономии, что завершилось “делом” Вели Ибраимова и соответствующим постановлением ЦК ВКП(б);

4-й: 1929–1936 годы, когда в регионе была широко развернута и достигла своего апогея политика насильственной коренизации, прежде всего в форме приоритетного решения крымскотатарского вопроса, проведение которой активно возглавил Крымский ОК ВКП(б), ОКК–РКИ;

5-й: 1937–октябрь 1941 года, когда, с одной стороны, политика коренизации была направлена в русло естественного процесса развития народов всех национальностей, но с сокращением приоритета крымскотатарского народа и национальных меньшинств, с другой – начался процесс свертывания ленинской национальной политики, отказа от ее проведения в форме тесной связи с массами, подменяя ее начетничеством, работой только с партийно-советским аппаратом;

6-й: ноябрь 1941–апрель 1944 годов, когда в условиях оккупации Крыма немецко-румынскими захватчиками, областная организация ВКП(б) оказалась в изоляции, не смогла обеспечить организованного функционирования партизанского движения и партийного подполья, которое заменили группы советских патриотов (ГСП), возглавляемые в своем большинстве активной частью молодежи;

7-й: май 1944– 1946 годов, когда провал компартийной национальной политики Крымского областного комитета списали на татар, национальные меньшинства, огульно сделав их всех “врагами народа”, ликвидировали Крымскую АССР, превратив регион в область в составе РСФСР.

Начало реальному решению этнонационального вопроса положила революция 1905–1907 годов, когда одним из важнейших ее результатов стали значительные изменения в этнонациональном образовании, прежде всего крымскотатарского народа, что требует отдельного рассмотрения. Революция активизировала деятельность социал-демократии и других политических сил, прежде всего на Черноморском флоте и военно-промышленных предприятиях Крыма. Однако ее поражение не позволило развить положительные тенденции в решении этнонационального вопроса в многонациональном регионе.

На этом этапе крымская социал-демократия, составной частью которой являлось ее большевистское крыло, уклонялась от рассмотрения этнонациональных проблем, а сконцентрировала все усилия на революционной работе среди матросов Черноморского флота, пролетариата, сосредоточенного в городах Севастополь, Керчь, Евпатория, Симферополь, Феодосия и ряде других. Это было стратегической ошибкой, поскольку оторвало ее от масс, прежде всего крымскотатарских.

Инициативу перехватили две основные группировки из числа крымскотатарской интеллигенции, прежде всего учителей. В состав первой вошли сторонники Исмаила Гаспринского, получившие образование в Турции и ставшие основными проводниками панисламизма в Крыму. В состав другой вошли сторонники учителя из Карасубазара Решита Медиева, объединенные вокруг его газеты “Ватан Хадими”, получившие образование в Симферопольской татарской учительской школе, работавшие в смешанных русско-татарских земских школах и черпавшие революционные воззрения из среды своих русских коллег. Они активно критиковали русификаторскую деятельность земств, высказывали свое несогласие с деятельностью сторонников И. Гаспринского. Апогеем деятельности сторонников газеты “Ватан Хадими” стало избрание Р. Медиева в 1-ю и 2-ю Государственные Думы, где он играл значительную роль (во 2-й Думе был секретарем мусульманской группы). С поражением революции, газета “Ватан Хадими” была закрыта и ее преемником в 1917 году стала газета “Миллет” как центральный орган партии “Милли Фирка”.

В канун февральской революции 1917 года, крымская социал-демократия, в состав которой продолжало входить большевистское крыло, была слаба и находилась на уровне кружковой работы. В отношении развития пролетарской тактики и политики она не имела достаточной ясности и определенности, в том числе и в национальном вопросе. Первые самостоятельные большевистские организации стали создаваться в Крыму с апреля 1917 года (в Севастополе из числа моряков Черноморского флота и портовых рабочих) и до конца 1917 – начала 1918 года.

В конце ноября 1917 года созывается первый съезд представителей большевистских организаций Таврической губернии с участием 15–17 человек, который в ходе своей работы не высказался по этнонациональному вопросу, что предопределило в будущем многие проблемы борьбы за утверждение советской власти в Крыму. Большевизм активно утверждался в среде моряков Черноморского флота, рабочих, где число представителей крымскотатарского населения было ничтожно мало. Влияния в советах, в том числе и в деревне, у большевиков практически не было.

В крымскотатарской деревне этого периода складывалось следующее соотношение сил: а) мурзачество смыкалось со всем аппаратом царского самодержавия, опиралось на татарское духовенство и зажиточную

часть деревни; б) национальная торговая буржуазия, ориентированная на Турцию, требовала равноправия с русской буржуазией; в) ремесленники–полупролетарии и тонкий слой пролетариата были неграмотны, неорганизованны и бесправны; г) 40–50 % татарского крестьянства было безземельно и мечтало о земле.

Февральская революция 1917 года сдвинула с места рассматриваемую проблему, дала толчок к ее решению. Анализ ее решения представителями коренного населения был сделан в первой половине 1920-х годов В. Галагиным и автор считает, что с ним можно согласится, хотя и не полностью, поскольку он страданием игнорированием принципа историзма [1]. Революционная эйфория позволила комиссару Временного правительства в Таврической губернии направить энергию масс на поддержку своего Петроградского патрона, взять власть в свои руки [2, л. 8]. Однако его политическими оппонентами скоро стали советы рабочих, солдатских и матросских депутатов, профсоюзы, крымские татары под руководством созданной ими в июле 1917 г. “Милли-Фирки” (“национальной партии”).

Партия была образована на базе полуполитического кружка “Джемизт-Хайримэ” во главе с Ч. Челебиевым, Д. Сейдаметом и др. Ее центральным органом стала газета “Миллет”, которую возглавил Аса-Сабри Айвазов. Первый вариант программы партии предусматривал существование крымскотатарской нации как независимого государственного объединения; воспитание татарской нации в национальном духе; передачу казенных и удельных земель общинам (“джемаатам”) с последующим их распределением по принципу “трудового надела”, т.е. того количества земли, которое татарская семья сможет обрабатывать без применения наемного труда.

Комиссар Временного правительства не спешил с решением этнонационального вопроса, но умело опирался в борьбе со своими политическими противниками, прежде всего с советами и профсоюзами, на вооруженные татарские отряды, мусульманское духовенство. Поражение Временного правительства, как следствие не решения наиболее актуальных проблем момента – войны, мира, земли, 8-часового рабочего дня и других, столкнуло в военно-политическом противоборстве основные политические силы, что привело к Гражданской войне. В этой борьбе отдельной политической силой выступил крымскотатарский народ под руководством “Милли-Фирки”, создавшей 26 ноября – 13 декабря 1917 года в Бахчисарае Курултай, избравший Директорию как орган национального правительства на полуострове. Директория опираясь на 3 тысячи татарских эскадронцев [2, лл. 225,245], вступила в военное противостояние с советами рабочих, солдатских и матросских депутатов, но проиграла сражение около полустанка Сирень 12 января 1918 года. 22 января декларацией областного военно-революционного комитета Директория ликвидируется и власть в Бахчисарае переходит в руки военно-революционного комитета [3]. Так потерпела поражение первая попытка утверждения власти крымских татар на полуострове. Главной причиной этого поражения стало отсутствие договоренности с политическими силами, стоявшими в свое время на стороне Временного правительства.

В военном противоборстве с организованным под руководством “Милли-Фирки” крымскотатарским населением, большевики меняют свое отношение к национальному вопросу, хотя этот процесс опять же затянулся в силу того, что они не повели решительной борьбы за реальную реализацию в регионе декрета советской власти “О земле”.

28 января 1918 года в Симферополе созывается конференция из представителей исполнительных комитетов советов и военно-революционных комитетов. Она объявляет себя чрезвычайным съездом, но и на нем национальный вопрос в Крыму не рассматривается. Речь идет о власти, ее конструировании. Вопрос о земле был решен путем образования при местных советах земельных комитетов, что являлось весьма расплывчатым и далеко не четким действием в важнейшем для Крыма и населявших его народов вопросе. Даже, несмотря на такую расплывчатость решения аграрного вопроса, на местах пошел процесс захвата крестьянами, в т.ч. и татарскими, помещичьих земель, их раздел и обработка.

В первых числах марта 1918 года созывается 1-й съезд советов Таврической губернии с участием 700 делегатов, в том числе 120 представителей татарского населения. Съезд вновь решал вопросы о власти и не решал наиважнейших для региона вопросов о земле, что давно реализовывалось в других регионах бывшей Российской империи.

В период оккупации Крыма немецкими войсками и Антантой (май 1918 – апрель 1919 гг.), представители татарского народа вошли в состав Крымского краевого правительства М Сулькевича. Понимая невозможность собственными силами воссоздать крымскотатарское государство, руководство “Милли-Фирки” обратилось 21 июля 1918 года с меморандумом к германскому правительству с просьбой помочь преобразовать Крым в независимое ханство во главе с татарским правительством под германо-турецким протекторатом [4, лл. 135–136]. Однако немцы не спешили с ответом, поскольку имели на Крым совершенно другие виды, которые были изложены ими в 1941 году.

В период деникинщины, крымские татары получили разрешение на формирование воинских частей для борьбы с советской властью, но не получили права действовать самостоятельными соединениями. В армии П. Врангеля татарские отряды находились на тех же условиях. Турецкий султан Энвер-Паша ассигновал Курултай 10 млн. пиастров на борьбу с советами [5, л. 65].

В этой обстановке большевистское руководство Крыма коренным образом меняет свое отношение к этнонациональному, прежде всего татарскому вопросу. Этому способствовал целый ряд факторов, в числе которых возможно назвать следующие: во-первых, образование при Крымском областном комитете татарской секции в составе Метхета Рефатова, как руководителя, Урманера, Аббаса – Эфенди, как членов, и Жени Жигалиной как представителя ОК РКП(б). Секция перенесла центр внимания большевистской работы в татарскую деревню, что и обеспечило партизанскому движению ее поддержку; во-вторых, возвращение к прежней царской политике в отношении крымских этносов со стороны руководителей “белого” движения и

создаваемых ими правительств, прежде всего в земельном вопросе, когда она силой была возвращена помещикам; в-третьих, позицией “Милли-Фирки”, которая увлекшись борьбой за власть, решением политических вопросов, не решала насущных татарских социально-экономических проблем, прежде всего земельного, встав на позиции выкупа земли и передачи ее джемаатам, что было не реально в силу тяжелого экономического положения большинства крымскотатарского крестьянства.

1.2. Дуализм большевистской этнонациональной политики в Крыму в 20–е годы

После разгрома врангелевщины, в Крыму окончательно утверждается советская власть в лице ее революционных комитетов в центре и на местах. Крымревком возглавил опытный большевик-интернационалист Бела Кун [6, л. 1]. Всю полноту политической ответственности за утверждение новой власти взяла на себя областная партийная организация, начавшая свой 3-й этап в проведении этнонациональной политики с жесткой конфронтацией с той частью татарского населения, которое поддерживало в годы Гражданской войны “Милли-Фирку” и которая перешла к партизанским методам борьбы с советской властью. Для их ликвидации потребовался принципиальный пересмотр этнонациональной, политической, экономической, военной и социально-культурной деятельности Крымревкома, областной партийной организации, которая вышла из войны ослабленной, имеющей минимальный кадровый потенциал, прежде всего из числа коренного населения и национальных меньшинств.

Начало этого этапа выявило отсутствие единства взглядов партийно-советского руководства на решение вопроса государственного строительства, что было естественно. На приоритетное решение своего вопроса претендовало как русское население, не имевшее единства в своих рядах, так и татарское, украинское, немецкое. Окончательное решение было принято на уровне Политбюро РКП(б), ЦИК и СНК РСФСР, но оно носило двоякий, не четко определенный характер, не давало ответ на вопрос: какая автономия в Крыму создается – национально-территориальная или национально-культурная? Это было обусловлено отсутствием однозначного ответа на этот вопрос в ЦК РКП(б), где Ленин отстаивал строительство национально-территориальной, а Сталин национально-культурной автономии.

Созданная на I-м Всекрымском учредительном съезде советов Крымская ССР и образованный на нем Крым ЦИК, где значительный вес имели представители татарского населения, взяла курс на строительство национально-территориальной автономии, чему областной комитет большевиков особенно не сопротивлялся, отдав руководство этим процессом татарскому бюро и правительству автономии.

Нормативно-правовой базой решения крымскотатарского вопроса в национально-государственном строительстве Автономной Крымской ССР в 1920-х гг. стали: Декларация прав народов России от 15 (2) ноября 1917г., принятая СНК и провозглавшая в вопросах национальной политики равенство и суверенность народов России, право ее народов на свободное самоопределение, вплоть до отделения и объединения в самостоятельные государства, отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий, свободное развитие национальных меньшинств и др. [7, ст. 18]; обращение СНК Советской России от 22 ноября 1917г. «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором предлагалось «устраивать свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно [8, ст.114]; «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа», принятая III Всероссийским съездом советов 12 января 1918г., и объявившая Россию Республикой Советов [9, ст.3]; резолюция VII Всероссийского съезда советов от 5 декабря 1919 г. «Об угнетенных нациях», требовавшая неуклонно проводить на территории РСФСР полное уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы [10, с.236]; резолюция X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», указывающая, что уничтожение фактического неравенства есть длительный процесс, требующий упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства; первая Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918г. V Всероссийским съездом советов и определившая строительство советских республик по национально-территориальному принципу [11, с.104], последующие конституционно-правовые документы.

Первой особенностью национально-государственного строительства в Крыму была его многонациональность. В регионе проживали граждане 59 национальностей и каждая из них имела свои культурные особенности, накопившиеся столетиями нужды. Как докладывал в 1921г. Н.И. Бухарину представитель Наркомнаца РСФСР в Крыму татарин З. Булушев: «44% населения Крыма составляют татары. ...Большая часть татарского населения живёт в деревне. Если исключить мурзаков (помещичье дворянство), средний достаток этого населения ниже середняцкого. Городское население живёт в условиях ещё худших: всегда на окраинах, в слободках, в антисанитарных условиях, впроголодь, случайными заработками. Среди татар распространён туберкулёз. Школ мало и они не оборудованы. Из учебников на родном языке только букварь. Мало образованных учителей...»

Татарский вопрос в Крыму – не национальный вопрос в узком смысле слова, но вопрос социальный... .

Рядом с татарами живут другие мелкие народности, попавшие в большей или меньшей степени под влияние татар. К татаризованным народностям принадлежат местные цыгане, караимы, крымчаки и отчасти крымские армяне и греки” [12, лл. 35, 36].

По переписи 1921 года, проведенной Крымревкомом, из общей численности населения 720 428 человек, татары составляли 25,9 % или 186 715 человек [13, с.118]. При этом следует отметить громадное различие в национальном составе городского и сельского населения полуострова.

Анализ документов и литературы показывает, что если русское население преобладало в городах (60,1 % или 196 487 чел.), то татарское население – в сельской местности, составляя там 37,8 % или 148 751 чел.

Татарское население преобладало в южнобережной полосе (от 71,6 % до 79,3 %) или 4/5 всего населения. В степной части Крыма его оставалось 17,7 % [13, л.119].

С учетом указанной выше ситуации, Крымревком своим приказом № 306 от 1 марта 1921 г. ввел в действие постановление ВЦИК РСФСР от 30 ноября 1920 г. об учреждении в Крыму представительства народного комиссариата по делам национальностей во главе с членом коллегии Наркомнаца М.Султан-Галиевым [14].

Оценивая особенности ситуации, Зайнулла Булышев указывал, что большинство в Крыму составляют татары, русские и отчасти немцы и поэтому необходимо практически перенести центр тяжести работы в туземную среду, наделить землей татарских трудящихся крестьян; фактически ввести туземный язык в советских учреждениях; татаризовать советский аппарат в татарских районах; втянуть местное население в управление родным краем; создать кадры советских работников из татар; вернуть на родину татар, вынужденных при царизме эмигрировать [15].

Из вышеуказанного вытекала проблема отсутствия единства взглядов на форму национально-государственного строительства в период обсуждения этого вопроса в первой половине 1921г. Представители русского населения предлагали образовать область в составе РСФСР, украинского – республику в составе УССР, татарского – национальную автономию с правом международных сношений, немецкого – национально-территориальную автономию. Вся эта дискуссия широко освещалась в газете «Красный Крым». Итогом этой дискуссии явилось принятие I Всекрымским Учредительным съездом советов 11 ноября 1921г. Конституции Автономной Крымской Советской Социалистической Республики, объявлявшей о замене позорной царской политики систематического угнетения слабых, натравливания национальных групп друг на друга, обмана и лжи на свободный, равный и тесный союз национальных групп трудящегося населения Крыма.

Конституция Автономной Крымской ССР утверждала равенство и право на свободное развитие всех национальностей полуострова; отменяла все существовавшие ранее национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения; государственными языками республики объявляла русский и татарский; провозглашала создание благоприятных условий для свободного культурно-экономического развития всех национальностей, упрочение их сотрудничества [16, лл. 14–26].

Съезд взял курс на коренизацию, обратив внимание на приоритетное решение татарского вопроса, вынес постановление о применении татарского языка в государственных учреждениях, по подготовке работников из числа татар и о вовлечении их в управление делами.

В первом же году советского строительства, в Крыму главной проблемой стало преодоление голода 1921–1923 гг., ставшего результатом засухи лета 1921 г.; разрушения сельского хозяйства за годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции; нехватки денежных средств на орошение, др. Постановлением Крымревкома от 9 сентября 1921 г. «О Крымском комитете помощи голодающим» учреждается специальный орган по преодолению последствий неурожая и наступившего за ним голода [17]. Но ситуация была исключительно сложна и принимаемые меры кардинально положение не спасали. К концу марта 1922 г. в постановлении 3–й сессии Крым ЦИКа указывалось, что всего от голода в Крыму умерло 88 тысяч человек [18]. Наиболее пострадала татарская деревня, прежде всего горной и Южнобережной части Крыма, где от 2/3 до 3/4 всех погибших от голода составили мужчины [19].

III Всекрымский съезд советов, проводивший свою работу с 10 по 14 декабря 1923г., подытожил работу по решению татарского вопроса и пришел к выводу, что низкий культурный уровень трудящихся татар, ограниченные средства местного бюджета и недостаток татар-работников не позволил полностью выполнить решения I съезда по решению татарского вопроса [20, л.9].

Сложно решался вопрос реализации в Крыму конституционного положения о внедрении татарского языка как государственного в республике. Нормативно-правовой базой для решения этой задачи стало принятие следующих документов: декрета Крым ЦИКа и СНК от 10.02.1922г. о создании постоянной Комиссии по татаризации в составе 5 человек во главе с Председателем Крым ЦИКа, а также переводческой Коллегии; постановление Крым ЦИКа и СНК от 28.04.1923г., которым вменялось в обязанность народным комиссариатам и Центральным Управлениям иметь в своем штате лицо, владеющее татарским языком; пяти РИКа́м с преобладающим татарским населением (Бахчисарайскому, Карасубазарскому, Алуштинскому, Ялтинскому, Судакскому) и сельским советам с преобладающим татарским населением установить дело-производство на татарском языке; народному комиссариату просвещения проработать вопрос о введении в школах II–й ступени обязательного преподавания татарского языка; народному комиссариату юстиции вменялось в обязанность разработать инструкцию по проведению в жизнь данного постановления.

Для реализации поставленных выше задач, проводился следующий комплекс мероприятий: организация долгосрочных курсов по подготовке кадров татарских работников при Орготделе Крым ЦИКа для председателей и секретарей сельских советов и татарских юридических курсов при Наркомюсте в начале 1925г. и давшим в мае 1926 г. 22 квалифицированных специалиста [20, л.79]; организация краткосрочных курсов при Наркомфине, Крымском отделении железнодорожного транспорта, областной конторе Наркомсвязи для обучения русских работников татарскому языку [21, л. 79]; организация в судебных органах к 1926г. 13 участков Нарсуда, 2-х участков Нарследования, 2-х участков судисполнения на татарском языке. Всего в органах юстиции работало к этому времени 63 татарина (13% общей численности) [22, л. 80]; Наркомпросом из общей численности 53-х школ II ступени было организовано 12 татарских, 5 немецких и 36 смешанных; ежедневно выпускалась на татарском языке тиражом 2000 экз. Крымским ОК ВКП(б) газета «Ени Дунья» («Новый мир») и два раза в неделю Крымским ОК ВЛКСМ газета «Яш Кувет» («Молодая Сила») таким же тиражом [22, л. 83].

Проблемой стало для Крыма развитие социально-культурной сферы для татарского народа. Сложность состояла в отсутствии необходимого количества квалифицированных национальных кадров. Подготовку татарских национальных кадров обеспечивали педагогический, художественно-промышленный, фельдшерско-акушерский, сельскохозяйственный техникумы и техникум южных спецкультур [22, л. 92]. Несмотря на все финансовые трудности, в Крыму было образовано 164 татарских ликпунктов, 67 изб-читален, 8 татарских детдомов [22, л. 90].

Решение татарского вопроса потребовало нового административно-территориального деления полуострова. Постановлением Крымревкома от 8 января 1921г. он был разделен на 7 уездов и 20 районов. Осенью 1921 года, с образованием Крымской ССР, было образовано 7 округов и 20 районов. В октябре 1923 года округа были ликвидированы, а число районов сокращено до 15.

По представлению Крым ЦИКа, постановлением ВЦИК РСФСР от 4 сентября 1924 года «Об упразднении некоторых районов Автономной Крымской ССР» пять районов было упразднено и слито с другими, после чего в автономии осталось 10 районов [23, ст.951].

В связи с вышеуказанным, решалась и проблема строительства низовых советских структур самоуправления с учетом национального фактора. Исследование архивных документов позволило сделать следующий сравнительный анализ численности и состава членов сельсоветов Крыма в 20-е гг.:

Сравнительный анализ национального состава населения Крымской АССР и составов членов советов по итогам выборов 1928/29г. (в %):

Таблица 1.

Национальности	Село		Город	
	Численность населения	Состав членов с/с	Численность населения	Состав членов горсоветов
Русских	31,6	38,0	55,9	56,7
Украинцев	12,7	5,6	7,0	6,0
Татар	35,8	37,0	12,0	13,3
Немцев	9,5	9,0	1,4	1,5
Евреев	2,4	2,9	10,1	9,0
Греков	1,8	2,3	3,0	4,3
Болгар	2,6	2,6	0,6	0,1
Армян	0,9	1,0	2,3	1,5
Прочих	2,7	1,6	7,7	7,5

Из анализа видно, что состав членов советов из числа русского и татарского населения несколько превышал их общую численность в регионе, хотя в целом представительство было пропорциональным.

Переломным в национально-государственном, строительстве решении татарского вопроса следует считать 1925 год. Именно в этом году на XII Всероссийском съезде советов была принята вторая Конституция РСФСР, в основу которой был положен принцип самоопределения народов и в которую была введена специальная глава IV «Об автономных советских социалистических республиках и областях», которая впоследствии на Чрезвычайном XVII съезде советов нашла свое развитие в главе V «Высшие органы государственной власти Автономных Советских Социалистических Республик». В ноябре 1925 года юридический статус крымской автономии в рабочем порядке был приведен в соответствие с требованиями главы IV второй Конституции РСФСР и она получила название «Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика». На состоявшемся в мае 1925 года III съезде советов Союза ССР по докладу М.И. Калинина была принята развернутая резолюция «О национальных меньшинствах». Данный документ требовал обеспечить вовлечение во все выборные советские органы представителей национальных меньшинств, а в случаях значительной численности национальных меньшинств образовать отдельные советы с употреблением языков этих меньшинств, организацией школ и судов на родном языке.

Анализ архивных документов позволил увидеть следующий состав сети национальных сельских советов в Крыму в 20-е гг. [24, с. 247]

Таблица 2.

	Всего	Русских	Украинцев	татар	Немцев	Евреев	Болгар	Греков	Армян	Прочих
До разукрупн.	143	–	–	51	26	–	5	1	–	60
На 1.10.1925г.	345	112	–	135	29	1	7	5	1	55

Как видно из таблицы, татарскому вопросу был дан приоритет. При 25 % общей численности населения, татары имели 39,1 % всех сельских советов.

В последующие годы этот процесс развивался наиболее успешно и по итогам выборов 1928/1929 гг. при общей численности сельского населения 35,8 %, члены сельских советов из представителей татарского народа составили в автономии 37,0 %, при 12,0 % общей численности городских жителей – 13,3 % [25, л. 58].

Успешно решался вопрос вовлечения татарского населения в рабочие бригады, группы содействия и смотровые комиссии при проведении в 1929 года смотра-конкурса советских органов. Число участников из

татар составило 3434 человек или 34,2 % в селе и 366 человек или 8,4 % в городе [25, л. 61].

Наиболее сложно шло вовлечение татар в производство. Для решения этой задачи в 1926 года при Крым ЦИКе была создана специальная комиссия, а в июле 1929 года постановлением Президиума Крым ЦИКа организуется Правительственная комиссия по коренизации советского, кооперативного, профсоюзного аппарата, а также вовлечению татар в производство.

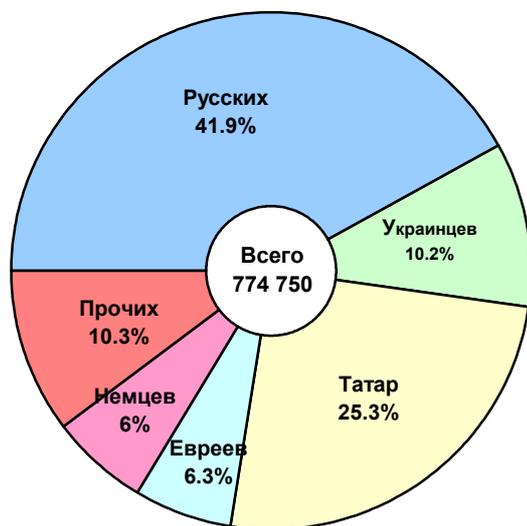
Исследование позволило выявить следующую динамику вовлечения татар в производство по ценовой промышленности (в % к общему числу рабочих) на: 1 октября 1926 года – 3,2; 1 октября 1927 года – 3,6; 1 октября 1928 года – 7,6 ; 1 октября 1929 года – 9,5.

В кустарной промышленности на 1 октября 1928 года насчитывалось 4 тысяч человек татар [25, л. 8].

Изучение архивных документов позволило сделать нижеуказанный анализ населения Крыма и состава выборных советских органов, штатного состава учреждений по национальному составу.

Анализ населения Крыма на 30 декабря 1929г.

Состав рабочих
промышленных
предприятий
Всего: 37440 чел. – 100%

Прочих	8,1%
Немцев	0,7%
Евреев	15,1%
Татар	8,7%
Украинцев	9,7%
Русских	57,7%

Решение вышеуказанной проблемы оказалось в тесной взаимосвязи с вовлечением татарской молодежи в профессионально-технические и другие повышенного типа школы, готовящие кадры специалистов и руководящих советских, кооперативных и профсоюзных работников. Изучение материалов доклада Правительственной комиссии по коренизации при Крым ЦИКе позволило выявить следующее положение дел по этой проблеме в 1929 года (чел / %) [25, л.6]:

Таблица 3.

Наименование учебных заведений чел./%	Учащихся по национальному составу									
	Русских	Украинцев	Татар	Немцев	Евреев	Греков	Болгар	Армян	Прочих	Всего
Профшколы чел./%	725 49,4	126 8,6	347 23,6	17 1,2	98 6,6	47 3,2	23 1,6	18 1,2	70 4,7	1471 100
Техникумы чел./%	871 39,4	87 3,9	506 22,9	30 1,4	445 20,2	35 1,6	9 0,4	38 1,7	188 7,5	2209 100
Сопарт-школы чел./%	50 18,4	17 6,3	120 44,1	19 7,0	18 6,6	9 3,3	13 4,8	11 4	15 5,5	272 100
Рабфаки чел./%	218 36,3	46 7,7	226 37,7	6 1	38 6,3	10 1,7	1 0,2	5 0,8	50 8,3	600 100
Крымский пединститут чел./%	361 48,7	44 5,9	59 8	12 1,6	183 24,7	9 1,2	7 1	11 1,5	55 7,4	741 100

Как видно из таблицы, активно готовились татарские национальные кадры через совпартшколы, рабфаки, техникумы и профшколы.

Важнейшим направлением решения в советском понимании татарского вопроса стал перевод алфавита с арабского шрифта на латинский. В этих целях в 1924 года были созданы Крымский Комитет нового татарского алфавита (НТА), а в 1926 года «Общество друзей нового алфавита» во главе с М. Недимом на об-

ществленных началах.

В июле 1927 года Комитет реорганизуется и осенью этого же года проводит 1-ю Всекрымскую научно-орфографическую конференцию по созданию официальной татарской терминологии. В мае 1928 года проводится 1-й Всекрымский съезд «Общества друзей нового алфавита».

С лета 1927 г. Народный комиссариат просвещения автономии ежегодно организует курсы по переподготовке учителей, ликвидаторов неграмотности и политпросветработников. Анализ работы этих курсов показывает, что подготовку на них прошли: в 1927 году – 150 учителей, 28 избачей, 25 ликвидаторов; в 1928 году – 600 учителей, 30 пионервожатых, 99 ликвидаторов; в 1929 году – 600 учителей, 85 пионервожатых [25, л. 79].

С 1927 года ликвидация неграмотности шла исключительно на НТА. В ликбезах на нем было обучено: в 1927 году – 4 тысячи человек; 1928/1929 году – 7 тысяч человек. Кроме того, было переобучено со старого алфавита на НТА 13798 человек. Таким образом, к 1929 году НТА овладело 39 798 человек. Неграмотных на НТА в возрасте от 15 до 50 лет оставалось 13 850 человек.

С 1927 / 1928 учебного года НТА вводится во всех школах Крыма. В 1927 году учреждается первый в Крыму журнал на НТА «Коз Айдын», который осенью 1929 г. реорганизуется в детский пионерский журнал [25, л. 80].

Однако этот процесс шел наиболее сложно в силу ряда причин как объективного, так и субъективного характера. К числу объективных причин относятся: нехватка квалифицированных кадров, подготовка которых через системы педвузов и педтехникумов шла медленно; отсутствие технических средств, когда на НТА было всего 33 единицы пишущих машинок, из них 4 новых и 29 переделанных; сложность определения основных принципов орфографии языка, определения основного диалекта, на базе которого строится орфография; нехватка терминов в языке и другие.

Субъективными причинами возможно считать активное торможение этого процесса руководством Крымского ЦИКа во главе с Вели Ибраимовым, противодействие ему духовенства, обученного на арабском алфавите, другие.

Как указывалось в решении ЦК ВКП (б) «О работе Крымской партийной организации» от 8 августа 1928 года, коренизация аппарата в Крымской АССР до 1928 года не представляла из себя системы работы ведомств и только после указанного выше документа наметился перелом в сторону укрепления аппарата за счет коренного населения – татар и национальных меньшинств [26, л. 6]. Как показал сделанный выше анализ, такая оценка носила субъективный характер и была средством оправдания репрессий по отношению к руководящим кадрам Крыма, прежде всего «дела Вели Ибраимова». В то же время, она давала “зеленый свет” принудительной, четко планируемой и жестко осуществляемой коренизации.

Арест в 1928 году Вели Ибраимова и с ним 17 руководящих работников Крымской АССР, в том числе 4-х народных комиссаров, явился средством оправдания компартийного провала в автономии, о чем и было заявлено на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 1 август 1928 года. Анализируя причины «ибраимовщины», Бюро отметило следующие из них: оторванность советских органов от масс, прежде всего татарских, их значительная засоренность остатками сторонников белого движения (в НКЗеме из 36 ответственных работников – 20 человек бывших белогвардейцев и эсеров; в Главсуде из 29 руководящих работников – 13 человек в НКпрос из 22 руководящих работников – 10 человек «бывших»); [27, л. 2 о];

Кроме того отмечались: провал в партийном руководстве, которое шло мимо основных и коренных вопросов строительства советского Крыма; отстранение от решения наиболее острых проблем советского строительства низовых партийных организаций, где представителей татарского населения было ничтожно мало; большинство их секретарей были пришлыми, не связанными с крестьянами, не пользующимися у них авторитетом; из 9 % коммунистов – татар был подобран лишь руководящий состав автономии [27, л. 4о]. Руководящие татарские работники большей частью происходили из татов, проживающих в горных, предгорных районах и на Южном берегу. Отмечались и нерешенность земельного вопроса, сохранение земли в руках помещиков и зажиточного крестьянства, мурзаков, когда их количество в 3 раза превышало общесоюзный показатель и составляло до 15 % всех хозяйств; рост кулацких хозяйств с 1923 по 1927 гг. в 2,5 раза [27, л. 5 о]; отстранение русских руководителей от решения татарского вопроса, прежде всего в деревне [27, л. 6 о], другие. Все эти провалы были списаны на Вели Ибраимова и других татарских работников, которые были расстреляны.

Исходя из вышеуказанного партийного документа, Бюро Крымского ОК ВКП(б) в своем постановлении от 22 августа 1929 года по вопросам коренизации отметило следующие недостатки в работе Крымправительства: отсутствие единого руководства и контроля над вопросом коренизации аппарата и вовлечения татар в промышленность; недостаточное внимание к вопросу коренизации со стороны областных и районных организаций; отсутствие системы и плановости в этой работе; не учтено политического вопроса перевода делопроизводства на татарский язык в районах с абсолютным большинством коренной национальности [28, л. 12].

Ранее, постановлением Всероссийского ЦИК и СНК от 9 апреля 1929 года №108 было утверждено положение об уполномоченных по делам национальностей, в круг обязанностей которых входило: заслушивание докладов и рассмотрение хозяйственных и иных планов отделов местных учреждений и организаций по вопросам, касающимся обслуживания национальных меньшинств; защита интересов национальных меньшинств при составлении местных бюджетов; разработка и проведение через соответствующие органы мероприятий по улучшению хозяйственного и культурного положения национальных меньшинств; участие в работе земельных органов по вопросам рассмотрения и переселения национальных меньшинств; содействие органам просвещения, культурно-просветительной работы среди национальных меньшинств; органи-

зация курсов по подготовке и переподготовке работников среди национальных меньшинств для низового советского аппарата и другие [29, лл. 25–27].

В Крыму оно было введено постановлением Крым ЦИКа лишь в июне 1930 года [30, лл. 20–22].

Исключительно сложно решался гендерный вопрос среди татарского населения. Главными причинами этого возможно считать: непоколебимость традиций определения места женщины–татарки как работницы, ее бытовая замкнутость, неуклонное проведение этой традиции в практику повседневной жизни мусульманской религией; значительная общественно–политическая отсталость женщин–татарок, другие.

На 1 октября 1929 года по 320 сельским советам Крыма числилось 18 бытовых секций, в которые было вовлечено 221 женщина, из них татарок – 17 % [15, л. 63].

В Крыму решались и другие проблемы татарского народа, в том числе в сфере сельского хозяйства, искоренения шовинизма, национализма и антисемитизма, приближения советского аппарата к татарскому населению, максимального охвата его работой в общественных организациях советов, структурах советского народного контроля, что наиболее рельефно проявлялось в начале 1930–х годов в форме принудительной коренизации.

1.3 Переход Крымского большевизма к политике насильственной коренизации и ее результаты.

По состоянию на 18 августа 1930 года, в Крыму проживали граждане 76 национальностей, из них основными были:

Таблица 4.

№ п/п	Национальности	Всего по Крыму чел / %	в том числе	
			в селе	в городе
1.	Русских	324 415 / 41,8	137 699/31,6	186 725/54,8
2.	Украинцев	779 765 / 10,2	55 235 / 12,7	23 930 / 7,0
3.	Татар	196 255 / 25,4	155 835/35,8	40 420 / 12,0
4.	Евреев	49 110 / 6,4	10 140 / 2,4	38 970 / 10,1
5.	Немцев	46 055 / 5,9	41 550 / 9,5	4 505 / 1,4
6.	Греков	17 880 / 2,3	7 585 / 1,8	10 295 / 3,0
7.	Болгар	12 380 / 1,6	10 870 / 2,6	1 510 / 0,6
8.	Армян	12 110 / 1,5	4 295 / 0,9	7 815 / 2,3
9.	Прочих	37 380 / 4,9	11 600 / 2,7	26 371 / 8,8
	Итого:	775 350 / 100	434 809/ 100	340 541/ 100

Анализ показывает, что жители городов Крыма составляли 43,9 % всего населения, из них 54,8 % – русские и 12 % татары, условия жизни которых были одними из самых неблагоприятных [31, л.29].

Исходной точкой активизации процесса решения проблемы татарского вопроса в 1930-е гг. в Крымской автономии возможно считать заседание Оргбюро ЦК ВКП(б) от 8 августа 1928 года по докладу о работе Крымской партийной организации. В выступлении на этом заседании председателя В.М. Молотова в качестве одной из главных ее задач была поставлена подготовка советских кадров из татар, национальных меньшинств [32, л.8].

Выполняя это требование, Крым ЦИК и СНК Крымской АССР разработали и приняли 25 июля 1929 года первый пятилетний план коренизации ее государственного аппарата, прежде всего из числа татарского народа. Он должен был стать неразрывной составной частью 1-го пятилетнего плана развития народного хозяйства Крымской автономии, в комплексе решить проблему национально–государственного и социально–экономического развития полуострова. План предусматривал увеличение численности представителей татарского народа к 1935 году в советском и кооперативном аппарате с 13,7 % в 1929 году до 23, 7 % к 1.01.1935 года [31, л. 67].

6 апреля 1931 года план был уточнен и утвержден правительственным решением. Он предусматривал сокращение аппарата, но на деле привел к его увеличению на 9 %. Планировалось сократить в аппарате русских – на 11,95%, украинцев – на 1,7 % при одновременном росте татар – на 10,5 %, немцев – на 1,6 %, других национальностей – на 0,6 % [33, л. 134].

Исследование показало, что вопрос татаризации был взят под жесткий контроль с четким определением должностей, которые могли занимать только национальные меньшинства, прежде всего татары. В составе СНК Крым АССР число должностей, которые занимали русские сократили с 10 в 1931 до 5 в 1932 году, т.е. в два раза, а число лиц татарской национальности в этот же период возросло с 5 до 12. И это при том, что на 1 января 1930 года русские составляли 41,9 % всего населения, а татары – 25,3 %.

Основными направлениями партийной работы по активизации решения татарского вопроса стали: более широкое вовлечение татар в советы и их массовые организации; укомплектование учреждений и организаций представителями татарского народа; увеличение сети татарских национальных советов; подготовка и переподготовка кадров всех уровней из числа татар; вовлечение татар в промышленность; осуществление комплекса мероприятий культурно–хозяйственного обслуживания татарского народа; перевод татарского языка с латиницы на кириллицу; обучение и переподготовка кадров и населения на новотатарском языке; перевод делопроизводства в местах компактного проживания татар на национальный язык, другие.

Главным инструментом проведения в жизнь политики коренизации в начале 1930-х гг. стала Нацменкомиссия при Президиуме ЦИК в составе председателя Крым ЦИК, народных комиссаров и представителя

ОК ВКП(б). Только в 1930 году Комиссия рассмотрела вопросы о 5-летнем плане вовлечения национальных меньшинств в фабрично–заводское производство, открытия курсов колхозного строительства для татар и национальных меньшинств, расселения татар, перевода делопроизводства в сельских советах и в местах компактного проживания татар на их язык, подготовки нацменкадров и другие.

Комиссия провела 9 межведомственных совещаний, которые рассмотрели проблемы изучения национальностей Крымской АССР, прежде всего татар; этнографических и археологических изысканий по татарской национальной культуре; изучения быта татарского народа и национальных меньшинств [34, лл. 6–178].

Анализ документов того времени показывает, что параллельно с курсом на политическое и культурное развитие татарского населения, пошел процесс ограничения его влияния, прежде всего в экономической сфере. 15 сентября 1931 года Президиум ЦИК Крымской АССР принял постановление «О порядке ликвидации нацменобществ Крыма». Оно предусматривало передачу частной национальной местной промышленности в распоряжение Промкооперации [35, лл. 1–11].

Итоги реализации пятилетнего плана развития народного хозяйства были подведены на февральской (1932 г.) сессии ЦИК Крымской АССР. Сессия констатировала, что первый пятилетний план в автономии выполнен за 4 года и 3 месяца и республика из аграрной превратилась в индустриально–аграрную. Валовая продукция промышленности выросла в 4 раза, а тяжелой в 7 раз; 86 % бедняцко–средняцких хозяйств были коллективизированы и их обеспечивали 24 МТС. В Крым было переселено 5400 еврейских трудовых хозяйств, которые освоили свыше 160 тысяч гектар земли. Еврейские переселенцы были не только с территории Союза ССР, прежде всего Белорусской ССР, но и из Палестины [34, лл. 3–74].

Исследование показало, что если 1-й пятилетний план социально–экономического развития был выполнен досрочно, то выполнение пятилетнего плана коренизации в автономии проваливалось. Это возможно объяснить как объективными, так и субъективными причинами, в числе которых нехватка подготовленных национальных кадров, прежде всего из числа татар, социально–экономические проблемы татар и большинства национальных меньшинств, торможение процесса коренизации со стороны старых кадров и другие. В этих условиях руководство Крымской АССР пошло на новые шаги по административному продвижению решения проблемы развития татарского народа.

Постановлением ЦИК Крымской АССР от 4 марта 1932 года при его Президиуме организуется Отдел национальных меньшинств в составе 3-х человек (заведующего, инструктора и секретаря–инструктора). Он действовал на основании Положения «Об отделе национальных меньшинств», утвержденного 21 мая 1932 года и определявшего следующие его задачи: вовлечение национальных меньшинств в промышленность и промысловую кооперацию; создание самостоятельных артелей; вовлечение в сельское хозяйство цыган; вовлечение национальных меньшинств в аппарат для национальных районов; организация и хозяйственное укрепление национальных колхозов и другие [36, лл. 4–5].

При городских и районных исполнительных комитетах был организован штат Уполномоченных по работе среди татар и национальных меньшинств.

Сессия Крым ЦИКа заслушала доклад о работе Отдела национальных меньшинств при Президиуме ЦИК Крымской АССР за 1932 год и констатировала, что: отдел создал институт Уполномоченных во всех 16 РИКах и 6 горсоветах; организовал 3-х месячные курсы для татар и национальных меньшинств по делопроизводству, счетоводству и машинописи, выпустив за 1932 год тридцать два человека, в т.ч. 10 татар, 11 евреев, 11 немцев; обеспечил коренизацию Бюк-Онларского (немецкого) районного аппарата на 40 % [37, лл. 18–34].

В начале 1930–х годов было проведено очередное разукрупнение сельских советов, что позволило значительно увеличить численность национальных советов. Анализ этой их сети позволяет сделать следующие выводы:

Таблица 5.

	Всего советов	из них								
		русских	украинских	татарских	немецких	болгарских	греческих	еврейских	армянских	смешанных
До разукрупнения	143	–	–	51	26	5	1	–	–	60
На 1.10.1925г.	345	112	–	135	29	7	5	1	1	55
На 1.10.1930г.	427	106	3	144	37	9	8	14	2	104

Из таблицы видно, что количество национальных советов, прежде всего татарских, неуклонно возрастало и достигло к 1 октября 1930 г. 33,7%.

По итогам отчетно–выборной кампании 1930/1931 года было образовано уже 433 сельсовета. Исследование позволяет сделать следующий анализ их председателей по национальному составу (чел./ %): русских: 138 / 31,9; татар: 171 / 39,5; украинцев: 24 / 5,5; евреев: 27 / 6,2; немцев: 42 / 9,7; других национальностей: 31 / 7,2 [37, лл. 73 – 76].

Состав членов сельских советов характеризуется следующими данными: чел /% [38, л.4]:

Таблица 6.

Годы	Всего	В том числе						
		женщин	русских	украинцев	татар	немцев	евреев	Других национальностей
1931	4167	1057/25,4	1472/35,3	204/2,9	1562/37,5	395/9,5	169/4,1	365/11,7
1929	4325	4325/20,2	1645/38,0	243/5,6	1598/37,0	393/9,0	124/2,9	32/7,5

Большое внимание в автономии уделялось продолжению политики совершенствования системы административно–территориального деления исходя из учета компактного проживания граждан различных национальностей. В 1930 году образуется 16 районов и 4 самостоятельных горсовета, а к 1935 году – 25 районов и 5 самостоятельных горсоветов (Симферополь, Севастополь, Керчь, Феодосия и Ялта).

Разукрупнение 1935 года позволило уменьшить количество сельских советов на один район с 28 до 27, а численность населения – с 28 до 18 тысяч человек [39, л.17]. Данное районирование позволяло максимально учитывать национальный состав населения, сложившуюся систему социально-экономического развития, размещения производительных сил. Было создано 6 татарских и по одному немецкому, еврейскому и украинскому национальному району.

В последующие годы процесс административно-территориального переустройства продолжался и на 1 январь 1940 года сложилась следующая структура: 13 городов (Алупка, Алушта, Балаклава, Бахчисарай, Джанкой, Евпатория, Карасубазар, Керчь, Севастополь, Симферополь, Старый Крым, Феодосия Ялта); 4 рабочих поселка (Кача, Красноперекоск, им. Орджоникидзе, Сейтлер); 8 поселков городского типа (Гаспра, Гурзуф, Кореиз, Ливадия, Мисхор, Саки, Симеиз, Судак); 26 районов [40, лл. 81–82].

Особое внимание в автономии уделялось подготовке национальных кадров на уровне школы I ступени – II ступени – техникумы – рабфаки – вузы. Проблема эта, особенно с татарскими учащимися, решалась сложно. Так, если татарские учащиеся школы I ступени в 1930/1931 учебном году составляли 30,9 % всех учащихся, то в школах II ступени они составляли всего 11,0 % [41, л. 30о].

В 1930/1931 году в Крымском педагогическом институте обучалось 484 студента, из них 80 татар (16,5 %), а в 1931/1932 г. из 630 студентов татарская молодежь составляла уже 20,1 %.

В 3-х педагогических техникумах автономии в 1931/1932 году из 669 студентов обучалось 408 представителей татарского населения или 61 %. В 1931 году были проведены 2-х месячные курсы при Пединституте по переподготовке 65 татарских учителей школ I ступени, 3-х месячные курсы для 30 учителей школ II ступени и школ колхозной молодежи, из них татар – 10 [41, л. 29].

В целом, в четырех вузах Крымской АССР в начале 1930-х гг. обучалось 1329 студентов, из них 380 представителей татарской молодежи или 30,6 %. В 1931м г. в техникумах автономии училось 5545 человек, из них татарская молодежь составляла 27,8 %, а рабфаках – 25, 4 % [41, л. 29о].

Исследование показывает, что в 1936 году в 3-х вузах Крыма обучалось 2202 студента, из них представители татарского народа составили 21,1 %. В техникумах автономии обучалось 5016 человек, из них татары составляли 21,7 % [42, лл. 10–11], что достигалось жестким квотированием мест.

Главными проблемами оставались нехватка квалифицированных кадров, особенно профессоров из числа татар; недостаточная научно–исследовательская работа кафедр; нехватка учебно-лабораторного оборудования и др., что не обеспечивало достаточно высокого качества подготовки кадров.

23 марта 1934 года Крым ЦИК проанализировал на своем заседании ход коренизации государственного и кооперативного аппарата, перевода делопроизводства на национальные языки. Исследование позволило выявить следующую картину решения указанных выше проблем по 56-ти организациям:

Таблица 7.

Руководящий состав			Специалисты			Средне-технический персонал		
Всего чел. / %	в том числе		Всего чел. / %	в том числе		Всего чел. / %	в том числе	
	татар	нацмен		татар	нацмен		татар	нацмен
694/100	205/30	250/36	459/100	64/14	177/36	1070/100	187/16,5	413/35,2

Данные приведены из ГА АРК [46, л. 86].

Несмотря на все трудности как объективного, так и субъективного характера, число татар в республиканском и районных аппаратах по всем категориям работников выросло с 10,4 % по состоянию на 1 января 1931 года до 21,5 % на 1 ноября 1934 года [43, л. 24].

Правительство Крымской АССР, в условиях острого бюджетного дефицита, находило средства для поддержания национальных культурпросветучреждений, о чем свидетельствуют следующие данные 1930 года: библиотек: татарских – 4, еврейских – 1, армянских – 1 с выделением 16,9 тысяч рублей; изб–читален: татарских – 51, греческих – 2, еврейских = 1, немецких – 3, на что выделялось 63,4 тысяч рублей; клубов: татарских – 6, армянских – 4, греческих – 3, немецких – 1, прочих – 10, на что выделялось 42,4 тысяч рублей; больниц: татарских – 7, еврейских – 1, смешанных – 1, на что выделялось 190,8 тысяч рублей; амбулаторий, врачебно-фельдшерских пунктов: татарских – 19, прочих – 3, на что выделялось 117,4 тысяч рублей; агроучастки: татарских – 8, прочих – 1, на что выделялось 25,2 тысяч рублей.

На содержание Восточного музея выделялось 6 тысяч рублей, Бахчисарайского музей – 1,1 тысячи рублей. Субсидии татарской периодической печати составляли 68,0 тысяч рублей. Всего, на удовлетворение нужд национальных меньшинств выделялось 3 млн. 745,2 тысячи рублей (8,4 % всех расходов бюджета автономии) [44, л. 67].

Важным для советской власти национально-культурным мероприятием в жизни татарского народа Крыма стал переход с арабского алфавита на латинский. Сложности решения этой проблемы состояли в следующем: 38,8 % взрослого населения были обучены ранее на арабском алфавите; число учителей-татар, караимов и крымчаков, владеющих латинским алфавитом, составляло всего 700 человек; пишущих машинок на новотатарском языке насчитывалось всего 40 штук, из них новых – 4; была одна наборная машинка «Линотип–2» с 30 наборщиками, в т.ч. 20 татарами; процесс перевода тормозился определенной частью татарского руководства автономии и др.

Не завершив одной реформы татарского языка, большевики и советская власть пошла на ее второй этап. Постановлением комиссариата Народного образования РСФСР № 989 от 22 июня 1938 года объявлялось о переходе с латиницы на кириллицу. Менялся не только алфавит, а менялось мировоззрение людей. Вновь решались проблемы переподготовки педагогических кадров, издания новых учебников [45].

Ранее, 20 июня 1938 года, бюро Крымского ОК ВКП (б) приняло решение об использовании кириллицы в татарском языке. С докладом «О крымскотатарском алфавите на русской основе» на заседании выступил т. Гавриленко. Решением Бюро, наркому просвещения автономии т. Сайдашеву был поставлен комплекс задач по переходу на новый алфавит [46, л. 7–18].

4 июня 1937 года IX Чрезвычайный съезд советов Крымской АССР принял вторую Конституцию автономии. Ее статья 90-я закрепила равноправие граждан независимо от их национальности и расы во всех областях хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни, что объявлялось непреложным законом [47, с. 9]. Закон РСФСР «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Крымской АССР» был подписан 2 мая 1940 года. [48, л.14].

Трехлетнее затягивание процесса утверждения новой Конституции Крымской АССР объяснялось следующими основными факторами: неясностью вопроса о компетенции органов власти как Крымской, так и других автономий Союза ССР; наличием центробежных сил; необходимостью редактирования Конституции; усилением централизации, расширением компетенции союзных органов власти; изменениями в политическом и социально-экономическом строе как в СССР, так и в Крымской АССР.

Конституция изменяла структуру высших органов государственной власти и управления автономии. Статья 19-я объявляла высшим органом законодательной власти – Верховный Совет; статья 38 утверждала высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Крымской АССР Совет Народных Комиссаров. (СНК) [47, с. 3,5].

Глава 9-я Конституции коренным образом изменяла систему выборов советов: вместо многоступенчатых, вводились прямые выборы; голосование по спискам и открытое голосование заменялось закрытым тайным голосованием отдельно по каждой кандидатуре [47, с. 11]. Статьей 30-й п. «в» Конституция вменила в право Президиума Верховного Совета Крымской АССР проведение всенародного опроса (референдума) [47, с.4].

Менялась не только структура высших органов государственной власти в автономии, но и компартийная политика, в том числе в национальном вопросе. По представлению Крым ЦИКа, Президиум Верховного Совета Крымской АССР принял совершенно секретное решение о ликвидации в 1938 году девятнадцати национальных сельских советов, реорганизации 11 национальных сельских советов в обычные, ликвидации 13 искусственно созданных и малочисленных сельских советов [49, л.24].

Значительными оказались социально-экономические итоги 2-й Крымской пятилетки: выпуск валовой продукции в автономии возрос с 231,4 млн. руб. в 1933 до 437,4 млн. руб. в 1937 году или на 189 % [50, л. 6]. Анализ бюджета Крымской АССР за две пятилетки показывает, что он возрос со 157,28 млн. руб. в 1928/29 году до 591, 77 млн. руб. в 1937 году или более, чем в 3 раза [51, л.20].

Успехи в экономическом развитии позволили значительно увеличить капиталовложения в социальную сферу, прежде всего в образование. В 1937 году в автономии работало 1247 школ, в том числе 348 с преподаванием татарского языка (27,9 %) [51, л. 10]. В регионе работало около 5 тысяч кружков художественной самодеятельности, из них 23 % татарских. В 1936 году в Симферополе был проведен Всекрымский фестиваль народных танцев с участием 103 человек девяти национальностей, в том числе и татар. Государство финансировало деятельность татарского Симфонического оркестра [47, л. 114].

Большое внимание в автономии уделялось развитию печати, которая вся находилась на государственной дотации. В 1937 г. в Крымской АССР издавалось 4 областных газеты: две партийных – «Красный Крым» и «Ени Дунья» и две комсомольских – «Яш Кувет» и «Крымский комсомолец»; 25 районных газет, в том числе 6 на татарском языке; 4 городских газеты; 9 совхозных газет; 2 газеты МТС; 10 заводских многотиражек; 3 военные газеты с общим ежедневным тиражом 150–160 тыс. экземпляров, из них 12 газет на татарском языке. В регионе выходило 3 журнала на татарском языке [52, л. 52].

В отличие от социально-экономической сферы, где успехи были очевидны и неоспоримы, вопросы партийной работы в автономии провалились. Одной из главных причин этого являлись безграничные репрессии сталинской тоталитарной системы, набравшей свои обороты с 1934 года и достигшие своего апогея в 1937/1938 году. В 1934 году из рядов Крымской партийной организации было исключено 2926, 1935 г. – 2841 человек [32, лл. 36–37].

IX Чрезвычайный Всекрымский съезд советов Крымской АССР начал свою работу 1 июня 1937 году с организационного вопроса, заключавшегося в исключении из состава ЦИК так называемых «буржуазных

националистов» М. Боярджиева, З.Зюмбилова, Мусанифа Февзи; из кандидатов в члены Крым ЦИКа С. Бекирова, С. Пенерджи [53, лл. 11,14]. На 1 апреля 1937 года Крымская партийная организация насчитывала 16187 коммунистов, из них татар 2205 человек (13,6 %) [52, л. 40], в то время как на 1 января 1934 года она насчитывала 23020 человек [52, л. 34]. Таким образом, за три неполных года она потеряла 6 833 коммуниста, большая часть из которых была репрессирована.

Низок был не только количественный, но и качественный состав коммунистов. В деревне Ускут, где в 1930 году было локализовано антисоветское выступление, к 1937 году насчитывалось 17 членов ВКП(б) и 14 сочувствующих, верховенство взял 80-летний мулла, организовавший массовое исполнение религиозного обряда обрезания мальчиков [52, л. 16].

К середине 1930-х гг., главным образом по причине репрессий, текучесть советских кадров в татарских национальных районах составила: в Куйбышевском и Алуштинском – 50 % председателей и секретарей сельских советов; в Сейтлерском – 43 %; в Карасубазарском – 36 % [52, л. 13].

Анализ показывает, что главными проблемами советского строительства в 1930-е гг. стали: оторванность партийных и советских работников от трудящихся масс, прежде всего сельского татарского населения; выполнение менее 50 % наказов избирателей; плохое руководство РИКаами и горсоветаами культурным и бытовым строительством; небрежное отношение к людям, их жалобам и заявлениям; подмена выборности штатных советских работников их кооптацией, что особенно характерно было для татарских национальных районов – Алуштинского, Балаклавского, Карасубазарского, Ялтинского; поверхностный анализ деловых и политических качеств советских кадров, 80 % которых формировалась за счет представителей горных татар, другие.

Все эти и другие недостатки в партийной и советской работе, свертывание политики насильственной коренизации, нерешение татарского вопроса наиболее рельефно проявились в период оккупации территории Крымской АССР немецко-фашистскими захватчиками и их румынскими пособниками. В результате них в начале оккупации фашистам удалось, как докладывал первый секретарь Крымского ОК ВКП(б) Булатов Л. Берии в 1943 году, склонить часть крымских татар на свою сторону [54, л. 8].

Причины этого явления многогранны. Их генезис следует искать в периоде Гражданской войны и иностранной военной интервенции, когда в 1918 году Генеральный директор Крымского татарского национального совета А. Хильми и президент Крымского татарского правления Хасан Сабри подписали письмо за № 38 Высокому германскому правительству в Берлин. В этом документе татарские националистические лидеры просили преобразовать Крым в независимое нейтральное ханство, опирающееся на германскую и турецкую политику; образовать татарское правительство с целью совершенного освобождения Крыма от господства и политического влияния русских, другое [55, л. 109].

В период 20-летней истории советского Крыма неуклонно и постоянно проводилась дуалистическая политика в отношении татар. Причина этого дуализма заключалась в том, что не было ответа на вопрос (единства взглядов по нему и сейчас): это была территориальная или национальная автономия? На этом дуализме и сыграли фашистские спецслужбы, сумевшие через местное духовенство, членов «Милли Фирки» и их сочувствующих, с учетом непреодолимой силы родственных связей, склонить часть татарского населения, прежде всего татов, на свою сторону. Германское влияние было столь сильно, что даже тогда, когда чаша весов после Сталинграда перевесила в пользу советской власти, большинство татар предгорных, горных районов и южного берега оставались на стороне оккупантов.

Партийно-советские руководители подменили живую индивидуальную работу с людьми, в том числе с татарским населением, голым администрированием; поверхностный подход к подбору партийно-советских руководящих кадров, прежде всего из числа татарского народа, базируясь на принципе личной преданности.

Глава 2. Эволюция строительства Крымской областной партийной организации и ее этнонациональной политики

Крымские революционные социал-демократические ячейки начали организовываться в Севастополе в самом начале 1900 годов. К 1905 году в городе уже существовало несколько социал-демократических кружков, а также объединенный комитет, который руководил работой в порту и крепостном гарнизоне. Этим была подготовлена почва для таких последующих революционных событий, как восстание на броненосце «Потемкин» (середина июня 1905 г.) и восстание крепостного гарнизона и на флоте (11–15 ноября 1905г.). Большевизм в революции 1905–1907 годов в Крыму своих самостоятельных организаций не имел.

После поражения революционного движения, в 1908–1912 годах все подпольные социал-демократические организации распадаются. Новый революционный подъем вызвал к жизни воссоздание крымской социал-демократии и большевизма в ее составе.

2.1. Зарождение и формирование большевистской этнонациональной политики в Крыму в 1905–1920-м годах

Процесс начала большевизации Крыма шел сложно, имел целый ряд особенностей, в числе которых возможно считать: во-первых, достаточно запоздалый временной характер, когда их группа возникла в Севастополе в составе организации РСДРП лишь в марте–апреле 1917 годов, в нее вошли Л. Воеводин, И.

Дуклевский, Н. Дугачев, В. Шаталов и ряд других [1, л. 3]; во-вторых, с момента возникновения, работа большевистских групп была столь слаба, что для их поддержки Петроград постоянно присылал своих представителей, как это имело место в конце мая 1917 года [2, л. 71], что стимулировало их рост, позволив к июню иметь уже до 50 человек; в конце августа – профессиональная революционерка Н. Островская (“Нина”); в конце ноября 1917 группа матросов-большевиков Балтийского флота; в октябре 1919 – группа партийных работников ЦК КП(б)У из Николаева, Одессы, Екатеринослава и других городов; с Кавказа возвратился С. Бабаханян (С. Бабахан, “Николай”); в январе 1920 года ЦК РКП(б) командировал в Крым на подпольную работу 27 человек и т.д.; в-третьих, растянута организация большевиков в самостоятельные организации, когда Симферопольская организация создается с сентября 1917 года [3, с. 43], Евпаторийская – в середине сентября, Феодосии и Ялте – конце сентября, Керчи – середине октября, Алушке – середине ноября 1917 года и т.д.; в-четвертых, указанная выше растянута привела к тому, что 1-я губернская конференция большевиков состоялась лишь 2 октября 1917 года, утвердившая губернский комитет РСДРП(б) в составе 7 человек и губернского парторганизатора, которым стал Ж. Миллер [4, л. 13]; в-пятых, отсутствие в партийной организации представителей крымскотатарского народа, национальных меньшинств полуострова; в-шестых, слабое влияние на профессиональные союзы, когда на состоявшемся в Симферополе 1-м Таврическом губернском съезде профсоюзов и фабрично-заводских комитетов из 103 делегатов большевики составляли всего лишь 7,7% [5, л. 18].

К августу 1917 года большевистская организация Крыма насчитывала 250 человек, а меньшевистская – 4–5 тысяч человек, эсеры – 27 тысяч человек. В конце ноября 1917 года созывается 1-й съезд представителей большевистских организаций Таврической губернии, избравший губернский комитет в составе: Островский, Миллер, Гавен, Пожаров, Тарвацкий и, таким образом, образовавший единый партийный центр. Но, как показали последующие события, проявил он себя очень слабо, что объяснялось длительным пребыванием большевиков с меньшевиками РСДРП.

Это проявилось прежде всего в том, что большевики не смогли противодействовать созданию в Крыму на губернском съезде городских и земских самоуправлений 20 октября 1917 года Совета народных представителей как краевого правительства, которое начало подготовку к военному походу на Севастополь как оплот большевизма в регионе и где 16 декабря 1917 года власть взял городской военно-революционный комитет. В состав его вошло 18 большевиков и два левых эсера.

18 декабря 1917 года в городе и на флоте прошли выборы в совет военных и рабочих депутатов, где большевики и их союзники левые эсеры получили 73,6% мест. Председателем совета единодушно был избран большевик Н.А. Пожаров.

Установление советской власти в Севастополе позволило утвердить ее не только в Крыму, но и в ряде городов Дона, Кавказа, Юга Украины и Молдавии, участвовать в борьбе за ее утверждение в Киеве.

Пройдя этап болезненного оформления и медленного роста, губернская большевистская организация, активно включилась в борьбу за власть, акцентировав свое внимание на работе в советах, стремясь вытеснить оттуда меньшевиков и эсеров, ревкомов; создании отрядов Красной гвардии; борьбе с Курултаем и др. Уже в январе 1918 года губком большевиков выпустил декларацию о принципах создания местной власти в губернии [6, с. 158].

По предложению В.И. Ленина, 22 марта 1918 года ЦИК советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Республики Тавриды объявил о создании Советской Социалистической Республики Тавриды, председателем СНК которой стал Н. Слуцкий, председателем ЦИК – Ж. Миллер [6, с. 227–228].

После оккупации Крыма германскими войсками, губком перешел сначала к подпольной работе, а затем организации партизанского движения на полуострове в лесах.

В этот чрезвычайно сложный период, губернская организация переподчиняется КП(б) Украины и ее 8 делегатов принимают участие в работе II съезда компартии Украины, прошедшего 17–22 октября 1918 года в Москве. Съезд принял решение направить в Крым для налаживания военной и партийной работы опытных большевиков.

1 ноября 1918 года Симферопольская организация образовала бюро по созыву 1 декабря губернской партийной конференции. 13 ноября 1918 года вышел первый номер газеты “Крымский коммунист” с обращением ко всем коммунистам Крыма к “немедленному воссозданию и организации партийных ячеек и к установлению связей с областным комитетом”, а также к подготовке восстания против оккупантов и их прислужников [8].

1 декабря 1918 года в Симферополе состоялась IV Крымская подпольная конференция КП(б)У с участием 24-х делегатов от 17 организаций. В работе организации принял участие представитель ЦК КП(б)У Я. Гамарник. Конференция избрала губернский комитет в составе 9 человек, приняла решение о создании Крымревкома для руководства партизанским движением [9, л. 13]. Активизацию большевистской работы признавали не только органы контрразведки денкинской армии, но и меньшевики, прошедшие 29 декабря 1918 года свой 4-й Крымский съезд.

В начале апреля 1919 года части Красной Армии освободили Крым от денкинских войск. Не позднее 12 апреля вся полнота власти сосредоточилась в руках Симферопольского военно-революционного комитета. Однако остатки денкинцев, при поддержке английских интервентов, продолжали удерживать Керченский полуостров.

В конце апреля 1919 года в Симферополе состоялась IV губернская конференция КП(б)У, в работе которой принял участие представитель ЦК РКП(б) К. Ворошилов. Конференция обсудила вопросы об образовании Крымской Советской Социалистической Республики; о составе ее правительства; работе комсомола, сформировавшегося 15 февраля 1919 года в Симферополе на 1-м Всекрымском (подпольном съезде союзов

социалистической молодежи, где был принят устав и программа, избрано временное губернское бюро), другие. Конференция избрала новый состав губкома, куда вошли Д. Ульянов, И. Назукин, О. Алексакис, И. Полонский, Мустафа Субхи и другие. Но уже 1 мая был изменен состав губкома КП(б)У и председателем его президиума стал Ю. Гавен. На собрании был образован Крымсовнарком [11, с. 32].

Следует указать, что не смотря на то, что крымская организация как бы входила в состав КП(б)У, в Москве ее считали партийной организацией РКП(б). На телеграмме Крымского обкома по поводу руководства ее партийными организациями, секретарь ЦК РКП(б) В. Стасова написала резолюцию: “Крым приравнен к области, организационно связан с ЦК РКП(б) [12, л. 6].”

6 мая 1919 года публикуется Декларация Временного рабоче-крестьянского правительства Крымской Советской Социалистической Республики, возглавляемого Д. Ульяновым, где в качестве целей и задач были определены борьба за торжество советской власти и мировой социалистической революции. Правительство организует борьбу с денikinцами на Керченском полуострове, выборы в местные советы.

К началу июня 1919 года Крымская областная организация РКП(б) насчитывала 830 членов и 128 кандидатов (без Керчи) [13, лл. 20–21]. После нового захвата полуострова белогвардейцами, партийная организация вновь развернула здесь подпольную работу. По указанию ЦК РКП(б), руководство ее работой было поручено Зафронтовому бюро во главе с С. Косиором, созданному ЦК КП(б)У для усиления подпольной и партизанской борьбы в тылу денikinской армии [14, с. 270]. В декабре 1919 года Крымский подпольный обком возглавил и С. Бабахан (секретарь), С. Просмушкин, Б. Горелик.

В борьбе с белогвардейцами, Крымская областная партийная организация понесла невосполнимые утраты. В ночь на 4 февраля 1920 года был арестован Севастопольский городской комитет большевиков во главе с В. Макаровым, а в ночь на 6 февраля они были замучены на броненосце “Корнилов”. 18 марта был арестован и оперативный штаб Севастопольского подпольного ревкома. 22 апреля 1920 года в Симферополе арестовывается большинство участников собрания коммунистов и комсомольцев города. 5 мая в Коктебеле на даче В. Вересаева налету подверглась VII областная подпольная конференция РКП(б), где участвовало 15 делегатов от городов Симферополя, Севастополя, Алушты, Феодосии, Ялты, Евпатории. Сотни коммунистов и комсомольцев Крыма были казнены белогвардейцами.

По согласованию с ЦК РКП(б), в Харькове ЦК КП(б)У создает Крымский подотдел Закардонного отдела, который назначил командующим повстанческими силами Крыма А. Мокроусова, принял решение о сосредоточении высшего руководства революционной работой в Крыму, партизанской и политической в руках тройки в составе С. Бабахана, А. Мокроусова, А. Федоровой [15, лл. 10,37]. 3–5 сентября 1920 года в районе расположения 3–го Симферопольского партизанского отряда состоялась VIII Крымская областная (подпольная) конференция РКП(б), на которой были заслушаны отчеты обкомов партии и комсомола, доклады с мест. В принятых резолюциях предлагалось активизировать партизанское и подпольное движения с целью оказания помощи наступающим войскам Красной Армии.

Совместными усилиями частей Красной Армии и крымских партизан 16 ноября 1920 года полуостров был окончательно освобожден от белогвардейцев. Власть на полуострове перешла в руки Крымревкома и областного комитета РКП(б).

В концептуальном плане, деятельность Крымской областной партийной организации по национально-государственному строительству, решению татарского вопроса после освобождения полуострова осуществлялась в рассматриваемый период по следующим основным программным направлениям: ликвидация национальных и национально-религиозных привилегий; достижение фактического равенства всех крымских народов и национальностей в политическом, экономическом и культурном планах; обеспечение победы идеологии и политики социалистического интернационализма; укрепление советов как политической формы диктатуры пролетариата; формирование государственных, общественных и хозяйственных органов из представителей татарского населения как коренной нации, национальных меньшинств; осуществление делопроизводства в национальных районах на национальных языках (татарском, немецком, болгарском, еврейском и других); применение общероссийских, а затем и общесоюзных законов и других государственных актов с учетом особенностей региона.

В целом, выполнение этих программных положений призвано было обеспечить реализацию двуединой задачи: во-первых, утверждение диктатуры пролетариата, проведение культурной революции, индустриализация региона; во-вторых, разрешение национальных и межнациональных проблем, достижение фактического равенства всех наций и народностей, прежде всего татарской.

Решались эти задачи сложно и противоречиво в силу как внутренних причин, прежде всего наличия широкого спектра внутривластной борьбы в парторганизации, так и дуалистического подхода советского руководства к строительству Крымской автономии как образца решения татарского вопроса для восточных соседей, прежде всего революционной Турции.

Анализ источников и литературы свидетельствует о том, что основными направлениями деятельности Крымской областной организации РКП(б) в области национальной политики в 1920–1924 гг. стало: последовательное и неуклонное проведение татаризации всех аппаратов советской власти и в первую очередь непосредственно соприкасающихся с массой крестьянского населения; всемерное усиление школьного и политико-просветительского дела среди татар, национальных меньшинств; организация издательского дела на татарском языке; разработка и проведение в жизнь плана ликвидации фактически существовавшего неравенства между коренным татарским населением и остальной частью жителей полуострова; вовлечение в ряды организации лучших представителей татарского трудового населения, национальных меньшинств, другие.

В ноябре 1920 г. руководство “Милли-Фирки” обратилось в Крымревком и ОК РКП(б) с просьбой о ле-

гализации деятельности татарской партии в новых условиях, что мотивировалось следующим:

1. Партия является отражением мусульманской общественной совести, восставшей против гнета, эксплуатации, унижения и оскорбления мировым капиталом мусульманского мира.

2. “Милли-Фирка” является представителем татарской интеллигенции, вышедшей из недр мусульманского народа и знакома с бытом и особенностями психологии и традиций мусульман.

3. Партия расходится с коммунистами не в принципах, а лишь во времени, месте и способе осуществления перехода от капиталистического строя к коллективистскому на трудовых основах.

4. В течение трех лет партии удалось добиться осуществления значительных сдвигов в революционном движении татарского общества в культурном, социально-экономическом и политическом вопросах.

Руководство “Милли-Фирки” просило, кроме разрешения на легализацию, передачи в свое ведение религиозных и просветительских дел, издания газеты «Миллет», литературы, научных журналов и книг на татарском языке. Заявление подписали председатель партии Хаттатов, секретарь Аджи и семь членов руководства [16, лл. 2, 20].

Руководство Крымской областной организации РКП(б) отказало “Милли-Фирке” и взяло на себя процесс решения татарского вопроса в регионе. В этих условиях “Милли-Фирка” пошла на свой юридический самороспуск, взяла курс на внедрение членов партии и сочувствующих ей во все структуры органов советской власти в регионе, что было несложно ввиду дефицита грамотного татарского населения Крыма; создала татарский национальный кооператив «Шеркет», который официально вошел в созданный приказом Крымревкома № 415 от 30 июня 1921 года. Кооперативный комитет Крыма, на который возлагалось согласование деятельности отдельных ведомств в области их взаимоотношений с кооперацией [17]; активно поддерживало татарское «зеленое» движение, другое.

Для первоочередного решения татарского вопроса в Крыму, областной комитет РКП(б) образовал в 1920 году Татарское бюро из 23-х представителей татарского народа, из которых только 14 были членами большевистской партии [18, лл. 28, 28о]. Бюро возглавил Исмаил Фирдевс. Это все, что имела областная партийная организация. Приказом № 1 от 8 декабря 1920 года крымского областного Татарского бюро все мусульманские типографии, находящиеся на территории полуострова, передавались в его исключительное распоряжение, пользование и ведение [18, л. 21о].

23–24 января 1921 года Татарское бюро собрало совещание представителей татарских секций на местах, рассмотревшие их отчеты, задачи по активизации решения татарского вопроса в регионе; о созыве съезда Народов Востока в Баку. На совещании было приглашено 7 беспартийных рабочих татар.

Оно отметило, что тесной связи с деревенскими секциями еще не установлено из-за слабости сил, плохих средств передвижения и неясности форм и характера работы. Участники совещания указывали, что основными формами работы остается агитация за советскую власть и ее реформы в форме собраний и митингов, а до пропаганды дело не дошло.

Совещание приняло решение о пролетаризации татарского села в форме образования там комитетов бедноты, создании при Крымземотделе переводческого аппарата, роспуске всех татарских профсоюзов и слиянии их в общие производственные рабочие союзы [19, лл. 3–9].

1 апреля 1921 года стал издаваться журнал «Известия» Крымского ОК РКП(б), освещающий проблемы партийного и советского строительства в регионе. В этом же месяце открылась областная партийная школа со сроком обучения в 3 месяца и числом слушателей в 150 человек на потоке. На курсах было создано татарское отделение.

Состоявшаяся в мае 1921 года 4-я Крымская областная конференция РКП(б) поставила перед своим Татарским бюро задачу проведения активной политики решения национального вопроса по всем направлениям социально-экономического и культурного развития, в том числе преодолению «зеленого» антисоветского движения. В резолюции конференции указывалось, что борьба с бандитизмом – это борьба не с уголовным бандитизмом. Мы сталкиваемся с бандитизмом, имеющим политическую окраску. Мы имеем до сего времени не только наших сознательных врагов в лице этих бандитов, но и известной части несознательных, главным образом татарского населения [20, л. 7].

В отчете о работе Крымского ОК РКП(б) с 16 ноября 1920 по 15 мая 1921 года указывалось, что в уездах созданы оргбюро и комитеты партии, однако их работа не налажена из-за острой нехватки квалифицированных партийных кадров.

В канун проведения конференции, в апреле 1921 года положение дел в Крыму изучили член ЦК РКП(б) Н. Бухарин, руководители УССР Х. Раковский и М. Фрунзе, которые обсудили с руководителями Крымревкома и областного комитета партии проблемы будущего устройства полуострова. После этой встречи, руководители ОК, даже после решения ВЦИК об образовании Автономной Крымской ССР, выступали против ее создания.

Первый анализ решения крымскотатарского вопроса был сделан в ноябре 1921 года на 5-й областной конференции РКП(б) в канун открытия 1-го Учредительного Всекрымского съезда советов. В выступлении на конференции делегата Шабулина указывалось, что партийное воздействие на татарские массы, на гуцци населения почти отсутствует и что необходимо поставить вопрос о пролетаризации татарского села [20, л. 20].

Оценивая активность деятельности Татарского бюро, ОК РКП(б), делегат Феодосийского уезда Суворин указывал, что никаких указаний по работе среди татар не получают, а своими силами издают татарскую газету [20, л. 23]. Слабость работы бюро можно объяснить следующими основными причинами: во-первых, малочисленность партийной прослойки, когда на весь Крым насчитывалось 190 коммунистов-татар [20, л.

27]; во-вторых, отсутствием у них опыта организационно-массовой деятельности; в-третьих, недостаточной политической подготовленностью татарских коммунистов; в-четвертых, противодействием советизации со стороны сторонников “Милли-Фирки”, другие.

По результатам работы конференции, из 19 членов областного комитета, представители татарских коммунистов составили 13,6% его общей численности, русские – 50%, евреи – 27,4%, представители других национальностей – 9% [20, л. 84о]. И это при том условии, что татарские коммунисты составляли 3,4% общей численности областной партийной организации [20, л. 86]. Конференция приняла решение об организации татарских политических курсов для молодых коммунистов.

Таким образом, к моменту образования Крымской автономии ее большевистская партийная организация сформировала свою политическую линию в проведении этнонациональной политики, хотя единство взглядов русской, крымскотатарской и других ее частей на национальное строительство на полуострове не было.

2.2. Коренизация Крымской партийной организации в 1922 – м – 1929 гг.

Несмотря на то, что русская часть Крымской партийной организации первоначально воспротивилась созданию автономии, поскольку она представлялась ей как национально-территориальная структура только для развития крымскотатарского народа. И только решение Москвы заставило ее руководство пойти на проведение необходимых организационно-партийных мероприятий по подготовке и проведению 1-го Всекрымского учредительного съезда советов, образовавшего Автономную Крымскую ССР в составе РСФСР.

Исследование показало, что Крымское большевистское руководство, будучи в своем большинстве инородным для региона, не владея его особенностями, предоставило своей татарской части самостоятельно решать насущные проблемы, социально-экономической и политической жизни. При этом оно ограничивалось критикой провалов в работе своих малоопытных однопартийцев.

В феврале 1922 года на заседании малого пленума Крымского ОК РКП(б) был заслушан отчет председателя Татарской секции И. Фирдевса о проводимой работе. Пленум постановил признать работу секции неудовлетворительной и потребовал усилить клубную и издательскую работу, обратить особое внимание на массовую работу в татарской деревне [22, л. 3].

Вопрос практики работы Татарского бюро получил широкое рассмотрение на очередной областной Крымской конференции РКП(б) в марте 1922 года. В отчетном докладе секретаря ОК Израиловича указывалось, что Татарская секция работала неудовлетворительно, не справилась с организацией работы политкурсов [22, л. 12].

В выступлении по отчетному докладу, руководитель секции И. Фирдевс подчеркнул, что одной из причин слабой работы стало предоставление ее работать самостоятельно, без помощи и поддержки областного комитета [22, л. 29]. В то же время, он доложил конференции, что недостатки в работе секции во многом обусловлены стажем, когда из 150 коммунистов-татар, 140 имеют его с 1919–1921 гг.; секцией издано 15 брошюр на татарском языке, проведены беспартийные татарские конференции по сельскому хозяйству в Феодосии и Керчи, введено преподавание политграмоты в женских татарских семинариях, другое. [22, лл. 30–31].

В резолюции конференции указывалось на необходимость активизации практической деятельности Татарской секции, первоочередного издания политической литературы на татарском языке. В состав областного комитета РКП(б) численностью 21 человек было избрано 16,7% коммунистов-татар, 20% представителей национальных меньшинств [22, л. 242].

Состоявшийся в апреле 1922 года широкий пленум ОК утвердил секретарем Татсекции М. Бекирова [21, л. 6], а в мае вновь рассмотрел вопрос о работе среди татарского населения, приняв решение о проведении окружных и 2-й Всекрымской беспартийной татарской конференции.

В мае 1922 года Татарская секция ОК совместно с Крым ЦИКом и СНК провела 2-ю Всекрымскую беспартийную татарскую конференцию с участием 200 делегатов, рассмотревшую такие острые проблемы, как борьба с голодом, участие татарских трудящихся масс в советском строительстве, задачи технического образования среди татар, другие. В выступлении на конференции председателя Крым ЦИКа Ю. Гавена указывалось, что особо сильно пострадало от голода татарское население, которое было обречено на вымирание. Принятыми мерами голод местами был ослаблен [23, л. 14].

В докладах, выступлениях и резолюциях конференции высказывались требования ввода представителей татарского населения в комитеты помощи голодающим, более широкого применения татарского языка в государственных учреждениях, другие. [24, лл. 57о, 58]. Конференция отправила телеграммы в СНК Азербайджана и Грузии с просьбой о помощи в борьбе с голодом. На тот период из 75 тысяч умерших 2/3 составляли татары [25, л. 76].

В апреле 1923 года состоялась 8-я конференция Крымского ОК РКП(б) с участием 100 делегатов, из которых представители татарских коммунистов составляли 9% [25, л. 7]. Конференция отметила два основных момента в партийной и советской работе в регионе: во-первых, преуменьшение национальных особенностей, игнорирование культуры, быта, обычаев татарского населения и национальных меньшинств; во-вторых, преувеличение национального момента [25, л. 76].

В октябре 1923 г. И. Фирдевс выступил в печати со статьей «К вопросу о татаризации соваппарата», в которой указывал на то, что татары в Крыму не составляют абсолютного большинства и поэтому татаризация здесь не может быть поставлена как украинизация на Украине, где проводится полный перевод на украинский язык. В Крымском государственном аппарате должны быть известные сочетания в политическом,

социальном и культурном отношении татарских и русских элементов [26].

Проводимая Крымским ОК РКП(б) и его Татарской секцией работа по приоритетному решению татарского вопроса, даже в критических социально-экономических условиях голода и разрухи, давала значительные положительные результаты. Так, к 1 ноября 1923 года число коммунистов-татар выросло до 119 человек, а комсомольцев – до 900 человек [24, л. 26].

Отчитываясь о проделанной работе в феврале 1923 года, руководство Татарской секции ОК доложило о том, что ответственные работники секции закреплены за округами для проведения инструктажа, проверки и направления работы среди татарского населения; при татарских клубах открыты школы для ликвидации безграмотности на 40 человек, в том числе 10 мест для татарских женщин; обследована работа татарских изб-читален; вовлечено 163 представителя татарского населения для работы в профсоюзных организациях, другое [24, лл. 13-16].

Только с мая 1922 по 1 марта 1923 года через политические педагогические курсы пропущено 426 учителей (90% всего татарского учительства). Удалось добиться перелома в понимании нужности татарских учителей в советском строительстве. В различные вузы РСФСР командировано на учебу 504 человека, из них 60% членов РКСМ [24, л. 26о].

Совместными усилиями Татарской секции, ее представителей на местах, сельских советов проведено 55 татарских праздников «Дервиза» по всему Крыму с участием около 80 тысяч человек [24, л. 26о].

Как указывалось на Всекрымском совещании татарских коммунистов, создана стройная система народного образования татарских детей, включавшая функционирование татарской секции в Народном комиссариате просвещения, на 20% состоящего из татар; работу в 15 районных отделах народного образования 53,3% представителей татарского народа; работу 41,4% школ I ступени для обучения татарских детей; функционирование 32 татарских изб-читален; обучение 1923–1924 гг. в 65 пунктах ликвидации неграмотности 3033 татар; издание на татарском языке 5 тыс. букварей. 2-й книги для школьников тиражом 5 тыс. экземпляров; 3,4 и 5-й книги для школ I ступени тиражом более 2,5 тыс. экземпляров каждая; деятельность 25 детских садов с 1113 воспитанниками, из которых татарские дети составляли 36% [27, лл. 49, 49о], другое.

В то же время, совещание отметило такие нерешенные проблемы, как наличие в школах II ступени лишь 7,5% учащихся – татар от их общей численности в силу сложившихся традиций, финансовых проблем, слабой базовой подготовки, нехватки мест в общежитиях; охват профессионально-техническим образованием лишь 12% татарских детей от общей численности учащихся; исключительно слабая материальная база татарских школ, когда в Феодосийском районе 50% татарских школ с земляным полом, 20–25% школ имеют полуподвальные помещения, 25% школ не имеют досок и парт, а дети во время занятий сидят на полу или камнях; карт, приборов и прочего в большинстве школ нет; наличие методической литературы на русском языке, которым не владеет 90% учителей-татар [27, л. 53], другие.

Совещание предложило ОК РКП(б) перевести всех татар-кандидатов в члены партии, облегчить прием в партию сельских татарских учителей, перед каждой партийной конференцией созывать Всекрымские совещания коммунистов-татар, обратить особое внимание на землеустроительные работы в татарской деревне, кооперирование татарской деревни [27, лл. 56, 56о].

9-я Крымская областная конференция РКП(б), проведенная с 9 по 13 мая 1924 года, на которой национальное представительство делегатов оказалось следующим: русских – 57%, татар – 8,5%, евреев – 13% [28, л. 68], выплеснула назревавшие в течение 5 лет проблемы национально-государственного строительства, решения татарского вопроса.

В докладе на конференции секретаря обкома М. Уфимцева указывалось, что татарское население региона насчитывает 187 тысяч человек из 800 тысяч крымчан. Несмотря на это, по признаку меньшинства была создана автономная республика. Проводимая в ней татаризация советского и партийного аппарата встречала значительные препятствия. Они вызывались тем, что силы партийцев-татар составляют всего 100 человек или 3% общей численности областной организации; политическая квалификация татар-коммунистов весьма удовлетворительна, ограниченный кадр лояльного к советской власти татарского населения, другие [28, л. 69].

Конференция заслушала письмо, которое подписали 9 татар-делегатов, в том числе В. Ибрагимов, О. Дерен-Айерлы, В. Умеров, У. Балич и другие, в котором они указывали на неправильную политику и практику линии областного комитета в области национальной политики. Суть неправильности, по их мнению, состояла в том, что в Крыму сформировалась тонкая искусственная прослойка татарских работников, органически не связанных с местным крестьянством и татарским населением в широком смысле; партийное руководство оторвано от масс, ориентировано на работников, не связанных в социальном отношении с местным туземным населением и трудящимися массами, не знающими местных условий, языка, быта, культуры; создается искусственная безработица среди местных татарских работников при крайней их малочисленности; отсутствует плановость в работе областного комитета в подготовке коммунистических кадров из среды туземного населения [28, лл. 98–99].

Как показывает анализ документов данного и последующих периодов истории Крымской областной партийной организации, данное письмо явилось следствием наличия следующих основных тенденций:

1. Формирования партийного актива в центре и на местах в основном за счет сторонних коммунистов, прибывших на лечение (из проверенных на состояние здоровья 893 человек актива здоровыми были признаны лишь 10 [28, л. 72]).

2. Противоборство за влияние на властные структуры и занятие руководящих постов пришлыми и иногородними, прежде всего казанскими татарами.

3. Наличие в среде как крымских, так и казанских татар «правой» оппозиции из числа сторонников строительства территориальной автономии, а так же «левой» оппозиции из числа сторонников строительства национально–культурной автономии новой, советской генерации.

Делегаты конференции в своих выступлениях потребовали прекращения фракционной борьбы, как среди крымских, так и казанских коммунистов. Саид-Галиев в своем выступлении указал на неизбежность наличия «правой» фракции и необходимость иметь работников из молодежи, которая свободна от мелкобуржуазных предрассудков.

Принятая конференцией резолюция по отчетному докладу областного комитета признала организационно–партийную линию неправильной и оценила его работу «неудовлетворительной», за что проголосовало 142 делегата или 75,9% имевших право решающего голоса [28, л. 146].

В резолюциях по докладу и прениях по вопросу о партийной работе в деревне указывалось на необходимость максимальной осторожности в проведении кампании по вовлечению в партию бедняцких и батрацких элементов деревни, особенно ее татарской части [28, л. 216].

Последующее советское строительство в Крыму показало, что несмотря на принятое решение о необходимости учета национального фактора, должных выводов сделано не было как в 1929 года, так и предвоенный период, когда желаемое равенство всех наций и народов было принято за действительное, что стало одной из главных причин коллаборационизма части крымскотатарского народа в годы оккупации.

Завершает данный этап 10-я Крымская областная конференция РКП(б), проведенная в декабре 1924 года с участием в ней 15% татарских делегатов, при том, что их процент в общей численности коммунистов составлял 4,9 [29, л. 9].

В повестку дня конференции в прямой постановке не выносился татарский вопрос, но в отчетном докладе нового секретаря ОК Носова указывалось на то, что следует одобрить работу областного комитета по объединению татарских работников на основе общепартийной линии; считать необходимым и в дальнейшем всемерное развитие и углубление татаризации; максимальное вовлечение женщин–татарок в советское строительство [30, л. 2]. В выступлениях делегатов конференции говорилось о том, что одной из главных проблем татарских коммунистов является отсутствие кадров с дореволюционной политической закалкой, поскольку в 1917 году в Крыму не было ни одного коммуниста–татарина; в 1918 году их было 2; в 1919 году – 7 [30, л. 62]. Другой проблемой крымских татар–коммунистов являлось отсутствие татарского пролетариата, из которого можно было бы формировать партийное ядро, а татарская интеллигенция имела ярко выраженное шовинистское стремление [29, л. 24].

Конференция, проанализировав национальный момент в деревне, указала на то, что в ней 25% бедноты, 64% середняков, 11% зажиточного крестьянства. 28% всего сельского населения Крыма оставалось совершенно неграмотным, из них 55,4% татар в возрасте от 14 до 30 лет [30, л. 128]; в сельских школах обучается лишь 38,1% татарских детей [30, л. 129].

В принятых резолюциях ставились задачи подъема экономики и на этой основе углубления социально–культурных преобразований, прежде всего в татарской деревне. Конференция создала по требованию XIII съезда РКП(б) специальную комиссию по изучению работы на селе в составе 14 человек во главе с заместителем заведующего Орготделом ОК О. Бекировым, но к работе она так и не приступила [30, лл. 42–43].

Общие итоги решения татарского вопроса были подведены в статье О. Бекирова, опубликованной в газете «Красный Крым» в мае 1924 года. Автор указывал, что при наличии татарского населения в 30–32%, общий процент представительства татар по всем сельским советам и РИКам составил 39,3. Из общего числа 80 членов Крым ЦИКа, татар – 31, из 9 членов его президиума – татар 5 человек, из 9 членов СНК – 5 татар.

Во всех районах с преобладанием татарского населения (Алуштинский, Бахчисарайский, Феодосийский, Карасубазарский, Ялтинский) председателями РИКов избраны татарские работники. Из 785 школ I ступени татарских – 329, из общего количества 1227 учителей, татар – 329, 80% татарских учителей находится на содержании местного бюджета.

Автор отмечает, что в 1923 году через политико–педагогические курсы пропущено 264 учителя–татарина, открыто 4 татарские школы II ступени. Значительные успехи отмечены и в профессионально–техническом образовании татарской молодежи через систему татарских техникумов, фельдшерско–акушерских школ, областную совпартшколу. В качестве недостатков указывается отсутствие профсоюзных работников–татар, в то время как членами КСПС является 2500 татар [31].

В последующие годы процесс решения татарского вопроса был обусловлен главным образом началом постановки его на плановые, четко очерченные рельсы в условиях образования СССР. Победившая сталинская концепция строительства союзного государства предусматривала предоставление его народам широкой национально–культурной автономии, что вело к расцвету коренизации во всех регионах, в том числе и в Автономной Крымской ССР, получившей к концу 1925 года в рабочем порядке новый юридический статус – Крымская АССР.

С мая по август 1925 года работу Крымской областной партийной организации анализировала комиссия ЦК РКП(б), которая констатировала полное обновление областного комитета, смену многих руководящих советских и профсоюзных работников, откомандирование в Москву ряда ответственных работников. Комиссия отметила, что в области коренизации проделанную работу нельзя считать вполне достаточной [32, л. 1].

Задачи нового этапа коренизации, решения татарского вопроса рассмотрела XI областная конференция,

проведенная с 20 по 27 ноября 1925 года. Из 224 ее делегатов с решающим и 80 совещательным голосом русские составили 52,3%, украинцы – 5,2%, татары – 17,4% [33, л. 154о].

К 15 ноября 1925 года партийная организация насчитывала 8713 членов и кандидатов партии, из которых только 2% составляли крестьяне от земли. По национальности, русские и украинцы составляли 67,2%, татары – 7,2%, евреи – 8,9% [33, л. 38о]. Конференция отметила такие наиболее характерные проблемы развития региона, как наличие пережитков военного коммунизма; затушевывание роли кулака и кулацкой опасности, в том числе в горной и Южнобережной татарской деревне, затушевывание роли середняка.

Проанализировав работу в деревне, конференция отметила рост в ней партийных ячеек с 57 в 1924 до 77 к ноябрю 1925 года, но в то же время, указала на то, что около 50% деревень не охвачено партийным влиянием (77 партячеек на 143 сельсовета). Конференция указала на такие узкие места в их работе, как разбросанность, недостаточное общение друг с другом, молодость и низкую политическую подготовку сельских коммунистов, слабый авторитет среди населения, а порой и существование только на бумаге [33, л. 57].

В выступлении делегата Фиткулина указывалось на то, идет стихийный, неуправляемый партийный рост среди татарского населения [18, л. 98о]. Рассматривая решение земельного вопроса, делегат Бахчисарайского предгорного района Юнусов отметил, что в некоторых районах с татарским населением только 17% имеют землю, а остальные – без земли, то есть на 100 дворов – 17 с землей [33, л. 88].

Проанализировав национальную политику, конференция отметила, что Крым ЦИК татаризован на 40%, в составе РИКов – 20% татар, из 2080 членов сельских советов – 40%, в составе областного комитета – 23% татар [33, л. 59].

В резолюции по отчетному докладу предлагалось работу по татаризации вести неослабевающими темпами, причем более широко выдвигать здоровые низовые слои татарских работников, наращивать снабжение татарских масс литературой на родном языке, обратить внимание на создание промышленно-квалифицированных кадров из татар и национальных меньшинств [33, л. 168].

В период после проведения конференции при районных комитетах ВКП(б) начался процесс создания национальных секций. Областной комитет провел Всекрымское совещание партийных национальных работников, на котором рассмотрел вопросы работы среди национальных меньшинств; мероприятий Народного комиссариата просвещения в области культпросветработы среди национальных меньшинств, их политическое состояние; заслушал доклады с мест [34, л. 28о]. Процесс татаризации охватывал все стороны партийного и советского строительства в автономии.

Важное значение для дальнейшего развития региона имела XII областная партийная конференция, проведенная в 1927 году. Первостепенное внимание на ней было уделено анализу таких базовых вопросов, как состояние промышленного производства; кооперирование, в том числе в национальном разрезе; состояние сельского хозяйства; политическое состояние Крыма; работа среди женщин, прежде всего из числа татарского населения; развитие комсомольского и пионерского движения, др.

Проанализировав реализацию национальной политики, конференция отметила, что за год секретариатом и бюро ОК было рассмотрено 14 вопросов по данной проблеме, что составило 1,9% их общего числа, что для Крыма было явно недостаточно [34, л. 38о]. Конференция указала, что всего по советским учреждениям региона насчитывается 20 600 сотрудников, из них татар – 1214 человек или 6% [19, л. 38].

Рассмотрение материалов данной конференции позволило увидеть такую закономерность партийно-советского строительства, как его нарастающая бюрократизация, непомерное увеличение численности аппарата. На указанное выше количество советских сотрудников приходилось 7987 человек, занятых в промышленности Крыма [34, л. 2о]. Расчеты показывают, что в материальном производстве было занято 38,8%, а в аппарате – 61,2% работников.

Конференция отметила, что мусульманское духовенство усиливает деятельность по вовлечению крестьян в религиозные общины; организует кружки и религиозные клубы, проводя в них мысль о том, что женщина не может заниматься общественной деятельностью; оно расколото на сторонников Халифата и обновленцев, причем последние составляют большинство. Данная тенденция была обусловлена тем, что если в первые 3 года советизации антирелигиозная пропаганда носила крутой и резкий характер, то в последующий период она была смягчена. Дискуссии в районах о религии с участием мулл, где священнослужители оказывались в большинстве случаев побежденными в силу общественной невежественности, были заменены проведением крестьянских праздников «Дервиза-Тефферуч» с митингами, танцами, играми, борьбой и т. д.

Главным итогом проведенной конференции стала постановка задачи всем партийным, советским, хозяйственным и профсоюзным организациям на осуществление индустриализации Крыма, плановое развитие промышленности, электрификации. Однако Крым ЦИК и правительство автономии эту задачу решать не стало и на очередном V Всекрымском съезде советов рассмотрена она не была, хотя все материалы для этого были подготовлены.

В июне 1927 года ЦК ВКП(б) вновь обследовал работу Крымской областной партийной организации, указав, что частью татарских работников не выполняется директива ЦК об изжитии групповой борьбы, направленной против своей областной организации. Комиссия отметила слабые темпы землеустройства, прежде всего в предгорной и горной части Крыма, на Южнобережье; недостаточное привлечение бедняков и батрачества к решению задач советского строительства на селе, отстаивание их нужд [35, л. 64]. Комиссия признала нецелесообразным созыв беспартийных конференций национальных меньшинств [35, л. 65].

Обследовав 13 сельских партийных ячеек, комиссия отметила следующие общие недостатки в их практической деятельности: отсутствие обсуждения злободневных крестьянских вопросов; пьянство и растраты

членов партии; нехватка поручителей для вступления крестьян в партию; отсутствие проработки решений партийных съездов и конференций; низкий политический уровень кандидатов в члены ВКП(б), составляющих 60–80% общей численности ячеек; слабая работа среди женщин; недостаточное втягивание сельского актива в партийно-советскую работу; отрыв планов партийной работы от жизненных реалий; формальное руководство ячейками со стороны районных комитетов ВКП(б) [35, л. 88].

Комиссия указала, в качестве положительного момента, рост численности представителей татарского населения в рядах областной партийной организации с 7,2% в 1925 до 9,8% ее общей численности в 1927 году [35, л. 123], а также то, что 21% принятых в кандидаты членов ВКП(б) за 3 года составили татары [35, л. 127].

Завершает рассматриваемый период деятельности Крымской областной партийной организации дело председателя Крым ЦИКа Вели Ибраимова, в котором были сфокусированы все нерешенные проблемы крымскотатарского, других народов, населявших полуостров за 8 лет его советизации. Данное дело не имеет однозначной оценки, да и не может ее иметь в силу противоречивости самого процесса национально-государственного строительства, как во всем СССР, так и в Крымской АССР. Исследование партийных документов показывает, что националистические перегибы в практической деятельности Вели Ибраимова начались в 1925 году, что было отмечено в акте обследования областной партийной организации комиссией ЦК ВКП(б), но выводов сделано не было.

В последующие годы он неуклонно проводил линию на строительство в Крыму татарской территориальной автономии, допуская переобложение немецкого, болгарского и других народов и недообложение татарского населения, главным образом его зажиточной части; стремился реэмигрировать в Крым ту часть татар, которая жила в Турции, Румынии и других странах; открыто выступил против переселения на полуостров трудового еврейства из Белоруссии, Украины и РСФСР [36]. Вели Ибраимов поддержал исключенного из партии за укрывательство от суда братьев-бандитов Муслимовых Народного комиссара юстиции автономии Рашида Нагаева, который был восстановлен в рядах ВКП(б) с объявлением «строгого выговора» [22, л. 13].

В 1926 году Рабоче-крестьянская инспекция автономии выявила факты нарушений правил землепользования, прежде всего в горных районах и на Южном берегу и заявила о необходимости их пересмотра. Вели Ибраимов и другие ответственные татарские работники выступили против, заявив, что это ущемит татарскую национальность. Увеличение норм землепользования проводилось СНК автономии с целью сокрытия излишков земли и недопущения переселения в Крым трудового еврейства.

2 апреля 1927 года из крымских архивов были подняты и отправлены в Москву документы, по которым Вели Ибраимов участвовал в свержении первого советского строительства в 1918 году [22, л. 14]. 5 апреля оттуда пришла секретная телеграмма о том, что деятельности В. Ибраимова в 1918 году не оглашать. В том же месяце он был введен кандидатом в Совет Национальностей СССР.

Весь 1927 год рассмотрение дела Ибраимова откладывалось. Он был вызван в Москву и 20 января 1928 года ЦК ВКП(б) сообщил в Крымский ОК партии об аресте Ибраимова. Расследование длилось с января по апрель 1928 г. и завершилось судом, длившемся с 23 по 28 апреля 1928 года. Итогом рассмотрения дела стало вынесение приговора о высшей мере наказания – расстрелу. 3 мая 1928 года приговор был приведен в исполнение [22, л. 16].

В ходе расследования, 9 февраля 1928 года в Симферополе состоялось областное совещание ответственных партийных работников, на котором выступил руководитель ЦКК ВКП(б) Я. Петерс, доложивший, что по делу Вели Ибраимова привлечено 40 человек, в том числе 5 коммунистов (В. Ибраимов, А. Мустафа, М. Джамилев, А. Муртазаев, У. Шевкет) [22, л. 30]. Докладчик отметил, что преступления Ибраимова стали возможны из-за отсутствия твердого и систематического руководства областного комитета ВКП(б) Крым ЦИКом, благодаря чему он стал самостоятельной организацией; групповой борьбе в Крымской областной партийной организации; слабости в борьбе с нарушителями партийной дисциплины; недостаточности связи высших звеньев партийных, советских и хозяйственных органов с низовыми звеньями, с деревенскими ячейками; слабой массовой работы, особенно среди батрачества и крестьянской бедноты [37, л. 40].

Собрание приняло решение о проведении следующих основных мероприятий:

1. Первоочередной задачей считать осуществление более твердого и систематического руководства и контроля со стороны Крымского ОК ВКП(б) над аппаратом всех советских, хозяйственных, кооперативных, общественных организаций.

2. Улучшить работу по совершенствованию советского, хозяйственного аппарата.

3. Обеспечить более широкое вовлечение в советское строительство татарских работников [37, л. 40].

После раскрытия «ибраимовщины», обострилась групповая борьба в Бахчисарае между ответственными работниками РИКа и секретарем районного комитета ВКП(б). Этот вопрос был вынесен на рассмотрение ОК партии с определением следующих практических мероприятий: созыв внеочередного пленума райкома с обсуждением вопроса о группировке ответственных работников, снятии их с должностей и выдвижении новых сил; созыв внеочередного расширенного заседания РИКа и пленума городского совета для переизбрания состава президиума РИКа, горсовета и замены старых руководителей; поручить фракции Крым ЦИКа и СНК обследовать состояние работы Бахчисарайского РИКа и горсовета, произвести ревизию финансовой части и отделов [37, л. 83].

В Ялтинской партийной организации разгорелась борьба между «левыми» и «правыми» татарскими партийными работниками, завершившаяся исключением из партии как одних, так и других как выходцев из

чуждой среды (мулл, мелкобуржуазной интеллигенции, торговцев, кустарей, бывших членов “Милли-Фирки”) [37, л. 52]. С августа по сентябрь 1928 года в газете «Ени-Дунья» из 1178 заметок разоблачительные составили 42,4% и заделали 1 тысячу человек [37, л. 66].

1 августа 1928 года в Оргбюро ЦК ВКП(б) был рассмотрен доклад о работе Крымской партийной организации. В качестве одной из главных причин «ибраимовщины» секретарь ЦК В. Молотов отметил невыполнение ей постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 18 января 1920 года об экспроприации в Крыму помещичьих земель и передаче их малоземельным и безземельным мусульманам [38, л. 7], когда не выселенными оказалось 400 помещиков [38, л. 20].

В качестве главных причин «ибраимовщины» были отмечены следующие:

1. Оторванность советских органов от масс, их значительная засоренность: в Народном комиссариате земледелия из 36 ответственных работников – 20 человек бывшие белогвардейцы, эсеры, члены “Милли-Фирки”; в Главсуде из 29 руководящих работников 13 человек бывшие белогвардейцы и эсеры.

2. Недочеты в партийном руководстве, которое шло мимо основных и коренных вопросов советского строительства в Крыму.

3. Отсутствие внутривластной демократии, зажим критики, когда низовые партийные организации стояли в стороне от вопросов хозяйственного строительства; ячейки слабы, их секретари пришлые, не связанные с крестьянством.

4. Организацию раздирала групповая борьба [38, лл. 20, 3].

В выступлении на отчете Я. Петерсом указывалось на то, что в Крымской партийной организации 9% татар, из которых подобран весь руководящий состав [38, л. 40]. В принятой 8 августа 1928 года резолюции ЦК ВКП(б) указывалось на необходимость проведения следующих мероприятий:

1. Поставить в центр внимания партийной организации задачу скорейшего проведения директивы ЦК по вопросу земельной реформы и организации беднячества для осуществления этого дела.

2. Проверка состава советских и деревенских ячеек, обратив особое внимание на очистку элементов, связанных с кулачеством.

3. Развить работу по оживлению советов, в частности в деревне.

4. Пересмотреть состояние советского и кооперативного аппарата, как областного, так и районного, сельского. Решительно выдвигать новых работников, в особенности из татар [38, лл. 9, 90].

22 января 1929 года состоялась объединенное заседание бюро ОК ВКП(б) и президиума ОКК с участием секретарей райкомов партии и ответственных работников, присоединившееся к решению об исключении Вели Ибраимова и снятии его с должности председателя Крым ЦИКа. Совещание рекомендовало избрать на должность председателя Мемета Кубаева [37, л. 18].

22 февраля 1929 года состоялось заседание 2-го пленума ОК и ОКК, рассмотревшее итоги отчетно-выборной кампании 1928–1929 гг., в результате которого татарское представительство в сельсоветах составило 36,8%, немецкое – 9,2%, болгарское – 2,6%, греческое – 2,3% [39, л. 39]. На заседании указывалось на то, что на 1 января 1929 года из 427 сельских советов, национальные татарские советы составили 144, в том числе: в Симферопольском районе – 19, Севастопольском – 13, Феодосийском – 10, Керченском – 15, Джанкойском – 9, Евпаторийском – 6, Ялтинском – 19, Бахчисарайском – 33, Судакском – 9, Карасубазарском – 11 [39, л. 48].

Пленум также рассмотрел вопрос «О земельной реформе и сплошном обязательном земельном устройстве в Крыму», для чего предлагалось: провести широкую разъяснительную работу о значении и сущности земельной реформы и практическом ее проведении; провести собрания партийного актива по всем районам; создать центральную комиссию (12 человек) и районные комиссии (по 5 человек) [39, л. 42].

Процесс коренизации областной партийной организации в 1920-е годы позволил резко увеличить ее крымскотатарскую прослойку, и, как результат, добиться значительного представительства во всех структурах советских, хозяйственных и профсоюзных органов.

2.3 Перестройка большевистской политики коренизации в 30-х годах: ее успехи и просчеты

С 1930-го года начинается новый этап перестройки работы партийных, государственных и других советских органов Крымской АССР по коренизации, приоритетному решению татарского вопроса, однако решительный поворот в этом направлении наступил лишь в 1931-ом году. В январе этого года бюро Крымского ОК ВКП(б) заслушало итоговый доклад о коренизации советского, кооперативного и хозяйственного аппарата, вовлечение коренного населения в производство и признало эту работу неудовлетворительной. Основными причинами этого бюро посчитало:

1. Сопrotивление советско-хозяйственного и кооперативного аппарата коренизации, недостаточно решительная борьба партийных организаций в целом и отдельных коммунистов – руководителей ведомств и учреждений с конкретными проявлениями великодержавного шовинизма.

2. Политическая недооценка, являющаяся прямым оппортунизмом в вопросе коренизации и вовлечения татар в производство со стороны ряда областных и районных организаций и учреждений.

3. Декларативность в работе и отсутствие проверки выполнения директив областного комитета со стороны партийных, советских, профсоюзных и общественных организаций.

4. Отсутствие конкретного плана мероприятий в деле подготовки кадров из коренной татарской национальности.

Бюро утвердило план на 6 месяцев 1931-го года, по которому личный состав районных и областных аппаратов должен был коренизирован на 35%; среднетехнического персонала – на 25%; а Народный комиссариат земледелия, Колхозсоюз и Табаксоюз не менее чем на 35%; а состав специалистов – на 15% до 1-го января 1933 года. План предусматривал довести коренизацию аппаратов в татарских национальных районах – Алуштинском, Бахчисарайском и Судакском до 90%; в Балаклавском – до 75%; Карасубазарском – до 50%; Ялтинском – до 80%. [41, л.5].

Однако несмотря на жесткое планирование, процесс коренизации шел медленно. Как показывает анализ архивных документов, процент выполнения плана в 1931 году составил: по областному аппарату, общему – 48,1 а по группе ответственных работников – 52,5; по городам центрального подчинения (Симферополь, Севастополь, Керчь, Феодосия): по общему аппарату – 34,8; по группе ответственных работников – 47,8; по национальным районам: по общему аппарату – 54,3; по группе ответственных работников – 77,6; в целом, по Крымской АССР: по общему аппарату – 50,1 ; группе ответственных работников – 60,1 [41, л.30].

Кроме наличия указанных выше причин торможения процесса коренизации, следует отметить и такую, на взгляд автора немаловажную, как острые внутритатарские противоречия, вызванные наличием родовой борьбы, с которой не могли справиться русские коммунисты; искривления линии по определению расслоения деревни, когда кулачество переводились то в середняки, то в бедноту; распределение денежных средств, направленных на восстановление хозяйств после землетрясения 1927-го года в пользу кулачества и другие.

К началу 1932-го года определились 3-и группы мероприятий партийных, советских и других органов по коренизации, приоритетному решению татарского вопроса:

–1-я, направленная на четкое планирование процесса коренизации; составление твердого списка должностей, подлежащих коренизации; определение источников комплектования аппаратов новыми национальными кадрами;

–2-я, определяющая порядок и виды подготовки вовлекаемых в аппарат работников, устанавливающая сроки работы курсов по подготовке и переподготовки кадров; подведения материально-финансовой базы под весь план ведомственной подготовки кадров;

–3-я, создающая нормальные жилищно-бытовые условия для новых работников, организующая помощь национальным работникам на новом месте, др.

В январе 1932-го года Крымская областная партийная организация рассмотрела на своей 16-ой отчетно-выборной конференции процесс советского строительства, выделив анализ решения национального вопроса, проведение национальной политики. Конференция отметила, что создание на базе 10-ти районов в 1930-ом году новых 6-ти районов, в том числе 5-ти национальных татарских, значительно продвинуло вперед процесс приоритетного решения татарского вопроса, подтягивания экономического и культурного состояния крымских татар до уровня таких передовых народов, как немецкий, русский, греческий, армянский [42, л.44о]

Конференция проанализировала состояние коренизации областных и районных организаций и пришла к выводам, представленным в следующей таблице [42, л.35].

Таблица 8.

Годы	Областной аппарат					Районный аппарат				
	Всего служ. чел.	Татар		нац. меньш.		Всего служ. чел.	татар		нац. меньш.	
		чел.	%	чел.	%		чел.	%	чел.	%
1.01.1929	7046	393	5,6	437	6,2	11824	732	6,2	1095	9,3
1.01.1930	7833	526	6,7	779	10,0	16284	1132	6,9	1865	11,4
1.07.1930	9970	697	7,0	1367	13,7	19754	1461	7,4	2444	12,4
1.04.1931	9439	782	8,3	1914	20,3	18174	2096	11,5	2701	14,9
1.10.1931	4954	464	9,3	296	5,9	2241	641	28,6	–	–

Из таблицы видно, что с 1929 года процесс коренизации неуклонно возрастал, причем в областном аппарате до апреля 1931-го года в приоритет выделялись национальные меньшинства. Однако к октябрю 1931 г. в областном аппарате численность представителей татарского населения превысила их уровень. В районном аппарате его представители составили почти треть всего состава.

Конференция констатировала и неуклонный рост вовлечения татар в промышленное производство с 4,5% в 1929 до 15% в 1931 году. [42, л.35о]. В то же время, при общем росте данная задача в ряде отраслей решалась очень медленно. Так, на предприятиях Крымстроя оно составило 2%, в консервной промышленности – 6%, а табачной – 7% [43, л.13]. На Севастопольском Морзаводе на 1006 рабочих татары составили 0,2% [43, л.9].

Автор считает, что главными причинами замедленного решения проблемы явились невыполнение сельскими советами плана направления татар на предприятия; слабая работа руководителей с татарскими кадрами, пребывающими на производство в плане учета национальных традиций, проживание этих народов в бараках и др.; крайне недостаточная работа по повышению квалификации татарских рабочих кадров в системе производственной учебы, вечерних и рабочих университетов, рабфаков; тормозящая деятельность мусульманского духовенства, особенно в отношении направления на предприятия женщин-татарок, др.

Проанализировав процесс национально-культурного строительства, конференция отметила, что 71,5% всей печатной продукции Крымгосиздата производится на татарском языке [43, л.35о]. Особое внимание

было уделено анализу процесса переобучения всех категорий населения на ново татарский алфавит (НТА) на основе латиницы. Это было обусловлено тем, что на 20-е марта 1930 года из общей численности татарского населения 236675 человек владело письменностью на основе арабского алфавита 201250 человек. Общее число грамотных на НТА с 15-ти до 40 лет составляло всего 26 тысяч человек или около 9% [44, л.51]. В этих условиях с 1929/1930-го учебного года все татарские учебные заведения перешли на НТА. В 1930/1931 гг. переобучение на новый алфавит и курсы ликвидации неграмотности прошли 40 тысяч татар [43, л.35о].

Конференция отметила и значительные сдвиги в медицинском обслуживании татарской деревни, где процветали бытовые венерические заболевания, туберкулёз и другие болезни. В 5-ти татарских национальных районах работало 18 больниц с 466 койками из 625 по всей автономии. При среднекрымском радиусе обслуживания медицинским участком 7,2 км, в Ялтинском районе он составил 3,2 км, Алуштинском – 3,8 км, в Балаклавском – 5,8 км, Бахчисарайском – 6 км, Феодосийском – 6,9 км [43, л.36].

К 1931 году значительный прогресс достигнут в вопросе вовлечения татарского населения в советское строительство. Если в 1930 году процент татарских национальных сельских советов составлял 33,7, то на 1 января 1931 г. он вырос до 35,9, а процент председателей сельских советов достиг 41,3 [43, л. 44о].

Конференция указала на то, что по состоянию на 1 октября 1931 года число деревенских партийных организаций выросло до 553 [43, л. 47о], а численность представителей татарского населения в общем объеме Крымской областной парторганизации достигла 3300 человек или 14,8% [43, л. 36].

В своих резолюциях конференция потребовала от партийных организаций, всех коммунистов, прежде всего руководителей советских, профсоюзных, кооперативных организаций обеспечить планирование процесса коренизации, безусловного его выполнения.

В сентябре 1933 года проводится областное партийное совещание о состоянии массовой работы в вузах Крыма, на котором с докладом выступил секретарь областного комитета ВКП(б) П.Н.Надинский. В докладе и отчетах с мест руководителей вузов отмечалось, что процесс коренизации выполняется далеко не везде. К числу тех, кто не выполнил в 1933–1934 учебном году план приема студентов из числа татарского населения, оказались Крымский педагогический и Медицинский институты [45, лл. 4, 13, 40].

Главными причинами невыполнения плана коренизации были отмечены слабая базовая подготовка, невыполнение районными отделами образования плана отбора абитуриентов.

Ранее, в июне 1933 года, Крымский ОК ВКП(б) изучил работу Педагогического института в связи с резким сопротивлением советизации со стороны научных работников старой школы. Одним из вопросов, рассмотренных на заседании бюро, стала и проблема коренизации. Проанализировав работу вуза, ставшего преемником ликвидированного в 1925 году Таврического университета, бюро отметило, что из 535 студентов представители татарского населения составляют лишь 20% вместо 60% по плану [46, л. 13].

Бюро констатировало, что из 61 научного работника, татар – 4 человека или 6,5%. С 1925 по 1930 гг. институт окончило лишь 10 татар, из которых 50% были из «чуждого элемента». На 1 января 1933 года число студентов–татар, обучавшихся в вузе, возросло до 77 человек. С 1925 до 1933 год институт выпустил 345 студентов, из них татар – 13 человек или 3,7%. Критике подверглась кафедра татарского языка и литературы, не имевшая ни одного профессора [46, л. 11, 14, 16].

Жесткой критике на заседании бюро подверглась деятельность введенной в 1930 году аспирантуры Педагогического института. На период работы комиссии ОК ВКП(б) в ней обучалось 49 человек дневного отделения и 2 вольнослушателя [46, л. 10]. По национальному составу, русских аспирантов насчитывалось 12 человек или 23,5%, из числа национальных меньшинств – 6 человек или 11,8%, татар – 33 человека или 64,7% [46, л. 11]. Ввиду отсутствия профессоров, аспиранты–татары выезжали на 4–5 месяцев на стажировку в Казань или Ленинград.

Проанализировав положение дел, бюро сделало вывод о том, что весь профессорско–преподавательский состав делится на 3 основных группы: а) реакционная часть – 15 человек / 19,2%; б) колеблющаяся часть – 15 человек / 19,2%; в) советски настроенная – 25 человек / 30,9% [46, л. 146]. Бюро потребовало от коммунистов–преподавателей, которых насчитывалось лишь 9 человек / 14,7%, принять все необходимые меры для обеспечения наведения порядка в организации учебно–воспитательного процесса, выполнении партийной линии по коренизации [46, л. 148].

Широкое рассмотрение процесс коренизации нашел на проведенной в 1934 году очередной конференции Крымского ОК ВКП(б). Проанализировав ход национально–культурного строительства в автономии, конференция констатировала, что число татарских детей в школах I ступени возросло с 20,9 тысяч человек / 23,5% в 1931 до 26,7 тысяч человек / 26,9% в 1933 году [47, л. 34]; проблемой остается продолжение обучения татарских детей в школах II ступени, где, несмотря на значительный рост, их количество возросло лишь с 11,9% в 1931 до 22,7% в 1933 году, что было явно недостаточным для подготовки специалистов высшей квалификации [47, л. 34о]; в период с 1931 по 1933 гг. системой ликвидации безграмотности охвачено 76 053 человек; ликвидацией малограмотности – 87 544 человека; переобучением на НТА – 15 870 человек, однако процент окончивших обучение не превысил 30 [47, л. 34о]; наличие 127 клубов, из них татарских только 6 / 4,7%, 8 театров, из них татарских – 1 / 12,5% [47, л. 34о]; имеет место резкий рост изданий на татарском языке со 164 названий объемом 518 печатных листов в 1929 до 196 названий объемом 803 печатных листа в 1933 году [47, л. 35]; отмечен рост членов союза научных работников из числа представителей татарского населения с 7 человек / 6% в 1931 г. до 58 человек / 29,7% на 1 января 1934 года [47, л. 37]; процент татарских студентов в Педагогическом институте возрос с 17 в 1931 до 23 в 1933 году. [47, л. 39], а в целом по всем вузам с 30,3 в 1931 до 40,5 в 1933 году. [47, л. 38о].

Анализ работы по подготовке кадров национального пролетариата показал, что процент мужчин из

числа татарских работников возрос с 5,7 в 1931 до 8,3 на 1 июля 1933 года, а женщин – с 2,3 до 3,8; процент мужчин из числа татарских слушателей возрос с 1,4 до 3,3 за указанный выше период, а женщин – с 0,1 до 2,4; рост числа младшего обслуживающего персонала из числа татарского населения за тот же период составил с 2,8% до 9,6% [47, л. 39].

В то же время, как и ранее, главной болезнью оставалась огромная текучесть пролетарских кадров, когда за 3-й квартал 1933 года только на Севастопольский Морской завод прибыло 2569 человек, а убыло 3215 человек / 125%, из них татар – 543 человека / 16,8% [47, л. 40].

Конференция отметила значительное продвижение вперед процесса коренизации советского аппарата, когда в областном звене ответственные работники из числа татарского населения составили 23,2%, среди технического персонала – 15,2%, прочего персонала – 14,3%, а в целом – 17,2%; в районном звене по аналогичным категориям коренизация составила соответственно 32%, 12%, 18% и 22% в целом по всему аппарату; коренизация в Алуштинском, Балаклавском, Бахчисарайском, Судакском районах дошла до 60–80% [48, л. 41]; по 16 районам из 971 председателя колхозов татары составили 385 человек / 39,6%, а представители национальных меньшинств – 15,4% [48, л. 41о]; из 364 председателей сельских советов татары составляют 41,5%, а секретари – 28% [48, л. 52о]; наметился и рост членов профсоюзов из числа татарского населения с 8,3% в 1931 г. до 11,4% в 1933 г. [48, л. 54о].

В отчетном докладе и выступлениях делегатов была отмечена перестройка партийной работы в деревне, когда число партийных ячеек в совхозах выросло с 47 в 1931 до 124 в 1933 году, в МТС – с 3 до 30, в колхозах – со 164 до 393, партийно-комсомольских ячеек – с 67 до 100. В колхозы автономии областная партийная организация направила 100 членов ВКП(б) [48, л. 60о].

Конференция отметила и некоторый рост коренизации руководящего состава партийных кадров, когда процент работников райкомов и горкомов возрос с 31,4 в 1932 до 33 в 1933 году [48, л. 61].

В резолюции конференции по отчетному докладу перед партийными организациями ставилась задача дальнейшего углубления процесса коренизации по всем направлениям советского строительства в автономии.

К началу 1934 года численность населения Крыма возросла с 744,8 тысяч человек на 1 января 1930 года до 993,9 тысяч человек и по национальному составу оно распределилось так: русских – 41,87%, украинцев – 10,22%, татар – 25,3%, национальных меньшинств – 22,61%. В национальных районах процент татарского населения составил: в Бахчисарайском – 79,0; Севастопольском – 63,75; Судакском – 89,28; Ялтинском – 81,44 [49, л. 23].

Исходя из состояния специализации регионов, в начале 1935 года производится новое административное переустройство Крымской АССР, когда к 16 районам добавилось 9 новых и таким образом их число было доведено до 25. В этих районах был образован 441 сельский совет, из них 177 / 40,1% национальных татарских [49, л. 97]. Именно на этой базе и осуществлялся процесс коренизации до начала войны.

Очередной анализ этой работы был сделан в начале 1937 года. Просмотрев процесс национально-культурного строительства по состоянию за 1936 г., конференция отметила, что в ЦИКе и СНК Крыма коренизация достигла 37%, в том числе 33% среди ответственных работников; процент коренизации по Народным комиссариатам составил 30 среди ответственных работников и 23 среди средне-технического персонала; в районных исполнительных комитетах работает татар: Джанкойском – 9,4%, Евпаторийском – 17%, Старо-Крымском – 30%, Бахчисарайском – 60%, Куйбышевском – 66,5%, Судакском – 80%; в пяти городских советах работает татар: Севастополе и Керчи – 5%, Феодосии – 9%, Симферополе – 10%, Ялте – 11% [49, л. 98].

В то же время, в докладе и выступлениях делегатов подчеркивалось, что из-за бесконтрольности со стороны партийных органов, коммунистов-руководителей грубо нарушаются нормы советской демократии. Главными из них являлись непроведение пленумов РИКов, что имело место в Карасубазарском районе, где за 1936 год не было проведено ни одного из них; подмена выборности членов РИКов их кооптированием, когда из 25 их председателей 17 были кооптированы в состав пленумов и президиумов [49, л. 99].

Проанализировав ход устранения недостатков коммунистами Педагогического института, конференция отметила, что процент профессорско-преподавательского состава из числа татар увеличился до 23,3, а число студентов-татар до 24,6 [49, л. 105]. В то же время конференция указала на то, что крайне неудовлетворительно идет процесс коренизации в Медицинском институте, где в 1937 году татары составляют 3,42% общей численности профессорско-преподавательского состава и 15,3% студентов [49, л. 106].

Рассмотрев процесс коренизации самой партийной организации, конференция указала на то, что на 1 января 1936 года она насчитывала 11 918 членов и 4 413 кандидатов в члены ВКП(б), из них 13,5% коммунистов-татар [9, л. 20]. Делегаты конференции говорили о том, что авангардная роль коммунистов, особенно в деревне, крайне низка.

На конференции указывалось на то, что во всех 25 районах автономии образованы районные комитеты ВКП(б). В ходе чистки партийных организаций процент татарских представителей упал с 15,6 в 1934 до 13,6 на 1 апреля 1937 года [9, л. 40], а количество татар в составе секретарей партийных комитетов и парторгов уменьшилось с 12,8% до 12% [49, л. 47]. Делегаты конференции подчеркивали отсутствие учебников по истории ВКП(б) и трудов классиков марксизма-ленинизма на татарском языке [49, л. 50].

Красной нитью через всю работу конференции прошла идея борьбы с «врагами народа», в том числе и среди коммунистов-татар. За 1936 год за контрреволюционную деятельность в Крымской АССР было арестовано 213 человек, в том числе 37 коммунистов и комсомольцев, раскрыто 25 организованных групп «троцкистов» [49, л. 28].

Последующий 1937 год принес в Крымскую АССР два диаметрально противоположных явления: с од-

ной стороны, 4 июня Чрезвычайный 9-й Всекрымский съезд советов принял самую демократическую по сути Конституцию автономии; с другой – **положил начало крутому свертыванию политики насильственной коренизации, усилению массовых репрессий, в том числе и среди татарских коммунистов-руководителей.**

Статья 90-я новой Конституции автономии утверждала равноправие граждан независимо от их национальности и расы во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни и утверждала это как непреложный закон [50, л. 9]. С этого момента продолжается эволюция национально-государственного строительства в автономии, перевод политики коренизации, приоритетного решения татарского вопроса во всех сферах ее жизни, в эволюционное русло. Прикрываясь этой статьей, областная партийная организация свернула процесс индивидуальной работы с национальными кадрами, прежде всего в крымской деревне среди татар, болгар, немцев, греков, армян и других национальностей. Партийные и советские органы резко формализовали свою работу, сведя ее к проведению под контролем бюрократии **выборов во все структуры советской власти**, что привело их к отрыву от народа. Для них одновременно они все стали равны: русские, украинцы, татары, национальные меньшинства, хотя в жизни каждая из них все же сохраняла свои традиции, обычаи, культуру, быт и т. д. Этот вывод автора, который никогда ранее официально в истории не подчеркивался, подтвердили первые же месяцы, а затем и годы оккупации полуострова в период Великой Отечественной войны, послевоенный период.

Новизной формулировки была отмечена и статья 93-я Конституции, объявлявшая ВКП(б) передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя, руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных [50, л. 10]. Впоследствии это положение трансформировалось в положение статьи 6-й Конституции СССР о руководящей и направляющей деятельности КПСС в советском обществе. Эта статья официально закрепила шедший многие годы процесс подмены власти советов властью компартийной олигархии.

Состоявшаяся в июне 1938 года очередная отчетная партийная конференция началась с объявления «врагами народа» коммунистов-руководителей Крымского АССР А. Саметдинова, И. Тархана, Б. Чагара [51, л. 3]. В материалах конференции подчеркивалось, что из рядов областной партийной организации с 1934 по 1937 годы исключено 7460 коммунистов, из них 1561 человек как белогвардейцы и классово-чуждый элемент [51, л. 5], а с июня 1937 по май 1938 год как «врагов народа» 315 человек, из которых 224 человека было репрессировано органами НКВД [51, л. 4].

На конференции указывалось, что за 2 года из Алуштинской партийной организации исключено 50% всего ее состава – 178 человек, из них многие были исключены по клеветническим доносам [51, л. 13]. Клеветничество стало столь массовым явлением как в обществе, так и в партийной организации, что с ним стали вести жесткую борьбу. Так, из 26 коммунистов, исключенных Керченским горкомом ВКП(б) восстановлено 21 человека / 80,7%, причем 15 человек были исключены по клеветническим заявлениям и восстановлены без взысканий [51, л. 15]. За клеветничество к партийной ответственности привлечено в Алуштинской и Симферопольской парторганизациях по 7, Сакской – 6, Ялтинской – 5 человек [51, л. 13]. Но это была лишь вершина того огромного айсберга, который разбивал жизни десятков и сотен тысяч честных советских граждан по всему СССР, в том числе и Крымской АССР.

Несмотря на свертывание анализа процесса коренизации, партийная конференция рассмотрела выпуск специалистов на отделении татарского языка и литературы Крымского пединститута. Сделанный анализ показал, что он составил: 1928 год – 4, 1929 год – 1, 1930 год – 10, 1931 год – 5, 1932 год – 13, 1933 год – 8, 1934 год – 0, 1935 год – 8, 1936 год – 0, 1937 год – 8 человек, и это при общей потребности 50–60 человек в год [11, л. 100]. По другим направлениям национально-государственного строительства в Крымской АССР конференция анализа не сделала и решений не приняла. Вопрос был закрыт.

О некоторых аспектах данной проблемы можно судить по материалам книги М. Щербакова и С. Рагацкина, указывавших, что в 1939 году в автономии насчитывалось 7 татарских национальных районов: Алуштинский, Балаклавский, Бахчисарайский, Карасубазарский, Куйбышевский, Судакский, Ялтинский [52, л. 10]. В книге на конкретных примерах показываются успехи советского строительства в Крыму, коренизации. Авторы отмечают, что в деревне Отузы Судакского района до революции не было ни одного грамотного жителя. К 1939 году в ней функционировали клуб, родильный дом, аптека, магазин, школа-семилетка [52, с. 70]; в деревне Ускут до революции имелась лишь одна начальная школа, а к 1939 г. в ней работала 1 средняя школа для детей, 1 школа для ликвидации неграмотности среди взрослых, клуб, электростанция, колхоз-«миллионер» [52, с. 69–70]. Авторы указывают, что на татарском языке выпущен «Краткий курс истории ВКП(б)», произведения М. Горького, В. Маяковского, А. Пушкина, Л. Толстого [52, с. 69].

Проведенная в марте 1940 года XXI отчетная конференция Крымского ОК ВКП(б) рассмотрела в общих чертах успехи советского строительства в промышленности, сельском хозяйстве, области культурно-просветительской работы и народного образования, партийного строительства, но уже без анализа их национального аспекта [53, лл. 1–186].

Автор, на основе приведенного анализа архивных материалов, выражает несогласие с издателями монографии «Крим в етнополітичному вимірі», где в §1 раздела IV указывается, что коренизация в Крыму была свернута в конце 1932 года [54]. Данный ошибочный вывод сделан по причине недостаточного использования первоисточников их анализа, в первую очередь результатов Всекрымской переписи 1939 года.

Автор хочет еще раз подчеркнуть вывод о том, что игнорирование национального вопроса в советском строительстве в Крымской АССР стало одной из главных причин провала партизанского и подпольного движения в годы оккупации ее территории немецко-румынскими захватчиками. Об этом свидетельствуют материалы стенограммы заседания бюро Крымского ОК ВКП(б), проведенного 24–25 августа 1943 года.

Бюро заслушало отчеты секретарей областного комитета П. Ямпольского и Р. Мустафаева по вопросу работы областного подпольного центра и указало, что одной из причин провала явилось выпадение татарского вопроса из поля зрения областного подпольного центра, а выходец из крымской татарской деревни Р. Мустафаев доложил об отсутствии у него опоры в Крыму [55, л. 7]. Участники совещания справедливо подчеркнули, что главным недочетом в татарском вопросе явилось отсутствие в ее среде советской агитации [55, л. 15] и что никакой серьезной работы с татарским населением не проведено [55, л. 22]. Анализ показывает, что эти факторы явились не следствием, а причиной коллорационизма части крымскотатарского народа, пассивного нейтралитета национальных меньшинств автономии.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие основные выводы: активизация в первой половине 1930–х гг. политики коренизации обеспечила подтягивание крымскотатарского народа до уровня таких развитых национальностей, как русские, немцы, евреи, армяне и других; именно с начала 1930-х гг. этот процесс принял плановый, достаточно жесткий административный характер, но, несмотря на это, планы не выполнялись, процесс коренизации тормозился в силу объективных и субъективных факторов. Начало эволюции коренизации было положено в 1934 году, когда пошел активный процесс репрессий, в том числе и в отношении к крымскотатарским кадрам. Окончательная эволюция революционной советской национально-государственной политики взяла свое окончательное направление с принятием Конституции СССР 1936 года и Крымской АССР 1937 года; когда конечным результатом этой политики стал отрыв Крымской парторганизации, всех советских органов от народных масс, прежде всего татарской деревни, следствием чего стал коллорационизм значительной ее части в годы оккупации.

Крымская областная организация РКП(б) – ВКП(б) проделала значительную работу по своему организационно-политическому строительству. В ходе своего роста и эволюции она изменяла формы и методы своей практической деятельности по решению этнонациональных проблем региона, прежде всего крымскотатарского. К сожалению, эта работа не нашла своего отображения в истории организации, подготовленной коллективом известных историков Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе. В ней не нашлось места анализу как положительного опыта, так и недостатков, которые имели место и нашли практическое отражение в борьбе за власть в годы революции, Гражданской и Великой Отечественной войны [56].

Глава 3. Подпольное движение в Крыму в годы Гражданской войны, иностранной военной интервенции (1918–1920 годов), оккупации полуострова в 1941–1944 годах и этнонациональный фактор

Одним из главных средств борьбы за власть для большевиков стала подпольная работа. С нее российские социал-демократы начали свой многолетний путь противостояния с самодержавием с конца XIX века. Расколовшись в 1903 году на II-м съезде на две части – большевистскую и меньшевистскую, они методом проб и ошибок, используя опыт народовольцев и других борцов с царизмом, накопили огромный опыт нелегальной работы. В этой работе участвовало две основные структуры – легальная, работающая в массах рабочих, с 1905 года в профсоюзах, среди интеллигенции; нелегальная – действовавшая, в основном, из-за границы. Сочетание легальных и нелегальных методов давало исключительно высокие результаты, завершившиеся победой в октябре 1917 года и приходом к власти.

Однако завоевание власти в центре не означало еще окончательной победы на местах, в том числе и в Крыму, где большевизм был слаб, как в силу отсутствия крупного промышленного пролетариата, многонационального состава населения со своими обычаями, традициями, религией, так и геополитического положения. Базировавшийся в Севастополе Черноморский флот считался в империи элитным, а, следовательно, более реакционным, чем Балтийский как в среде офицерского, так и матросского состава.

3.1 Использование большевизмом этнонационального фактора в борьбе за власть в Крыму при организации подпольной работы в 1918–1920–м годах и ее уроки

В борьбе за власть большевикам вновь пришлось вернуться к самому сложному виду – подпольной работе. Она использовалась ими непрерывно с 1917 до 1920 года, когда 16 ноября советская власть в регионе победила окончательно.

В конце марта 1918 года Германия и Австро-Венгрия заключили соглашение об оккупации Украины, по которому Крым включается в сферу “германских интересов”. 18 апреля немецкие войска преодолели сопротивление Красной гвардии Республики Тавриды, захватили Перекоп и вторглись в Крым. 30 апреля немцы вошли в Севастополь, опечатали все продовольственные склады города [1, л.121].

Оккупационная власть восстановила царскую систему управления, городские управы, объявили о восстановлении частной собственности на недвижимое имущество, национализированное советами. Немецкие власти отвергли требование о заключении коллективного договора, о приеме на работу через профсоюз, на что рабочие Севастопольского военного порта ответили забастовкой.

Командующий немецкими оккупационными войсками в Крыму генерал Кош постепенно вводил на его территории “новый порядок”, составными частями которого стали: учреждение 7 мая должности вице – губернатора, которым был объявлен крупный немецкий помещик, владелец 5600 десятин земли Фальц-Фейн [1, л. 124]; проведение массовых обысков на территориях промышленных предприятий (трамвайный

парк в Симферополе, заводе Анатра, другие) на предмет изъятия оружия и арестов членов заводских комитетов; вывоз продовольственных запасов для нужд германской армии; введение комендантского часа с 20–00 и запрет собираться на улицах и площадях более 6 человек [1, л. 142]; формирование краевого правительства, которое возглавил бывший царский генерал С. Сулькевич, куда вошли как немецкие колонисты, так и русские монархисты, представители “Милли-Фирки”, др.; отправка арестованных на работы в германские шахты; введение карточной системы [1, л. 181]; использование для борьбы с забастовочным, подпольным, а затем и партизанским движением, отрядов крымскотатарских эскадронцев и ингушей, другое.

2 июня 1918 года германское командование издало постановление, согласно которому крымские жители подлежали казни “при всяком деянии... против германских войск”, “при неисполнении распоряжений и приказов, за хранение оружия и другое” [2, с. 16–17]. Составными частями оккупационного порядка, кроме указанных выше мер, стали аресты и расстрелы без суда и следствия советских работников по доносам, подавление всяческого сопротивления крестьянства конфискациями продовольствия, открытие в городах публичных домов и притонов, многое другое.

В этих условиях Крымская областная партийная организация постепенно начала разворачивать подпольную работу, главными направлениями которой стали антивоенная агитация в немецких частях; организация забастовочного движения на промышленных предприятиях, митингов по разоблачению реакционной политики С. Сулькевича.

Одна из первых большевистских подпольных организаций была создана в Симферополе в составе 5 человек [3, л. 13]. В начале июня 1918 года в Севастополе состоялось совещание представителей севастопольской и симферопольской большевистских подпольных ячеек, на котором создается временный оргкомитет по подготовке созыва партийной конференции, установлению связи с ЦК РКП(б) и с остальными организациями Крыма [3, л. 13]. Организационная поддержка была получена от Одесской областной организации КП(б)У.

Проводимая большевиками работа давала положительные результаты. 22 июля 1918 года забастовали севастопольские железнодорожники [4, л. 166–167]. В знак солидарности их поддержали рабочие ряда предприятий Симферополя [1, л. 198]. Задержанные немцами в облавах около 20 железнодорожников отказались стать на работу, за что были посажены под арест в комендатуре Симферополя [1, лл. 211–212]. В конце августа забастовочное движение перекинулось на табачные фабрики Крыма и 1 сентября все они бастовали [1, л. 235].

Широкая работа развертывалась большевиками в немецких частях и на кораблях. К июлю 1918 года подпольные организации Крыма получили от ЦК РКП(б) 10 пудов агитационной литературы на немецком языке. 14 августа отказался выступить на фронт немецкий батальон, дислоцировавшийся в Севастополе, за что он был расформирован. Только во второй половине июля было расстреляно более 30 немецких военнослужащих за участие в антивоенных митингах. 14 ноября на митинге немецких матросов и солдат принимается резолюция с требованием немедленной отправки домой. Правительство С. Сулькевича подало в отставку, власть немецких оккупантов в Крыму закончилась, но на смену ей пришли войска Антанты и А. Деникина.

В обращении держав согласия к населению Крыма от 13 ноября 1918 года говорилось: “Большевизм объявляется вне закона, лица, скрывшие большевиков подлежат полевому суду” [5, с. 107]. О планах интервентов открыто говорилось в обращении “К населению Юга”, принятом на совещании в Яссах: “Мы пребываем на территории России для водворения порядка, для освобождения от власти большевиков... Мы не признаем никаких организаций в России, кроме организаций, борющихся с большевиками, – добровольной и казачьей армии и армии Учредительного собрания...” [6].

В рамках этой борьбы начался массовый вывоз продовольствия, конфискации его в пользу армии А. Деникина, что привело к скачку цен на рынке. В марте-апреле 1919 года пуд пшеницы в Симферополе стоил 220–240 рублей, фунт сливочного масла – 250–300 рублей [7, лл. 2–3]. Положение усугублялось массовой безработицей во всех промышленных городах Крыма. Только в Севастополе по официальным данным насчитывалось около 10 тысяч безработных [8, л. 78]. В обстановке жесткой деятельности деникинской контрразведки, большевистское подполье Крыма было пополнено опытными работниками, присланными ЦК КП(б)У. Основные усилия подполья направляются на срыв мобилизационных мероприятий в армию А. Деникина, ведение агитационной работы среди англо-французских моряков, белых войск; организацию забастовочного движения; агитацию среди крестьян к захвату помещичьих земель; проведение военных акций как против англо-французских, так и белых войск; политических акций против правительства С. Крыма и другие.

В середине февраля 1919 года командующий Крымско-Азовской Добровольческой армией доложил А. Деникину о провале мобилизации в Крыму [9, с. 82]. Не позднее 20 февраля восстали матросы французского крейсера “Мирабо” и перебили всех своих офицеров. Восстание было подавлено [9, с. 85]. В ночь на 4 марта на стенах домов и заборах Севастополя расклеено воззвание большевистского комитета, призывающих рабочих и крестьян к срыву мобилизации в армию А. Деникина и свержению Краевого правительства С. Крыма [5, л. 1].

В связи с наступлением Красной Армии на Перекопском перешейке, 14 марта 1919 года началась всеобщая политическая забастовка в Севастополе. Экономическая жизнь в городе замерла [9, с. 91]. Керченский подпольный комитет провел в Аджимушкайских катакомбах конференцию представителей трудящегося крестьянства Керченского района. Присутствовало 60 коммунистов. Принято решение об организации партизанского отряда в катакомбах и объединение его с возникшим ранее Петровским и Старокарантинскими отрядами [9, сл. 203–204]. Усилили военно-боевую работу севастопольские подпольщики, взорвав-

шие рельсы на первом тоннеле железнодорожного пути Севастополь – Симферополь [9, с. 107].

Большую работу по разложению оккупационных войск в Крыму провели иностранные коммунистические группы, созданные в Москве в 1918 году. Наиболее эффективно работала французская коммунистическая группа, принявшая решение на заседании в начале сентября 1918 года об издании своего печатного органа – газеты “III интернационал”. В ее редакционную коллегия вошли И. Арманд, Ж. Лябурб, А. Бербер и другие. В Одессе было налажено печатание на французском языке газеты “Коммунист”, выходившей два раза в неделю и распространявшейся среди французских моряков.

К концу февраля 1919 года в каждом полку, на каждом французском корабле были созданы революционные ячейки, сочувствующие коммунистам. С их помощью Севастопольский подпольный большевистский комитет распространил воззвание, в котором призывал французских моряков вернуться домой. Разложеческая работа давала положительные результаты.

Под воздействием большевистских агитаций, 350 французских моряков 20 апреля 1919 года сошли с находящихся на рейде дредноутов на берег и с пением “Марсельезы”, с красными флагами направились по улицам Севастополя. К шествию примкнули группы севастопольских рабочих. Манифестанты были расстреляны патрулями греческих и французских войск: 6 человек убито, 10 ранено [11]. Командующий союзными войсками в Крыму Труссон заявил о необходимости “оборонять Севастополь до последней крайности” [11, с. 81], но уже после 20 апреля французы начали эвакуацию из города, взрывая форты и вывозя имущество России. 29 апреля части Красной Армии вошли в Севастополь.

В апреле 1919 года ЦК РКП(б) направил в Крым группу коммунистов во главе с Мустафой Субхи – один из организаторов Коммунистической партии Турции. По прибытии на полуостров, он возглавил мусульманскую секцию при Крымском ОК РКП(б). Секция стала издавать газету “Эни-Дунья” (“Новый мир”) [12, л. 9], что позволило усилить большевистское влияние на татарское крестьянство, составлявшее более 87% его населения, переломить его сознание в пользу советской власти.

Летом 1919 года положение на Южном фронте резко ухудшилось. Белая армия, имея численное превосходство в живой силе, прежде всего в коннице, начала наступление по всему фронту. Его поддержал десант под командованием генерала Слащева, высадившийся в Коктебеле.

В этой обстановке проявился, как писал в своих воспоминаниях С. Бабахан, “недостаток контакта между военным командованием (штаб Крымской армии в лице Дыбенко), Совнаркомом и Крымским Областкомом РКП. Они вносили путаницу и нервозность в работу партийных и советских органов в последние дни существования советской власти в Крыму” [13, с. 4–5]. 24 июня 1919 года белые заняли Симферополь, а вопрос об организации подполья был решен лишь к 20-му числу. Естественно что за 2–3 дня подготовить подполье было невозможно [13, с. 5]. Эта же ситуация повторилась и в 1941 г.

С июня 1919 года Крымская областная большевистская партийная организация была вновь вынуждена повести подпольную борьбу против денкинцев, а затем врангелевцев, которых поддерживали Антанта и США.

В истории Крымского подполья этого периода Гражданской войны возможно выделить три основных этапа: 1-й – “кустарный”, охватывающий период с июня по декабрь 1919 года, когда начался процесс формирования подпольных организаций в различных городах в условиях безденежья, ставшего результатом утраты 1,5 млн. рублей, ответственным за них С. Бабаханом и 400 тыс. рублей – Шульманом и Ольнером; отсутствием Всекрымского руководящего центра и когда большевистская работа велась исключительно в городе [14, с. 26]; 2-й – декабрь 1919 – май 1920 годов, когда образованный Крымский областной комитет и Областной революционный комитет в Симферополе стали руководящими центрами большевистской работы как в городе, так и в деревне, в том числе татарской; 3-й – июнь – ноябрь 1920 года, когда центр большевистской работы переносится в лес, на партизанскую борьбу. Это был один из самых трудных периодов борьбы за власть на полуострове. Белогвардейская контрразведка, основу которой составляли сотрудники царской жандармерии, имевшие огромный опыт борьбы с революционным подпольем, наносили один за другим ощутимые потери большевикам. Этому способствовало и объявление полуострова на военном положении, что влекло за собой предание арестованных военно-полевому суду.

16 ноября 1919 года денкинская контрразведка арестовала 12 членов подпольной Севастопольской организации большевиков [8, л. 87], а 22 марта военно-полевой суд приговорил к расстрелу троих арестованных. 18 марта подпольщиков расстреляли. В ответ на этот приговор большевистские национальные организации провели в городах Крыма 25–27 марта трехдневную забастовку рабочих. Но уже 4–6 мая Симферопольский военно-полевой суд приговорил к смертной казни 15 коммунистов и комсомольцев за большевистскую агитацию против денкинской армии. 7 и 9 мая приговор был приведен в исполнение. 18 мая аналогичный приговор был вынесен Севастопольским военно-полевым судом в отношении 5 боевиков подрывной подпольной большевистской дружины. 9 июня Симферопольский военно-полевой суд приговорил к повешению 13 подпольщиков, обвинявшихся в подготовке вооруженного восстания. Приговор был приведен в исполнение [9, с. 257]. И подобные приговоры десятками выносились до полного освобождения Крыма от врангелевцев.

Однако большевистское подполье не прекращало своей активной агитационно-пропагандистской и военно-боевой работы. Как результат, на выборы в Симферопольскую городскую думу в сентябре 1919 года пришло не более 15% избирателей [15, л. 65]. 29 сентября в Севастополь из Франции пароходом “Петр Великий” прибыло 1500 русских солдат экспедиционного корпуса, но никто из вернувшихся добровольно служить к белым не пошел [15, л. 67].

20 декабря 1919 года ЦК РКП(б), обсудив вопрос о Крыме, принял постановление, в котором предлагалось комиссии в составе Д. Ульянова, Ю. Гавена и М. Максимовского подбирать политработников для

Крыма. В феврале 1920 года ЦК РКП(б) утвердил Крымревком и бюро обкома партии в составе Ю. Гавена, Д. Ульянова и других коммунистов [16, с. 86].

К концу 1919 года большинство городских подпольных организаций Крыма уже пережило организационный период. Их работой руководили партийные комитеты. На заводах и фабриках создавались подпольные партийные ячейки. Симферопольский, Евпаторийский и Феодосийский подпольные комитеты создали несколько партийных ячеек в деревнях. Начался процесс налаживания связи между партийными комитетами Симферополя, Феодосии и Ялты.

В декабре 1919 года на совещании представителей Севастопольской и Симферопольской большевистских организаций создается областной комитет в составе трех членов и двух кандидатов, который установил регулярную связь с местными подпольными комитетами, увеличил выпуск листовок и воззваний к трудящимся под лозунгом: "Все на помощь Красной Армии!"

Большое внимание уделяется технической работе, прежде всего изготовлению достоверных документов различного назначения, давшей до 5 тысяч экземпляров. Руководил этим направлением подпольной работы Исаак Просмушкин ("Сперо") [14, с. 32]. При областном партийном комитете был организован штаб для руководства военно-боевой работой боевых групп, объединенных в целях конспирации в пятерки. Ядро этих пятерок составляли крымские комсомольцы, которых к февралю 1920 года насчитывалось до 120 человек [17, с. 208].

Областной подпольный комитет начал подготовку к вооруженному восстанию в тылу врангелевцев, для чего в городах стали формироваться ревкомы, на которые возлагалась вся эта работа. Наиболее активно готовились к вооруженному восстанию Феодосийская, Керченская и Севастопольская подпольные организации. Но когда подготовка к восстанию уже подходила к концу, в Феодосии начались массовые аресты. Предатели, проникшие в ряды подпольщиков, выдали белогвардейской контрразведке план восстания.

Двадцать восемь коммунистов и комсомольцев были арестованы, в том числе и руководитель подпольной организации И. Назукин. Все они подверглись жестоким пыткам: их били шомполами, подвешивали вниз головой, загоняли под ногти булавки, душили руками и т.д. 6 марта 1920 года, после зверских пыток и истязаний, И. Назукин был расстрелян.

За два дня до начала восстания начались аресты и в Севастополе, где подпольщики сформировали боевые отряды, подготовили оружие и боеприпасы. В ходе арестов была обнаружена подпольная типография, документы и печать городской подпольной организации. В числе арестованных значилось все руководство: В. Макаров, А. Бунаков, И. Севастьянов и другие. 24 января 1920 года девять руководителей, в том числе В. Макаров, были расстреляны [18, л. 9].

Вслед за провалами в Феодосии и Севастополе, волна арестов прокатилась по другим городам Крыма, в том числе Керчи, Симферополю, Евпатории и Ялте. Расследование послевоенного периода выявило, что одним из предателей был член областного подпольного комитета Ахтырский.

21 марта 1920 года в Севастополе представители Антанты собрали военный совет белого движения, на котором принимается решение о назначении верховным главнокомандующим барона П. Врангеля. На другой день А. Деникин огласил приказ о его назначении и убыл в Англию. В истории Крыма начался новый период, получивший название "врангелевщина".

Придя к власти, П. Врангель начал осуществлять комплекс военных, политических и социально-экономических мероприятий по укреплению белого движения, в том числе и по земельному вопросу. 7 июня 1920 года был опубликован закон о земле, повторявший столыпинскую аграрную реформу [19, лл. 185–186]. Однако его реализация затягивалась.

К весне 1920 года Крымское большевистское подполье, несмотря на новую волну арестов и публичных казней, начало постепенно восстанавливаться. В марте Севастопольскую подпольную организацию возглавил И. Серов, симферопольский подпольный горком – К. Григорович.

5 мая 1920 года в Коктебеле Крымский подпольный обком проводит конференцию, в работе которой приняло участие 13 делегатов [20, лл. 107, 110]. Конференция обсудила вопросы о деятельности подпольных партийного и комсомольского обкомов; о работе в деревне; о военной работе, др. Но закончить свою работу она не смогла, так как прибыл отряд белогвардейцев и после перестрелки делегаты конференции скрылись.

После провала Коктебельской конференции, областной подпольный комитет перешёл в лес и организовал штаб партизанского движения, который возглавил С. Бабахан, однако вскоре он был заменен А. Мокросовым.

В начале сентября 1920 года состоялась партийная конференция, которая констатировала провалы и многочисленные аресты подпольщиков, необходимость переброски в лес большей части партийного и комсомольского актива. Начатая в июне, она положила начало третьему этапу в истории Крымского подполья периода 1919–20-х годов, значительно ослабила большевистскую работу в городах. Конференция приняла решение отправить в Советскую Россию подпольщиков, деятельность которых стала известна белой контрразведке. В период решающих боев за Крым осенью 1920 года, большевистские подпольные организации уделили первостепенное внимание разведывательной работе и передаче сведений Красной Армии, дезорганизации тыла врангелевцев. Наиболее активно действовала Феодосийская подпольная организация, члены которой 12 октября взорвали крупный склад боеприпасов вблизи станции Сарыголь, освободили из тюрьмы политических заключенных.

В канун бегства врангелевцев из Севастополя, в ночь с 11 на 12 ноября 1920 года в городе был образован революционный комитет, который взял власть в свои руки и организовал охрану складов [21, л. 30], поскольку в город были должны войти махновцы, в последний раз бывшие союзниками советской власти.

Организация большевистского подполья в годы революции и Гражданской войны в Крыму подтверди-

ла необходимость соблюдения основополагающих принципов этой работы: величайшая осторожность в подборе кадров, их всесторонняя проверка; соблюдение строжайшей конспирации; опора на массы рабочего класса и крестьянства, прежде всего национальной; активная работа в легальных организациях, особенно в профсоюзах; умелое сочетание агитационно–пропагандистской и военно–боевой работы; создание системы разведки и контрразведки; наличие базы для изготовления достоверной документации и другие. Несоблюдение хотя бы одного из этих принципов каралось кровью десятков и сотен людей.

В послевоенный период, Крымский обком РКП(б) – ВКП(б) проанализировал опыт подпольной работы в период борьбы за советскую власть. Он нашел свое отражение в ряде статей, опубликованных в специально издаваемом журнале "Революция в Крыму", который выходил до 1932 года. Кроме уже рассмотренных, со своим анализом выступили С. Бабахан [22], И. Фирдевс [23], С. Идрисов [24], И. Умеров [25] и другие.

По своей глубине и полноте рассмотрения проблемы, эти воспоминания различны, порой поверхностны, но каждое из них вносило свой вклад в анализ ситуации того периода. К сожалению, Крымский ОК ВКП(б) не сделал из этого анализа для себя правильных выводов, что привело к провалу работы коммунистического подполья в период оккупации полуострова в 1941–1944 году. Руководство обкома нарушило указанные выше принципы организации подпольной работы, прежде всего в вопросе подбора кадров для деятельности в экстремальных условиях жесткой, бескомпромиссной войны не на жизнь, а на смерть. Это было обусловлено рядом факторов как объективного, так и субъективного характера. Приход к руководству новой генерации партийных кадров, не имеющих опыта организации подпольной работы и нежелающих его изучить в силу общественно-политической ситуации в стране и в Крыму; отсутствие глубинной связи с массами, прежде всего национальной деревней (татарской, болгарской и др.)

3.2. Влияние этнонационального фактора на успехи подпольного движения в Крыму в 1941–1944 годах

Следует отметить, что интерес к подпольному патриотическому движению в Крымской АССР в годы оккупации в современных условиях значительно угас. Это обусловлено тем, что десятилетия, прошедшие после тех суровых лет, как бы вымыли из сознания сегодняшних граждан Крыма вклад в наше сегодняшнее тех, кто сражался и умирал на фронте и тылу за будущую великую и жизненно необходимую Победу.

Так, в очерках «История Крыма с древнейших времен да наших дней» подпольному патриотическому движению уделено лишь несколько предложений [26]. Проблема истории Крыма периода Великой Отечественной войны рассмотрена в последние годы в работах В.М. Брошевана [27], И.П. Кондратова [28], М. Ислямова [29] и других.

По заявлению Гитлера на совещании в Ставке 19 июля 1941 года, Крым намечалось освободить от всех чужаков и заселить немцами. По его предложению Крым должен был быть превращен в имперскую область Готенланд (страна готов), а Севастополь – в Теодорихсхафен (гавань Теодориха, короля готов, жившего в 493–526 гг.). Исторически возвращение Крыма в состав Германии основывалось на том факте, что во 2-й половине IV в. в Таврику вторглись пришедшие с берегов Балтийского моря германские племена готов.

Подпольное движение в Крымской АССР в годы оккупации было организовано в соответствии с директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июля 1941 года, которая требовала от местных партийных и советских органов ориентироваться на создание в тылу противника не отдельных выступлений, а массового всенародного движения. „В занятых врагом районах, – говорилось в директиве, – создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д. [30, с. 19].

Данная директива была конкретизирована в постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года, требовавшем «...развернуть сеть большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов» [30, с. 23].

Территория оккупированной фашистами Крымской АССР была включена в состав Рейхскомиссариата Украина [31, л. 28]. Для борьбы с подпольным и партизанским движениями на территории автономии гитлеровцы использовали «Абвергруппу–302» (начальник капитан Г.Тонекс); группу «ГФП–13» (начальник капитан В.Вильке), ряд других спецслужб. Группа «ГФП–13» имела в своем составе казачий взвод и отряд фельджандармерии.

В июле 1942 года. Крымский ОК ВКП(б), находившийся на Северном Кавказе, создал группу по руководству подпольными партийными организациями на оккупированной территории Крымской АССР. Она подобрала и отправила в Крым коммунистов для организации подпольной работы [32, с. 212].

Составными частями подпольного патриотического движения в годы оккупации Крымской АССР в борьбе с фашистскими захватчиками стали: партийное и комсомольско-молодежное подполье; разведывательно–диверсионные группы НКГБ; деятельность отдельных неорганизованных граждан. «Однако, – как писал уполномоченный Крымского обкома ВКП(б) И. Генов, – вся беда заключалась в том, что в первые дни прихода немецко-румынских оккупантов у нас в Крыму не оказалось единого руководящего партийного центра...» [33, л.6].

В канун оккупации Крыма, обком ВКП(б) дал указание райкомам партии по отбору коммунистов для подпольной работы. Всего для этой работы было рекомендовано 163 человека [34, лл. 1–15], в том числе 13 человек в Бахчисарайском татарском национальном районе во главе с Б. Муртазаевым [34, л. 5], 5 человек в

Куйбышевском [34, л. 8 о], 6 человек в Судакском [34, л. 12], Алуштинском—3 человека [34, л. 7 о], 6 человек в Карасубазарском татарских национальных районах; были подготовлены явки для связных, подпольных и партизанских организаций, но, как показали последующие события, все это было сделано в спешке, непродумано, без тщательной проверки кандидатов для работы на оккупированной территории. Все это, плюс трусость и измена отдельных коммунистов, привело к тому, что в период конца 1941—го начала 1942 годов партийное подполье было парализовано. Судьба многих из тех, кто был отобран, даже в послевоенный период оказалась невыясненной. Уроки организации подполья в Крыму в годы Гражданской войны для компартийного руководства полуострова впрямую не пошли.

Оценивая данный этап компартийного подполья, А. Мокроусов в докладной записке от 2 июля 1942 года писал: “Работой Крымская партийная организация не занималась и политработа среди населения не велась. К созданию подпольной работы приступили с большим опозданием” [35, л. 74].

В этой ситуации, главный штаб Крымского партизанского движения самостоятельно приступил к формированию подпольного движения, создавая группы советских патриотов (ГСП), обслуживающих от одного до трех населенных пунктов. Для их организации в районы были посланы уполномоченные со связными. Групп ГСП в районах было создано: Карасубазарском – 4, Ичкинском – 6, Сейтлерском – 3, Зуйском – 4. Каждая группа состояла из 3–9 человек [35, л. 75]. В условиях голода, из партизанских отрядов было отправлено для организации ГСП до 500 человек [36, л. 201].

Перед ГСП ставились следующие задачи: ведение агитации и пропаганды среди населения; распространение советских листовок и газет; уничтожение фашистских плакатов и объявлений; саботирование всех мероприятий оккупантов; срыв набора рабочей силы для отправки в Германию; создание небольших диверсионных групп; ведение разведывательной деятельности [35, л. 76]. Однако вся трудность их работы заключалась в нехватке достоверных документов, денежных средств, подпольных явок, четкой контрразведывательной деятельности специалистов Германии и Румынии.

Партийное подполье было представлено сетью организаций, деятельность которых организовывал и направлял Крымский подпольный центр из 3-х членов ВКП(б), утвержденных на бюро ОК ВКП(б) 26 октября 1941 года. В состав центра вошли: И.Козлов (секретарь), С.Колесниченко и А.Ефимов. Кроме того, в состав центра включили члена партии Л. Боруца с дочерью комсомолкой Клерой Боруц [36, л.1]. Основными задачами подпольной работы было определено: развертывание агитационно-массовой работы среди населения и солдат оккупационной армии; организация диверсионной и вредительской работы на предприятиях, особенно на железнодорожном транспорте; сообщение обкому и Штабу партизанского движения необходимых сведений о расположении вражеских частей, деятельности противника, другое. Однако его реальной работы население не ощущало.

В условиях бездействия компартийного подполья, основными силами активного сопротивления оккупантам стали ГСП, создаваемые на местах по инициативе комсомольцев и беспартийной молодежи, в ряде случаев – коммунистов.

С июля 1943 года в Симферополе активно боролась с оккупантами комсомольско-молодежная организация, создателями которой стали: А. Косухин, В. Бризницкий, П. Топалов, В. Григорьев. Она насчитывала 12 групп общей численностью 123 человек, из них членов ВКП(б) – 3 человека, членов ВЛКСМ – 40 человек; беспартийных – 80 человек [36, л. 8]. Четырьмя группами руководил лично А. Косухин, член ВЛКСМ, создавший свою организацию в июне 1943 года и в которую входило 40 комсомольцев и 7 беспартийных. Одной группой из 10 человек молодежи, созданной в ноябре 1943 г., руководил беспартийный С. Бакун. Двумя группами, созданными в марте 1943 года общей численностью 27 человек, руководил беспартийный В. Бризницкий. Тремя группами, созданными в мае 1943 года общей численностью 17 человек, руководил беспартийный П. Топалов. Одной группой, созданной в мае 1943 года численностью 5 человек, руководил беспартийный В.Григорьев. И одной группой, созданной в июне 1943 года численностью 17 человек, руководил беспартийный Лабенок. Данная патристическая организация работала, в целом, под руководством городской подпольной партийной организации. Организация решала указанные выше задачи.

В селе Марфовка Приморского (ныне Ленинского) района активно боролась с оккупантами подпольная комсомольская организация „Молодая гвардия”, созданная весной 1943 года из числа болгарской и русской молодежи. Организация насчитывала 25 человек. Ее возглавлял комсомолец А. Касьянов. Участниками организации были А. Белоненко, Л. Влчуга, А. Загорко, Ф. Шишманов (руководитель диверсионной группы) и другие. Группа решала те же задачи, что и другие патристические подпольные организации Крыма.

Осенью 1943 года фашисты арестовали часть членов „Молодой гвардии”, которая действовала в совхозе „Мариенталь”. Были арестованы врач Бауэр (Плотникова) Александра Петровна и другие члены группы. А. Бауэр пытал раскаленным железом переводчик Н. Копатин. Когда же врагам не удалось ничего узнать, коллаборационист отрезал ей ножом соски груди и бросил в лицо [36, л. 10].

В декабре 1943 года группа была разгромлена. Фашисты арестовали 13 человек, которые подверглись жестоким пыткам. В этом участвовали коллаборационисты В. Дубогрей, В. Зуб, Н. Омельченко, арестованные в июне – ноябре 1958 г., давшие показания о своих злодеяниях и расстрелянные по решению суда за свои преступления перед народом [36, лл. 1–10].

Группы советских патриотов действовали и в других регионах Крыма. Так, в деревне Семь Колодезей патриоты под руководством К. Богданова, А. Беспалова, А. Лубенцова пустили под откос 6 эшелонов противника, взорвали склад с горючим. Подпольная группа деревни Спасовка под руководством С. Булатова и Я. Кладовщикова взорвала один паровоз и машину с немецкими офицерами. Вела разведку и распространяла листовки ГСП в деревне Шейх – Эли, где руководителями были братья Мартиросьяны [37, л. 195].

С конца 1943 года, после объединения с Симферопольской ГСП во главе с А. Косухиным, активизиро-

вал свою деятельность Симферопольский горком ВКП(б) в состав которого вошли: И. Козлов (секретарь, кличка «Андрей»), Е. Лазарева (секретарь, кличка «дядя Костя»), А. Косухин (помощник секретаря по организационно–массовой работе, кличка «Нина»). Ответственной связисткой секретаря горкома ВКП(б) стала С. Шевченко; ответственным паспортистом – художник И. Волошин [36, л.43].

Члены горкома регулярно проводили свои заседания, первое из которых состоялось 3 декабря 1943 года [38, л. 43]. В протоколах фигурировали только подпольные клички. За период своей работы было проведено 18 таких заседаний; последнее – 14 марта 1944 года, где рассмотрели вопрос об арестах членов подпольной организации «Муסי», «Хрена» и «Луки», а также предателях [36,л. 58].

Подпольная организация горкома ВКП(б) насчитывала по одним данным 48 групп, объединявших 333 человек; по другим – 54 группы общей численностью 535 человек [36, л. 61]. Члены патриотических групп приняли в индивидуальном порядке клятву, подписав ее своей подпольной кличкой.

С 1942 года в Симферополе действовала подпольная группа под руководством П. Смирнова, которая насчитывала до 40 человек и которая поддерживала тесные контакты с командованием Северного крымского партизанского соединения, базировавшегося в Зуйских лесах под командованием Лугового. В конце 1942 года группа была провалена провокатором [36, л. 4].

В Евпатории вела активную борьбу с оккупантами подпольная организация, которую возглавлял член ВКП(б) Ф. Павлов [36, л. 119].

Основными формами и методами деятельности подпольных партийных организаций, групп советских патриотов стало проведение широкой политической работы, включавшей прием, печатание и распространение сводок Совинформбюро о положении на фронтах. С ноября 1943 по апрель 1944 годов было принято и напечатано 14 сводок тиражом около 800 экземпляров каждая [38, л. 16]. Листовки со сводками печатал комсомолец Анатолий Косухин на изготовленном им лично ручном печатном станке. Он же принимал и сводки с радиоприемника, так же изготовленного им лично. Подпольщики напечатали и распространили три прокламации («К молодежи Крыма», «С новым годом, товарищи» и 20 января 1944 года о зверствах оккупантов в деревнях Крыма). Кроме того, членами подпольных групп было распространено среди жителей 30 тысяч советских газет и листовок на русском, татарском и немецком языках [38, л. 16].

Другими направлениями деятельности подпольщиков стало спасение раненых партизан, советских граждан от отправки на работу в Германию, гибели в лагерях путем выдачи справок о болезни туберкулезом, чем занимались врачи Зеленский и Казанский; укрытие в больницах и туберкулезном диспансере раненых партизан, военнопленных, бежавших из лагерей; организация побегов военнопленных из лагеря, находившегося на ул. Речной в г. Симферополе; сбор и переправка партизанам медикаментов и перевязочных материалов; спасение и укрытие евреев и их детей от отправки в лагерь и уничтожения.

Третьим направлением подпольной работы стало проведение военно-диверсионной работы на путях организации диверсионных актов, которой занимались две молодежные организации: Ефремова (кличка «Хрен») и З. Жильцовой. С 8 октября 1943 по 12 апреля 1944 годов подпольщики совершили 42 диверсии, уничтожив 11 воинских поездов, в т.ч. 7 с боеприпасами; 4 цистерны и 4 вагона с горючим; 28 вагонов с почтой, оборудованием и т.п.; 2 паровоза и 3 дрезины; 42 тонны бензина в штабелях; 200 тонн горючего на нефтебазе и др. [36, л. 27]; проведение вредительской работы на железнодорожном транспорте, Симферопольском хлебозаводе, на мельнице, линиях связи и других объектах как гражданского, так и военного характера.

Особое внимание подпольщики уделяли ведению разведывательной работы и передаче сведений через партизан советскому военному командованию о передвижениях воинских грузов, дислокации и расквартировании войск, их количестве, о работе гестапо и полиции, другим вопросам.

Не осталась без внимания подпольщиков внутрисоюзная работа, прием в ряды ВКП(б) комсомольцев и беспартийной молодежи. За время деятельности подполья в ряды партии было принято 8 членов ВЛКСМ и 7 беспартийных [36, л. 15].

К сожалению, далеко не все участники этой подпольной патриотической организации дожили до освобождения Симферополя. С ноября 1943 по апрель 1944 года организация потеряла 56 своих членов. Главными причинами провалов большинства подпольщиков стало неумение и нежелание руководителей и членов групп соблюдать подпольную дисциплину и конспирацию; погоня за количеством членов подпольной организации; бахвальство работой в подпольной организации; покупка оружия и боеприпасов у румынских солдат прямо на улице; записи в блокнотах адресов и настоящих фамилий подпольщиков; сборы денежных пожертвований на предприятиях по подписным листам с указанием настоящих фамилий; коллаборационизм отдельных жителей Симферополя, другие.

Для подпольной работы Севастопольский горком ВКП(б) в 1941 году подобрал в Корабельном районе 9 человек во главе с Г. Чернышевым; Центральном – 4, во главе с А. Горой; Северном – 6 во главе с З. Сутыгиным [38, л. 3 о]. Однако ни один из них к ведению подпольной работы не приступил, к ним не прибыл ни один связной из центра.

Организатором Севастопольского подполья стал бежавший из плена старшина 18–го артиллерийского полка В. Д. Ревякин, сражавшийся на Херсонесе до 6 июля 1942 года. Его укрывала жительница города Л. Т. Нефедова. В. Д. Ревякин устроился работать учителем химии и биологии школ №1 и 4[39, л. 8]. В августе 1942 года он пытался установить связь с партизанами, но безрезультатно. Тогда В. Ревякин приступил к созданию подпольной организации.

К концу 1942 года на Лабораторной ул. (позже улица Ревякина) возникла группа сопротивления под руководством В.Д Ревякина. В группу входили бежавшие военнопленные, бывшие моряки – черноморцы, красноармейцы, местные жители[40, л. 1].

Параллельно, ей в начале 1943 года в городе возникла патриотическая группа среди военнопленных, размещенных в бывших Розаровских казармах на Корабельной стороне. Организатором группы стал Н.И. Терещенко (“Михайлов”) – бывший помощник секретаря Севастопольского горкома партии [40, л. 2]. В группу вошли А. Комаров, Г. Смагле, В. Громов, А. Воронов [39, л. 9]. Организация насчитывала свыше 50 человек, подписавших клятву партизан [41, л. 23]. Основными направлениями деятельности группы стали активная агитация и пропаганда среди военнопленных, срыв мероприятий по их вербовке в РОА, саботаж и уклонение от работы, организация побегов военнопленных.

В марте 1943 года в группу В. Д. Ревякина вошла действовавшая до этого самостоятельно патриотическая группа П. Д. Синельникова (“Павлов”), ядро которой составляли рабочие и инженерно – технические работники судостроительной мастерской “Вервь”. 19 марта 1943 года объединенная группа приняла устав коммунистической подпольной организации в тылу немцев (КПОВТН).

Устав определял обязанность подпольщиков строжайше соблюдать военную тайну, вплоть до самопожертвования; беспрекословно выполнять порученные задания, принятые организацией решения. Конечной целью организации определялась подготовка вооруженного восстания; ближайшей тактической задачей – проведение широкой организаторской работы среди населения города, военнопленных и, по возможности, среди солдат армии противника; ведение подрывной и диверсионной деятельности; организация саботажа в немецких учреждениях и на предприятиях; приобретение оружия и боеприпасов [39, л. 12].

21 марта 1943 года подпольщики выпустили и распространили среди населения Севастополя рукописную политическую листовку “Воззвание к населению города Севастополя”, в которой призывали выступить единым фронтом за свержение фашистского ярма. Она возвестила о появлении в городе советской подпольной организации. В апреле вышла вторая, а 1 мая третья рукописная листовка, направленная на срыв призыва в “Добровольческую армию” и запись на добровольный выезд на работу в Германию [40, л. 4].

В мае–июне 1943 года в доме, где проживал В. Д. Ревякин, оборудуется подпольная типография, что позволило выпустить 36 номеров листовок. Подпольщики организовали выпуск газеты “За Родину”, редактором которой стал учитель черчения школы № 16 Г.П. Гузов. Газета выходила 2–3 раза в неделю тиражом 500–600 экземпляров. Было выпущено 25 ее номеров [40, л. 16].

Подпольная организация создала боевые группы, которые уничтожили начальника полиции Корабельной стороны Леонтьева [40, л. 19], освободили из лагерей более 300 военнопленных [40, л. 20]. В ночь с 12–13 октября 1943 года СД арестовала П. Д. Синельникова и с ним 7 человек, из них 6 расстреляли. Предателем оказался бывший летчик И. Серенко, получивший за это должность следователя криминальной части СД (в мае 1944 г. он ушел с немцами) [39, л. 6].

14 марта 1944 года был арестован по доносу Людвиг Шкурника В.Д. Ревякин. По его же доносу арестовываются еще 25 подпольщиков. 14–16 апреля 1944 года в Юхариной балке СД расстреляло В.Д.Ревякина и группу подпольщиков [40, л. 11]. Посмертно В. Д. Ревякину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Исследование показывает, что ряды как Севастопольского, так и других подпольных организаций Крымской АССР, были интернациональны. В них были представители всех наций и народностей полуострова, в том числе и татары. Подвигу Севастопольской подпольщицы Наиля Велиевой из группы В. Д. Ревякина, расстрелянной в апреле 1944 года в 21 год, посвящена книга М. Ислямова [42].

С начала 1942 по май 1943 года с оккупантами начала бороться Феодосийская подпольная организация под руководством Н. М. Листовниченко, общей численностью около 20 человек. На первом этапе своей деятельности подпольщики установили связь с партизанами, а в апреле 1942 года с городским лагерем военнопленных. Они освободили из лагеря 55 человек и отправили их к партизанам. Из числа подпольщиков формируется партизанский отряд численностью 60 человек под командованием Полуны [43, лл. 3–3 о].

На втором этапе своей борьбы, подпольщики разворачивают агитационно-пропагандистскую работу среди населения города; разоблачают лиц, сотрудничавших с оккупантами; устраивают участников подполья в оккупационный аппарат; организуют проведение диверсионных операций; собирают и передают партизанам разведанные о гарнизоне и приходящих в порт грузах.

В мае 1943 года, после ареста под деревней Токлы военнопленного Блинчикова, приходившего за продуктами, СД арестовало М.М Листовниченко и с ним трех человек [43, л. 10–11]. Затем последовал арест еще 150 подпольщиков [43, л. 11].

В июле 1942 года в Феодосийском лагере военнопленных также сформировалась своя подпольная организация, которую возглавил лейтенант А. Айрапетов. В состав группы вошел в основном офицерский состав лагеря. В августе ими была установлена связь с городской подпольной организацией Н. М. Листовниченка.

Главными задачами своей деятельности военные подпольщики видели в изучении военных объектов; системы охраны лагеря; создании боевых отрядов, которых было сформировано три по двести человек в каждом; связь с городскими подпольщиками и партизанами для передачи полученной развединформации; организация побегов из лагеря [43, лл. 32, 32 о, 33]. Охрану лагеря осуществляли сначала крымские татары, а с 1942 года – немцы, однако несмотря ни на что, подпольщикам удалось организовать побег около 500 военнопленных [43, л. 38].

В архивных документах имеются некоторые сведения о деятельности ряда Ялтинских подпольных организаций. Согласно им, оставленные для работы С. Никитин, Е. Легостаев, М. Новицкий от организации партийного подполья уклонились [44, л. 1]. В 1942 году в городе создается подпольная организация под руководством А. Казанцева, которого дважды арестовывали в облавах, но затем выпускали.

В ноябре 1943 года он ушел в лес и организовал там 10-й Ялтинский партизанский отряд численностью

до 50 человек из бывших добровольцев немецкой армии и полицейских, часть из которых после освобождения Крыма была разоблачена как немецкие агенты [44, лл. 2–3].

В июне 1943 года в Ялте организуется еще одна подпольная инициативная группа, которую возглавляет А. Мицко. Члены группы занимались агитационно–пропагандистской и диверсионной работой, расклеивали листовки. В группу входило до 16 человек. 8 ноября 1943 года А. Мицко, а затем и другие члены группы, арестовываются СД, а затем расстреливаются [44, л. 2 о.3].

Кроме партийных и комсомольско-молодежных подпольных патриотических организаций, на оккупированной фашистами территории Крымской АССР действовало ряд групп 4–го Управления НКГБ СССР, в том числе группа «Крымчаки», которую возглавлял М. Шуцкий и «Соколы», под руководством майора НКГБ Гиссака Арабаджи (кличка «Серый»).

В состав группы «Крымчаки» входили, кроме руководителя, К. Адашев, Д. Коган, Т. Гайнанов, И. Кондратов. Член этой группы, бывшей житель села Войково Красноперекопского района. И. Кондратов (кличка «Старик») создал на базе села Воинка подпольную патриотическую организацию, которая насчитывала до 70 человек. Группа была разделена на две части: одной, базировавшейся в селе Воинка, руководил И. Кондратов; второй – староста общины бывшего совхоза «Восход» М. Кратько. Члены группы приняли клятву о добровольном вступлении и обязались быть беспощадными к немецким захватчикам и шпионам, все полученные данные передавать НКГБ СССР. Члены подпольной организации собирали разведывательные данные; добыли и передали партизанам около 17 тысяч патронов, до 100 гранат; снабжали их продовольствием и медикаментами, другое. В начале 1944 г. данная организация была разгромлена, ее руководитель и 10 ее членов были расстреляны.

Разведывательно–диверсионная группа «Соколы» действовала в Симферополе и объединила вокруг себя до 60 человек, в том числе 10 сотрудников Крымского драматического театра им. М. Горького. Участники группы «Соколы» в театре возглавил художник театра Барышев Николай Андреевич. В группу входили: Дубкевич Анатолий Иванович, заслуженный артист РСФСР; Добромыслов Дмитрий Константинович, заслуженный артист РСФСР; Ефимова Прасковья Тарасовна, уборщица; Озеров Илья Николаевич, костюмер; Перегонец Александра Федоровна, заслуженная артистка РСФСР; Саватеев Олег, ученик художника; Смоленский Павел Ипполитович, машинист сцены; Яковлева Зоя Павловна, артистка [10, л. 352].

Группа «Соколы» решала те же вопросы, что и другие подпольные патриотические группы, уделяя первостепенное внимание сбору информации разведывательного характера. Группу выдал директор Симферопольской электростанции М. Ящинин, бывший агентом «Абвергруппы–302» и передавший оккупантам списки и фотографии 25 ноября 1943 г. [45, л. 590].

Г. Арабаджи и другие члены группы были арестованы в ночь с 25 на 26 ноября 1943 года. Они прошли все круги ада и были расстреляны. После освобождения Крыма 63 подпольщика были представлены к правительственным наградам (посмертно). Ареста удалось избежать нескольким членам группы, в том числе заместителю командира капитану НКГБ В. Буря.

8 мая 1965 года коллектив Крымского областного театра им. М. Горького на торжественном митинге принял решение ходатайствовать о зачислении навечно в списки работников театра участников подпольной группы «Соколы».

Командир группы «Соколы» Г. Арабаджи на первых же допросах сообщил оккупантам все интересовавшие их сведения, а затем подписал обязательство о сотрудничестве с контрразведывательными органами Германии. В 1944 году он был направлен в Особый офицерский лагерь «Летцен» близ Кенигсберга, дальнейшая его судьба неизвестна.

В газете «Советский Крым» была опубликована статья С. Бугорского «Борьба в застенке», рассказавшая о деятельности жителя Симферополя члена ВЛКСМ С. Батовского, вывезенного на работу в Германию в сентябре 1942 года [46]. С. Батовский, военнопленные майоры Карл Озолин и М. Карденко, ряд других создали «Братское сотрудничество военнопленных» (БСП). Члены этой подпольной организации имели группы на многих военных заводах, расположенных в окрестностях Мюнхена, вели активную диверсионную и вредительскую работу. Организация была разгромлена в январе 1944 года.

После освобождения подсчитали, что выше 150 человек из числа неорганизованных граждан вели борьбу с оккупантами, приближая, вместе с сотнями других граждан, будущую Победу.

В послевоенный период представленные справки о деятельности подпольных патриотических организаций были подвергнуты проверке НКГБ СССР. Проверкой было установлено, что отдельные заявленные группы на практике не существовали. Так, было установлено, что в годы оккупации не существовало молодежной организации, заявленной в Крымский обком ВЛКСМ 22 апреля 1944 года В. Гаршиным. Было установлено, что В. Гаршин, М. Ковалевская и А. Спиридонов в годы оккупации на самом деле работали переводчиками в немецких карательных органах, состояли членами «Национального трудового союза нового поколения» [36, л. 276].

Так же была разоблачена и не существовавшая на практике подпольная патриотическая группа из 6 человек, заявленная главным механиком Симферопольского мельзавода № 1 П. Лазаревым.

Послевоенный анализ выявил следующие основные причины массовых провалов подпольных патриотических организаций как в Крымской АССР, так и на других оккупированных фашистскими захватчиками территориях: игнорирование опыта подпольной работы в годы революции и Гражданской войны; оторванность от масс, прежде всего национальной деревни; грубые просчеты в подборе кадров для подпольной работы, выборе типа организационных структур, форм и методов их деятельности; быстрое продвижение германских войск и неготовность партийных структур к работе в условиях подполья; уничтожение баз и конспиративных квартир в результате массированных бомбардировок; многочисленные случаи коллабора-

ционизма со стороны подпольщиков, их связных, хозяев конспиративных квартир, других советских граждан; нехватка достоверных документов для подпольщиков, продовольствия, денежных средств для ведения работы; четкая организация жесткого идеологического и физического прессинга контрразведывательной деятельности СД, гестапо и других структур фашистской Германии, другие.

Все эти и многие другие причины привели к тому, что до 1943 года большинство патриотических организаций Крыма было уничтожено. После разгрома фашистских войск под Сталинградом, начался новый этап в истории подпольного движения, который ознаменовался перестройкой его работы. К концу 1944 года в Крыму действовало 109 подпольных организаций и групп, которые объединяли 1400 советских патриотов [12, с. 97]. Однако эта перестройка не смогла уберечь подпольщиков от тяжелейших утрат в силу указанных выше причин.

Ряды подполья были интернациональны и в его работе принимало участие немало представителей крымских татар, болгар, греков и других народов, которых в 1944 году огульно депортировали из Крыма. На них компартийное руководство Крымской АССР списало все свои просчеты в партийной работе довоенного периода, когда живая работа с людьми оказалась подмененной чтением лекций и проведением бесед об успехах советской власти.

Следует отдать должное бюро Крымского ОК ВКП(б), которое нашло мужество честно и откровенно рассмотреть вопрос работы областного подпольного центра. Сделано это было 24–25 августа 1943 года, когда бюро заслушало отчеты членов подпольного обкома П. Ямпольского и Р. Мустафаева. В выступлении по их отчету члена бюро Фокина указывалось, что подпольный центр за все время существования не создал ни одной подпольной партийной организации в Крыму, а установил лишь связь с рядом патриотических групп. В качестве основных недостатков в организации подпольной работы были отмечены легковесный подход к вопросу ее ведения и, как следствие, плохая конспирация; оставление на хранение в квартирах руководителей групп оружия, что при облавах вело к неминуемому провалу; покупка отдельными лицами партийного подполья оружия у солдат противника; плохая проверка, чрезвычайная громоздкость патриотических групп; смешивание партийных групп и ГСП, другие [48, л. 1].

Фокин указал, что противник создавал свои подпольные группы с расчетом, что когда придет советская власть в Крым, этим людям будет легче проникнуть в партию, что, как сказано было выше, и имело место. Выступающий подчеркнул, что татарский вопрос выпал из поля зрения областного подпольного центра.

Выступление члена бюро Сейфулаева началось с заявления о том, что П. Ямпольский и Р. Мустафаев не справились с работой, патриотические группы во главе с коммунистами работали несолидно, принимались совершенно случайные люди [48, л. 11–12]. Главным недочетом в татарском вопросе он называл отсутствие компартийной агитации [48, л. 15]. Однако выступающий не проанализировал причины того, что никто из отобранных для подпольной работы к выполнению своих обязанностей не приступил: часть отсиделилась, а часть открыто предала. Его это не возмутило, а вот реальная работа честных советских людей вызвала его недовольство и осуждение тех, кто их принимал в ряды борцов с фашизмом.

Еще более капитулянтской оказалось выступление члена бюро Люцинера, заявившего, что обкомом была оставлена солидная группа коммунистов. И тут же он признается, что ничего не известно о их работе и связи с ними налажено не было [48, л. 18].

В заключительном выступлении первого секретаря ОК Булатова подчеркивалось, что в области партийной работы, созданию подпольной партийной организации дать оценку неудовлетворительно [48, л. 39].

Бюро приняло решение: за безобразный поступок, выразившийся в самовольном выезде из леса, за то, что бросил на произвол судьбы целую сеть партийных групп, снять с работы секретаря ОК Р. Мустафаева [48, л. 40].

Итак, вроде бы правда сказана, но опять же была сказана она не вся, а лишь в той части, где нужно было найти виновного и им стал секретарь ОК Р. Мустафаев. Компартийное лукавство продолжалось. Никто не проанализировал, а что делали компартийные ячейки в деревне, в том числе татарской до войны? Ответ прост: стояли в стороне от практических, жизненных вопросов деревни, занимались, главным образом, вопросами распределения партийной нагрузки, проработкой различных решений и т.п.

На это было указано Крымским компартийным руководителям еще в 1928 году инструктором ЦК ВКП(б) Н. Филатовым при обследовании деятельности организации [49, л. 11]. На заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 1 августа 1928 года указывалось, что Крымская партийное руководство шло мимо основных и коренных вопросов строительства Крыма [49, л. 2 о].

Какие выводы сделало Крымское компартийное руководство с 1928 до 1941 годов? Никаких и, как результат, провал компартийного подполья, перенос всей тяжести борьбы с оккупантами на плечи рядовых, в большинстве беспартийных, граждан Крыма всех национальностей, в том числе и татар.

Каково значение советского подпольного сопротивления в Крыму и его последствия? Сопротивление оккупантам со стороны организованных групп и отдельных граждан подтверждало, что большая их часть осталась преданной советской власти, ее политике. Оно утверждало неизбежность победы над оккупантами несмотря на то, что весь фашистский идеологический аппарат, в том числе устами местных коллаборационистов всех национальностей, утверждал обратное. Действия подпольщиков дезорганизовывали фашистский тыл, не давали возможности в полном объеме работать на фашизм работало около 80% ее довоенного потенциала, др. Последствия подпольного движения были неоднозначны: с одной стороны, они успешно решили указанные выше задачи; с другой – за компартийные просчеты расплатилось большинство этносов, депортированных из Крыма без суда и следствия одним росчерком пера ”вождя и отца народов”.

Глава 4. Этнонациональный фактор в победах и поражениях партизанского движения в Крыму в годы Гражданской войны, оккупации полуострова в 1941–1944 гг.

Начало развертыванию партизанского движения в Крыму положила борьба большевиков за власть в период оккупации полуострова германской армией, а затем войсками Антанты, размещение частей армии А. Деникина, начавшего с Юга поход на Москву для восстановления «единой и неделимой» России, а в конце – войск барона П. Врангеля, как последнего оплота самодержавия. На территории Украины партизанскому движению положила начало оккупация ее земель австро-германскими войсками согласно Брест-Литовского мирного договора с УНР.

4.1 Зарождение и развитие большевистского партизанского движения в Крыму в 1918–1920-м годах и этнонациональный фактор

К ноябрю 1919 года, когда в Крыму только начиналось партизанское движение, украинские большевики имели уже значительный опыт как его организации, так и взаимодействия с отрядами, образованными другими политическими и национально – народными силами, прежде всего с повстанческой армией Н. Махно. Национальное партизанское движение было наиболее характерно для всех губерний Украины, оккупированных австро-германскими войсками. По ходу их в конце ноября 1918 года украинское партизанское движение раскололось на три части: одна присоединилась в армии С. Петлюры, другая – к большевикам, третья осталась «партизанить», воюя как с «белыми», «красными», так и с петлюровцами.

Крымским партизанам пришлось вести боевые действия против нескольких военно-политических сил: во-первых, германских оккупационных частей, войск А.Деникина, а впоследствии П. Врангеля; во-вторых, оккупационных войск Антанты; в-третьих, отрядов краевого правительства С. Крыма; в-четвертых, отрядов стражников, которых нанимали местные крупные помещики для охраны своих владений. Партизанское движение времен германской оккупации не имело такого организованного характера, как это было в Украине.

Один из первых крымских партизанских отрядов был организован группой большевиков – подпольщиков из 10 человек в декабре 1919 года и действовал до прихода Красной Армии в апреле 1919 года. Он получил название Первый Карасубазарский отряд. В этот же период в Петровских и Карантинных каменоломнях Керченского полуострова начали действовать партизанские отряды, созданные по инициативе и под руководством Керченского подпольного большевистского комитета [1, с. 137]. Во второй половине февраля 1919 года белогвардейцы предприняли наступление на Аджимушкайские и Карантинские каменоломни, но партизаны отошли в их глубь. В феврале в Старокарантинских каменоломнях формируется третий партизанский отряд из крестьян окрестных селений, моряков и рабочих Керчи.

Партизанские отряды пытались выбить белогвардейцев из города, ведя бои с белогвардейцами в районе Брянского металлургического завода и Царского Кургана. Однако оказать существенной помощи наступающими частями Красной Армии они не смогли, т.к. части белой армии получили поддержку от англичан и французов, которые вели огонь из корабельных орудий. Белая армия удержалась на Ак-Монайских позициях и не допустила захвата большевиками Керчи.

Наиболее активная часть партизанского движения была сформирована в Евпаторийском уезде по инициативе подпольного большевистского комитета в Мамайских каменоломнях. Отряд получил название «Красная каска» и его возглавил рабочий – коммунист И. Петриченко [1, с. 137]. Уже в начале января 1919 года отряд напал на имение Шилимана и выбил оттуда конвойскую команду [2, л. 1]. В осведомительной телеграмме белогвардейской контрразведки сообщалось о нападении партизан на Евпаторию с целью её захвата. В отряде насчитывалось свыше 200 человек, вооруженных винтовками [3, с. 150]. Для уничтожения партизан союзники отправили отряд солдат из 200 солдат, 100 стражников из Симферополя и французский миноносец из Севастополя, которые блокируют партизан в каменоломнях [2, лл. 6–7]. Однако уже 10 января партизаны напали на экономию «Димерджи», забрали лошадей, оружие, гранаты, и патроны [4, с. 70].

Во второй половине января 1919 года к партизанам Мамайских каменоломен прибыло подкрепление из Байдар. Пополненный отряд сделал вылазку и напал на деревню Агай [6, л.139]. 21–22 января партизаны, вышедшие из каменоломен на прорыв блокады, были расстреляны из пулеметов, 117 человек погибло. Командир отряда «Красная каска» И. Петриченко тяжело раненным был взят в плен и от зверских пыток умер [4, с.73] Уцелевшие партизаны вышли в район Симферополя, где пытались организовать отряд из крестьян деревень Саблы, Курцы, Зуя и Мазанка [3, с. 163].

Развертывалось партизанское движение в Симферопольском уезде, где многие жители деревень Саблы, Кильбурун, Давыдовские хутора ушли в партизанский отряд. Для их ликвидации белые направили карательный отряд [5, с. 68].

Подводя итоги данного этапа партизанского движения в Крыму, следует отметить, что оно было локально, не имело широкого размаха в силу отсутствия должного опыта, слабости центрального большевистского руководства. Однако полученный боевой опыт позволил более эффективно использовать партизанское движение в период с июня 1919 по ноябрь 1920 года, когда оно стало мощным и ускорившим освобождение Крыма от остатков белого движения.

В обстановке нового наступления белых войск, когда полуостров стал их главной базой и последним

оплотом, вопрос руководства партизанским движением в Крыму по указанию ЦК РКП (б) был передан партийной организации большевиков Украины. В конце декабря 1919 года в горах Крыма стали активно формироваться партизанские отряды как ответная мера на усиление репрессий со стороны Добровольческой армии.

Одним из первых возник Альминский партизанский отряд под командованием П. Шкурина [1, с. 215]. Партизаны этого отряда пытались взорвать 25 февраля, а затем 10 марта 1920 года мост через реку Альма, однако им удалось только повредить рельсы [7, л. 1]. В конце февраля – начале марта возникают партизанские отряды в районе Феодосии и Карасубазара. По решению подпольного обкома создается Тавельский партизанский отряд [1, с. 215]. В мае в окрестностях Севастополя начал формироваться партизанский отряд, который впоследствии преобразуется в 3-ий Симферопольский повстанческий полк.

Стремясь обеспечить единое руководство партизанским движением, по решению Коктебельской подпольной конференции большевиков создается штаб Крымской повстанческой армии красных партизан во главе с секретарем обкома РКП(б) С. Бабаханом [1, с.242]. Штаб начинает налаживать связь с отрядами, стремясь обеспечить их скоординированные боевые действия против белых войск. Усилению партизанского движения способствовало решение Крымского подпольного военно-революционного комитета о проведении мобилизации в партизанские отряды и красные полки для борьбы с П. Врангелем, оглашенное его приказом в начале июля 1920г. [8, с. 146].

Оценивая состояние партизанского движения в Крыму, С. Бабахан в своих воспоминаниях писал: «До начала 1920 года «зеленые» представляли из себя мелкие, разрозненные, не связанные между собою отряды и группы (от 5 до 30–40 человек), которые можно разделить на: 1) зеленых бандитов, занимающихся грабежами; 2) зелено-мирно-настроенных или так называемых «вечно-зеленых», которые, главным образом, скрывались от мобилизации (таких было огромное количество) 3) зеленых-большевиков, стоящих за активную борьбу с добровольцами (таковых было меньшинство). Почти все они были скверно вооружены и скрывались в горах Крыма, но большей частью ютились близ деревень и особенно себя не проявляли» [9, с. 3].

21 июля 1920 года в Харькове на заседании коллегии закордонного отдела ЦК КП(б)У по докладу о работе в Крыму принято постановление о назначении командующим повстанческими силами Крыма А. Мокроусова [10, л. 10]. В помощь ему было выделено 11 бывших красногвардейцев-севастопольцев. В ночь на 17 августа группа во главе с А. Мокроусовым высадилась с катера вблизи деревни Капсихор [11, сс. 31–34].

24 августа приступивший к командованию Крымской повстанческой армией А. Мокроусов издал приказ о реорганизации партизанских отрядов в полки, хотя они и насчитывали до 100 человек каждый, но это в определенной мере дезориентировало командование белых войск [5, с. 271]. На данном этапе ведение боевых действий партизан направлялось на разгром гарнизонов белых войск с целью пополнения запасов оружия, боеприпасов и продовольствия, создания нервной для тылов врага обстановки, получения необходимых денежных средств.

В своем донесении в Реввоенсовет от 10 сентября 1920 года А. Мокроусов написал: «Принял командование над четырьмя отрядами численностью 120 человек. Отряды никакой активности не проявляют, а занимаются исключительно добыванием средств к существованию путем отбирания денег у проезжих» [11, с. 121–122]. Приняв командование красно-партизанским движением, А. Мокроусов перестроил и активизировал боевую активность отрядов, что создавало первозную напряженность в тылу у врангелевцев, приковывало к себе значительные силы, снимаемые с фронта.

В своих воспоминаниях А. Мокроусов так говорил о состоянии партизанских отрядов, которыми до этого командовал С. Бабахан: «Работы никакой не велось. Первым делом я отдал приказ о формировании Крымской повстанческой армии. В этом приказе Крымские леса были разбиты на три района: Симферопольский, Карасубазарский и Феодосийский» [12, с. 30–31]. Его поддерживает П. Н. Надинский, писавший: «Бабахан, будучи командующим партизанским движением, как он сам себя именовал, проявлял бездеятельность. Возглавляемый им штаб не руководил партизанским движением» [1, с.245]. В целом, П.Н.Надинский негативно оценивал деятельность крымских коммунистов в годы Гражданской войны, в том числе и Ю.Гавена, других, особенно в 1930–е гг., когда пошла борьба с «врагами народа». В их число он включил Ю. Гавена, С. Бабахана и многих других.

31 августа 1920 года третий партизанский полк над командованием А. Мокроусова произвел нападение на Бешуйские угольные копи, являвшиеся для врангелевцев единственным источником топлива, поскольку Донбасс находился в руках большевиков (ночью партизаны напали на охрану и обратили ее в бегство). Найдя на шахте 50 пудов динамита партизаны взорвали ее.

Штаб партизанского движения издал и широко распространил среди населения приказ о запрещении лесных заготовок для нужд белой армии. Взрыв на бешуйских коях и запрет для населения лесозаготовок встревожил командование врангелевцев. На «прочесывание» лесов с целью уничтожения партизан были направлены крупные воинские части, но партизаны совершили маневр в восточный район и ушли из-под удара.

Большой переполюх у белого командования вызвал внезапный захват партизанами в начале сентября Судака. Захватив город, партизаны вывели из строя телеграф и телефонную станцию, захватили значительное количество обмундирования, оружия, боеприпасов и продовольствия. Врангель приказал снять с фронта вторую конную дивизию и форсированным маршем направить ее на Судак, но партизан там уже не было.

Усиление партизанского движения оказало большое влияние на сельское население Крыма, в том числе и татарское. Крестьяне еще упорнее стали уклоняться от призыва в белую армию, от поставок продовольствия и скота.

По мере ослабления влияния “белого”, росло влияние и численность партизанского движения Крыма. Этому способствовали все новые и новые их рейды по тылам противника как по всему горному району, так и с выходом в степную часть полуострова.

С принятием в начале октября 1920 года командующим Южным фронтом М. Фрунзе решения о начале активных боевых действий против врангелевцев, партизаны стали переносить центр тяжести в своих боевых операциях на захват отдельных участков стратегических дорожных коммуникаций Крыма. В начале октября партизаны 2-го Карасубазарского полка устроили засаду на шоссе Старый Крым – Судак и разбили в бою два белогвардейских отряда, потерявших 25 человек убитыми и много ранеными. Партизаны пополнили свои запасы оружия и боеприпасов [13, л. 73].

Другой новой формой партизанской борьбы стало совершение рейдов по тылам противников с целью дезорганизации их деятельности. Так, в 20-х числах октября 1-й конный Крымский повстанческий полк начал рейд по Симферопольскому уезду. 21 октября он захватил деревню Тарнаир, расстреляв захваченных в плен врангелевских офицеров. Солдаты врага перешли на сторону партизан. С 20 октября по 3-е ноября полк освободил татарские деревни Ускут, Туак, Кучук–Узень. Никаких противоречий у партизан с местным населением не возникало [13, лл. 73–74].

26 октября 1920 года М. Фрунзе подписал приказ о начале наступления на Крымский полуостров, а уже 31 октября 2-ой Карасубазарский партизанский полк начал рейд по тылам противника. Партизаны разгоняли мелкие гарнизоны врангелевцев, вступали в стычки с их отрядами. 3 ноября 3-й Симферопольский полк начал операцию по уничтожению заготовленных противником лесоматериалов для железной дороги и телефонной связи [13, л. 74]. В ходе боевых действий численность партизанских отрядов возросла с 400–500 до 3 тысяч человек [14, с.52]. Партизаны активно вели боевые действия на узловых дорожных магистралях, дезорганизуя отступающие белые части, их тылы.

В послевоенной советской историографии второй половины 1920х–начала 1930х годов, а затем в работе П. Н. Надинского [1], столкнулись две основные точки зрения на личный вклад в организацию партизанского движения в Крыму в годы Гражданской войны: авторы первой (С. Бабахан, Ю. Гавен) считали, что большевистское подполье создало достаточно крепкий фундамент советского партизанского движения на полуострове; другие (А. Мокроусов, П. Надинский), не обвиняя на прямую руководства Крымского подполья в слабости работы по организации сопротивления белому движению, прямо заявляли о бездеятельности С. Бабахана как командующего.

Такой подход был характерен для большевистских историографов того времени, когда не делая анализа военно–политической и социально–экономической обстановки, вырабатывались выводы о вкладе того или иного руководителя. Анализ показывает, что до начала активных боевых действий Красной Армии на фронте, не было никаких военных предпосылок для развертывания партизанского движения в тылу белого движения. Это еще раз в 1943–44 годы подтвердило развертывание партизанского движения в Крыму, когда практически с нуля (будучи фактически уничтоженным), оно развернулось до мощной военно–политической силы, оказавшей значительное влияние на дезорганизацию отступающих фашистских войск.

Оценивая значимость красно–партизанского движения в белом тылу, можно так оценить его вклад в борьбу за победу советской власти в Крыму: 1) создавало напряженность в работе тыловых учреждений; 2) приковывало к себе значительные силы противника, столь необходимые на фронте в условиях обострения военно–стратегической ситуации; 3) несло уверенность в победу в рядах тех, кто сочувствовал советской власти и ждал от ее прихода решения своих коренных проблем, прежде всего вопроса о земле, и неуверенность, панику в рядах тех, кто стоял на позициях белого движения; 4) ряды белого движения активно покидали те, кто в начале или добровольно, или по мобилизации оказался в рядах белой армии. Все это ослабляло белое движение и приближало его поражение, несмотря на мощную военно–политическую и экономическую поддержку Антанты.

По окончании Гражданской войны высшее руководство РККА правильно оценило роль и значение партизанского движения в тылу противника. Исходя из сделанных военно–политических выводов, в послевоенный период осуществлялась подготовка кадров специалистов по ведению партизанской войны. Они направлялись и успешно работали в регионах, где шла партизанская война за национальное освобождение. Однако в канун Второй Мировой войны, когда в СССР принимается новая военная доктрина, предусматривавшая ведение боевых действий на территории противника, эта работа была свернута, большинство специалистов уничтожено как «враги народа». Последствия этого, как и многих других шагов в военном строительстве, были трагичны, привели к многомиллионным потерям советских людей, веривших в мудрость компартийной политики, ее верность и своевременность. Столь же трагичны были эти последствия для крымских партизан, особенно в 1941–1942 годах.

4.2. Влияние этнонационального фактора на победы и поражения партизанского движения в Крыму в 1941–1944 годах

Проблема партизанского движения на оккупированной территории Крымской АССР в 1941–1944 годы не имеет сегодня однозначной оценки, противоречива, не находит своего полного и объективного рассмотрения, хотя именно его поражение стало одной из причин массовых депортаций 1944 года, преобразования Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР. Исключением является работа Г.Б. Мельничука, ряда других [15].

Ранее, в 1950–1980-е годы, вышло много воспоминаний организаторов и участников партизанского движения в Крыму (Б. Борисова, И. Вергасова, Н. Лугового, М. Македонского и других). В них нашли отражение боевые действия отдельных партизанских отрядов, героизм и мужество, проявленные его участниками. Однако в этой литературе не был и не мог быть сделан анализ причин и последствий, заставивших крымских партизан пережить величайшие испытания, познать горечь поражения.

Развертывание партизанского движения в Крыму, как и на всей оккупированной в годы Великой Отечественной войны территории Союза ССР, осуществлялось в соответствии с директивой СНК СССР и ЦК ВКП (б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков от 29 июня 1941 года [16, с. 17–19]; постановлением ЦК ВКП (б) «Об организации борьбы в тылу германских войск» от 18 июля 1941 года [16, с. 23–24]; речью по радио И.В. Сталина 3 июля 1941 года, другими решениями.

Во всех этих документах ставились задачи в занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии. Главными из них определялось создание невыносимых условий для германских интервентов; дезорганизация связи, транспорта; срыв проведения всех их мероприятий; уничтожение захватчиков и их пособников; развитие сети подпольных организаций. Ответственность за выполнение всех этих мероприятий возлагалась лично на первых секретарей партийных организаций.

Анализ источников и литературы позволяет сегодня открыть первые страницы истинного смысла некоторых событий, происходивших в суровые годы Великой Отечественной войны. Первой из них возможно считать личную ответственность партийно–государственного руководства Крымской АССР за провал в организации советского сопротивления немецко–румынским оккупантам. Указанные выше директивы ЦК ВКП (б) не были восприняты ими как программа практических действий, прежде всего на подготовительном этапе, до оккупации территории крымской автономии. Именно в этот период были заложены основы будущих поражений. Постановления ЦК ВКП (б) не были рассмотрены ни пленумом, ни даже бюро Крымского ОК ВКП (б). Работа по их выполнению проводилась кулуарно, на уровне индивидуальных бесед и постановки задач секретарям районных комитетов партии первым секретарем В.С. Булатовым. В стороне от практической деятельности по организации подпольно–партизанского движения оказались государственные и хозяйственные руководители автономии. Это было обусловлено отсутствием в СССР в предвоенные годы официальной практической доктрины ведения народными массами «малой войны» в условиях временной оккупации части территории страны. Низкий уровень организаторской работы, вернее её практическое отсутствие, безответственность руководителей автономии стали одним из определяющих факторов будущих поражений, страданий, гибели сотен и тысяч советских патриотов.

На основе изученных источников и литературы, автор считает, что в истории крымского партизанского движения возможно выделить следующие основные периоды:

1-й: июль–октябрь 1941 года, когда шел процесс формирования добровольческих партизанских отрядов; создания материальной базы движения;

2-й: ноябрь 1941 – лето 1942 годов, когда партизанское движение содействовало обороне г. Севастополя;

3-й: осень 1942 – весна 1943 годов, когда крымское партизанское движение фактически было подавлено целенаправленной деятельностью оккупантов;

4-й: лето 1943 – апрель 1944 годов, когда удалось возродить партизанское движение, вдохнуть в него новые силы и обеспечить его активное участие в освобождении территории Крымской АССР.

Крымский штаб партизанского движения (КШПД) был создан только в октябре 1941 года, когда региону уже грозила реальная опасность оккупации. Это можно объяснить, во-первых, боязнью партийного руководства автономии быть обвиненным в паникерстве; во-вторых, отсутствием личной ответственности и инициативы в выполнении требований партийных и государственных документов, другими причинами.

Первый период характеризовался организационным оформлением партизанских отрядов, ответственность за который Крымский ОК ВКП (б) возложил на А.В. Мокроусова, И.Г. Генова, Н.Д. Смирнова, секретарей районных партийных организаций и руководителей НКВД районов. На данном этапе были допущены такие основополагающие просчеты, как игнорирование опыта организации партизанского движения в период Гражданской войны; уничтожение в ходе репрессий конца 1930-х гг. лиц, имеющих профессиональную партизанскую выучку; грубые просчеты партийных органов, руководителей НКВД в подборе кадров, как рядового, так и командно-политического состава отрядов; безответственность партийно-государственных работников, сотрудников военных комиссариатов и НКВД в боевом слаживании личного состава; острая нехватка оружия и боеприпасов; незнание идеологических настроений населения, прежде всего из числа татар, национальных меньшинств; игнорирование выводов из опыта Ускупского восстания 1930 года, другие.

Партизанские отряды формировались во всех 26-ти районах автономии и носили их названия. Специально выделенные райкомами партий и командованием отрядов лица, не прошедшие должной проверки, закладывали для своих подразделений по несколько продовольственных баз. Однако к моменту захвата оккупантами Крыма, значительная часть запасов так и не была укрыта в глубинных лесных базах, часть продовольствия находилась на перевалочных базах, в предгорных селениях, что на втором и последующих этапах привело к тяжелейшим последствиям.

Организационно, партизанское движение было разделено на 5 районов: 1-й: Феодосия – Старый Крым; 2-й: Карасубазар – Ускут; 3-й: Алушта – Ялта; 4-й: Балаклава; 5-й – окрестности Севастополя. Каждый отряд имел от 3-х до 7-ми партизанских отрядов [17, л. 15].

В районе Керчи было сформировано два отряда – им. В. И. Ленина в Аджи – мушкайских катакомбах, численностью 60 человек, в Старо-Карантинских катакомбах, численностью 97 человек. Они действовали с 6–7 ноября 1941 года и были расформированы при первом освобождении Керчи 31 декабря 1941 года [18, лл. 2–3].

Приказом Командующего войсками Крыма №16 от 15 июля 1941 года генерал – лейтенанта Батова подполковник А.В. Мокроусов был назначен командующим народным ополчением Крыма. Создание данных формирований осуществлялось в соответствии с директивой Крымского ОК ВКП (б) от 7 июля 1941г. Однако процесс этот шел формально, боевое слаживание в большинстве районов не проводилось, хотя районные военные комиссариаты и партийные организации докладывали о тысячах добровольцев, объединенных в роты и батальоны. Об этом говорилось в приказе А.В. Мокроусова от 9 августа 1941 года, где указывалось, что в Зуйском, Маяк-Салыньском, Ак-Шейхском, Карасубазарском районах формирование только началось, а во многих районах еще не закончено. Как и ранее, желаемое выдавалось за действительное.

В этот период был допущен ряд стратегических ошибок и просчетов, вызванных халатностью, безответственностью как партийно-государственный руководитель республики и ее районов, так и исполнителей, что носило как объективный, так и субъективный характер. К первым следует отнести исключительно короткий срок, выделенный для создания баз партизанского движения, прежде всего продовольственных, который был усугублен проволочками в решении вопроса оплаты за изымаемые продукты. Ко вторым относятся поручение закладки продовольственных баз непроверенным людям, отдельные из которых сдали их в последующем оккупантам; недобросовестное отношение к закладке баз, размещение без гидроизоляции вблизи населенных пунктов без соответствующей маскировки, что дало возможность в ноябре-декабре 1941 года обнаружить многие из них с воздуха и вывести как своими силами, так и силами местного населения. Это позволило оккупантам сразу же решить две задачи: первую и немаловажную – политическую, заставив местное предгорное население, большинство которого состояло из татар, пойти на невольное сотрудничество; вторую – военную, лишив партизан значительной части запасов продовольствия, что привело к голоду зимой 1941/1942 гг., утрате боеспособности и страшной гибели многих партизан.

Наиболее ярко просчеты данного периода видны на примере создания Севастопольского партизанского отряда, который был сформирован в июле-августе 1941 года численностью в 215 человек. Позднее он был пополнен еще 300 военнослужащими Севастопольского укрепрайона. В отряд входило 7 групп численностью от 30 до 60 человек в каждой. Он базировался в районе Алсу. Каждая группа имела свою базу [19, л. 41].

Командиром данного партизанского отряда был утвержден директор совхоза им. С. Перовской В.В.Красников. Начальником штаба назначили председателя ревизионной комиссии горкома ВКП (б) Иваненко; заместителем по хозяйственной части – директора общественного питания города Ибраимова. Уже в начале боевой деятельности отряда Иваненко и Ибраимов изменили, за что и были расстреляны [19, лл. 41,92].

На вооружении отряд имел 250 учебных винтовок, часть из которых была не пригодна для стрельбы, 5 пулеметов, 5 минометов и 20 ящиков мин, т.е. он был практически небоеспособен [7].

31 октября 1941 года командующий партизанским движением в Крыму А.В. Мокроусов издал приказ №1, который требовал усиления темпов завоза оружия, боеприпасов, продовольствия и медикаментов; обучать бойцов действиям в условиях гор и лесов, действовать на коммуникациях к Севастополю. Однако эти задачи были во многом не выполнены. С этого момента связь командующего с отрядами была фактически утрачена.

С ноября 1941 года начинается второй период в истории крымского партизанского движения. Как писал в своих воспоминаниях Эрих фон Манштейн, партизанское движение в Крыму готовилось заранее. В недоступных горах Яйлы партизаны имели убежища и подготовленные склады продовольствия и боеприпасов, к которым было трудно подступиться. Базируясь на них, они пытались блокировать немногочисленные дороги [6, с. 262].

В результате всей проведенной работы, на 10–20 ноября 1941 года в партизанские отряды вступило 3250 человек, в т. ч. до 1280 военнослужащих из числа отступающих частей РККА [18, л. 3]. Штаб А. В. Мокроусова с ноября 1941 по февраль 1942 годов базировался в лесах Крымского государственного заповедника/гора Черная, у Чатыр-Дага/ в третьем партизанском районе. При его размещении было допущено две стратегические ошибки: 1 – объективного характера, вызванная нехваткой средств радиосвязи для управления отрядами, малым радиусом их действия; вторая – субъективного характера, когда не было заранее определена система наземной связи между отрядами с соответствующей структурой связных, паролей, конспиративных квартир и т. д.

Рассмотренные и другие недостатки и упущения в немалой степени предопределили поражения партизанского движения Крыма уже в его начальный период, необходимость героическими усилиями преодолеть

вать просчеты руководства. Перед партизанскими отрядами Крыма были поставлены задачи: нанесение ударов по ближайшим тылам противника, прежде всего по дорожным коммуникациям; ведение разведки и изучение настроений населения; вывод из окружения подразделений 51-й Армии; выявление и уничтожение немецких разведчиков; подрывная работа; выявление и уничтожение предателей; отражение наступлений на лагеря вражеских частей и подразделений, другие.

Говоря об одной из проблем этого этапа, комиссар партизанского движения Крыма С.В. Мартынов отмечал, что все татары из партизанских отрядов исчезли. Из созданных в Крыму 36 партизанских отрядов общей численностью 3800–4500 бойцов в первые две недели оккупации было утрачено 12 отрядов общей численностью около 1000 человек с запасами оружия, боеприпасов и продовольствия. Эти отряды в полном составе дезертировали во главе с их командованием [21, с. 387].

В первые дни ноября 1941 года были разгромлены продовольственные базы 2-го, 4-го и 5-го районов. В январе 1942 года их потеряли отряды 1 района [17, л. 16]. Главными причинами этих неудач стала большая концентрация войск противника; умелые действия СД, гестапо и румынской сигуранцы; нехватка естественных укреплений (горной и лесной местности), размещение в прифронтовой зоне с большим скоплением вражеских войск, др.

Уже с ноября 1941 года немецко-румынское командование начало борьбу с партизанами. 19 ноября ими была проведена первая карательная операция. В конце ноября 1941 г. для борьбы с крымскими партизанами оккупантами создается штаб во главе с майором Стефанусом, который разработал специальную инструкцию «Принципы борьбы с партизанами».

С 1 ноября 1941 года силами до 1200 человек фашисты напали на Севастопольский и Ак-Мечетский партизанские отряды, а 15 ноября 1942 года на партизанскую базу Севастопольского отряда. Фашистов повели старосты села Скелы и бежавший из Балаклавского отряда пулеметчик. После 2-х часового боя отряды отошли вглубь леса [19, л. 54]. 10 февраля 1942 года структура 5-го района была реорганизована: Севастопольский, Балаклавский и Ак-Мечетский отряды слили и их командиром назначили И.З.Вергасова. В апреле 1942 года 5-й район, в виду малочисленности, был упразднен, а его отряды влили в 3-й и 4-й районы [9, л. 58].

Кроме потери 12 отрядов, из партизанских формирований дезертировали еще более 1 тысячи человек. Потери удалось восполнить за счет 1330 бойцов и командиров 51-й Армии, которые выходили из окружения. Но, несмотря на все трагические потери, за этот период партизаны Крыма уничтожили более 10 тысяч вражеских солдат и офицеров, свыше 1300 автомашин, взорвали более 80 мостов, уничтожили свыше 20 километров телефонно-телеграфных линий [18, л. 17].

Коллаборационизм части населения, другие причины привели к утрате большинства продовольственных баз крымских партизан. Так Костан Аблязис, закладывавший продовольственную базу Алуштинского партизанского отряда, 26 ноября 1941 года дезертировал и указал фашистам место ее расположения. С продовольственной базы Ак–Шейхского партизанского отряда татарское население угнало 1200 голов овец и разграбило его продукты [21, лл. 10–11].

В декабре 1941 года фашистское командование приступило к организации Мусульманских комитетов в городах и районных центрах Крыма, которые подчинялись СД [21, л. 14], а также отрядов самообороны для борьбы с партизанами. В селе Корбики под Алуштой из 100 мобилизованных в Красную Армию, домой вернулось, дезертировав, 99 человек, которые тут же вступили в отряды самообороны [22, лл. 100–101]. Аналогичная картина складывалась и в других предгорных и Южнобережных татарских деревнях, что позволило оккупантам не только блокировать партизан в лесных массивах без продовольствия, но и вести против них успешные карательные операции. В деревне Коуш к апрелю 1942 года насчитывалось 345 человек добровольцев [23, л. 65]; 130 человек насчитывал отряд самообороны деревни Ускут, 100 человек – деревни Туак, 80 человек – деревни Кучук – Узень [23, л. 57].

Несмотря ни на какие утраты, партизанское движение в Крыму продолжало вести как военную борьбу, так и политическую работу среди населения, за исключением татарских деревень. 24 января 1942 года вышел первый номер газеты «Крымский партизан» объемом ¼ печатного листа, освещавший задачи партизанской борьбы, события на фронтах, подвиги партизан. Газета была распространена среди партизан и местного населения [23, л. 13].

К концу второго периода в рядах партизан Крыма осталось 2125 человек [24, л. 111]. Главными их проблемами являлись, во-первых, острая нехватка продовольствия; во-вторых, отсутствие централизованного управления со стороны А. В. Макроусова из-за отсутствия системы связи; в-третьих, получение указаний из 5-ти вышестоящих инстанций, другие.

После падения Керчи и Севастополя, в июне 1942 года начинается 3-й, самый трагический период в истории крымского партизанского движения. 12 июля 1942 года немцы начали генеральное прочесывание леса, нанеся первый удар по отрядам 3-го района. Партизаны маневрировали и ушли из-под удара. 24 июля фашисты окружили 2-й партизанский район, но его отряды продержались до ночи и, потеряв до 50 человек, вышли из боя. Противник потерял около 100 человек убитыми и ранеными, а 25 июля, после ухода партизан, вёл бой между собой [24, л. 19].

1 августа 1942 года фашисты начали осаду 1-го района. Командир отряда М. Чуб отдал возможно ошибочный приказ выходить из боя мелкими группами. Потеряв свыше 100 человек убитыми и пропавшими без вести, отряды района оказались рассеянными и небоеспособными, хотя впоследствии этот факт оспаривался.

С июля 1942г. партизанские отряды вступили в полосу голода и совершенно прекратили боевую деятельность. Для того, чтобы хоть как-то облегчить положение, было решено направить в степную часть око-

ло 300 человек. На 10 октября 1942 года в партизанских отрядах Крыма осталось 700 человек, из них 250–300 человек были больны и истощены [24, л. 111].

Единственной связывающей нитью стали воздушные мосты. С 8 сентября 1942 года было совершено до 100 посадок самолетов У–2 и С–2, шесть посадок тяжелых самолетов ТБ-3 и «Дуглас». Ими и подводными лодками Черноморского флота было эвакуировано на Большую землю до 450 человек [325, лл. 22–24]. С воздуха было сброшено 236 парашютов с продовольствием, из которых найдено – 126.

Понесенные невосполнимые в то время потери, заставили КШПД провести реорганизационные изменения в штатной структуре партизанских отрядов. Его приказом №35 от 9 марта 1942 года объединяются Колайский и Ичкинский, Ялтинский и Ак-Мечетский отряды [26, л. 55]. По этой же причине ликвидируется 4–й партизанский район, а его отряды передаются под командование третьего района согласно приказу № 63 от 20 июня 1942 года [26, л. 56].

В этих условиях, 6 июля 1942 года, согласно приказу С. М. Буденного, командующий отрядами крымских партизан А. В. Макроусов был вызван на доклад. Исполняющим обязанности командующего был назначен полковник М. Т. Лобов [26, лл. 58–59]. На 25 октября 1942 года в Крыму осталось 432 партизана [26, л. 68]. Положение на фронтах было катастрофическое. Как в военном, так и в материально – техническом отношении помочь партизанам Большая Земля не могла.

Зима 1942/1943 годов для крымских партизан стала еще более тяжелой, чем предыдущая. Татары создали 18 добровольческих батальонов, личный состав которых отлично знал местность и помог немецко-румынским оккупантам заблокировать партизан в горах без продовольствия и медикаментов. Партизанское движение оказалось на грани уничтожения. Их оставалось зимой 266 человек, а к лету 1943 года – 227 человек [13, л. 11]. Трехмесячная зимняя голодовка привела к тому, что в отрядах имели место неединичные случаи людоедства.

С лета 1943 года начинается последний, 4-й период в истории боевых действий партизан Крыма. В июле изменяется организационная структура движения. В регионе создается 3 соединения: Северное (командир П.Р. Ямпольский, комиссар А.Д. Луговой); Восточное (командир В.С. Кузнецов, комиссар М. Мустафев); Южное (командир М.А. Македонский, комиссар М. Селимов). [18, л. 59].

В условиях значительного увеличения возможностей Большой Земли, крымские партизаны стали с лета 1943 года получать значительное количество оружия, боеприпасов, продовольствия и медикаментов. К 30 июля 1943 года, для обеспечения оперативного руководства отрядами, штаб получил 6 радиостанций «Север» и одну радиостанцию «Белка» [28, л. 16.]. 7 июня 1943 года немецко-румынские гарнизоны из Севастополя, Балаклавы, Бахчисарая, Феодосии, и других городов Крыма были отправлены на фронт. Их место заняли 8 батальонов по 450–650 человек из числа бывших советских военнопленных, добровольцев – мусульман Кавказа и Крыма, а также чехословацкой дивизии «Рыхло», снятой с фронта по причине неблагонадежности [28, л. 38]. Эти подразделения не особо проявляли активность в борьбе с партизанами, а отдельные из военнослужащих даже помогали им. 5 ноября 1943г. из числа перешедших на сторону партизан добровольцев – грузин численностью 85 человек, создается отдельный партизанский отряд (командир Ильясов, комиссар Чачхиани) [28, л. 73]. К концу ноября 1943 года создается 24 новых партизанских отряда, из которых формируется 5 бригад общей численностью 3410 человек [28, л. 75]. Для руководства этими соединениями образуется Центральная оперативная группа (ЦОГ) с задачами координации боевой деятельностью партизан, организации войсковой разведки, формирования новых партизанских отрядов, учета личного состава, вооружения и трофейного имущества, др. [28, лл. 75–76].

В новых военно-политических условиях изменяется тактика боевых действий партизан в сторону акцентирования внимания на проведение засад на дорогах, диверсионных операций, минирование дорог, ведение разведки, создание групп советских патриотов в населенных пунктах, ведение боев с добровольцами, другое. В декабре 1943 года по приказу КШПД проверяется вся деятельность 4–й партизанской бригады (командир М. А. Македонский, начальник штаба К. К. Чусси, комиссар М. Семенов). Проверкой было установлено, что бригада имеет 10 отрядов, большая часть которых сформирована в ноябре 1943 года общей численностью 1670 человек, из которых старых партизан – 70, прибывших из местного населения – 1156, из добровольческих отрядов – 226, из войск противника – 218 человек. Комиссия установила, что с командованием не справляются Кражевной (1–й отряд), Гвоздев (7–й отряд), Аширов (8–й отряд); из десяти начальников штабов лишь трое знают штабную работу и успешно с ней справляются; партийно-политическая работа с личным составом идет самотеком. По результатам работы комиссии принимается решение создать на базе бригады три новых бригады с организацией партизанского соединения. В январе 1944 года на базе 4–й бригады формируется Южное соединение партизан Крыма [28, лл. 79–84].

Боевой опыт показал, что ЦОГ с поставленными задачами боевого управления не справляется и приказом КШПД № 09 от 29 января 1944 года он ликвидируется [28, л. 85]. Децентрализация управления продолжается и вскоре в Зуйских лесах на базе 1–й бригады создается Северное соединение в составе 2–го, 3–го и 4–го отрядов общей численностью до 2000 человек / командир Н. Д. Луговой, комиссар ст. лейтенант М. Ч. Егоров, начальник штаба Н. К. Котельников/, преобразованное вскоре в соединение из 3–х бригад / командир П. Р. Ямпольский, комиссар Н. Д. Луговой, начальник штаба капитан Н. Ф. Москалев /. При штабе соединения находилась оперативная группа НКГБ под командованием подполковника М. П. Колодяжного, группа московского «Смерша» под командованием майра Н. К. Серова, ряд других специальных групп [28, лл. 87–88].

Вскоре создается и третье – Восточное партизанское соединение на базе автономного 5-го партизанского отряда, дислоцируемого в районе Феодосии. В его состав вошла 3–я бригада, организованная 3-го ноября 1943 года численностью 500 человек, размещенная в Старо-Крымских лесах и 2–я бригада, попавшая под

большое прочесывание в период с 16 по 23 января 1944 года, потерявшая 45 человек убитыми и 37 человек пропавшими без вести. Часть партизан бригады сдалась румынам и в период с 12-го по 20 апреля 1944 года была расформирована. В октябре-ноябре 1943г. формируется 5-я партизанская бригада численность на 1 декабря 1943 года 1032 человека.

Всего с начала Великой Отечественной войны и на день освобождения 20 апреля 1944 года партизанами числилось 11696 человек, из них вступило в партизаны в 1941 году – 3314 человек, 1942 году – 490 , 1943 году – 6089, 1944 году – 1186 человек, в т. ч. 600 крымских татар [28, л. 110].

С лета 1943 года и до полного освобождения Крыма в мае 1944 года, составными частями советского движения стали боевые действия партизанских отрядов, разведывательных отрядов Черноморского флота и Приморской армии. Если первые вели тяжелейшие бои с оккупантами и их пособниками, имея ограниченные возможности по боевому маневрированию, то вторые решали две основные задачи: ведение полномасштабных разведывательно-диверсионных операций, оказание всемерной помощи и поддержки партизанам, получение от них развединформации, передача её в штаб Черноморского флота и Приморской Армии. Деятельность этих групп подробно исследована в работе Г.Б.Мельничука [15].

В ноябре 1943 года советские войска захватили плацдармы на Керченском полуострове и на южном берегу Сиваша. Казалось, ещё немного и Крым будет освобожден. Но так только казалось. Время освобождения полуострова ещё не наступило.

Крымский областной подпольный партийный центр, находившийся в Зуйских лесах, после приказа оккупационных властей от 29 октября 1943 года о «добровольной» эвакуации населения из Крыма, принял поспешное решение разослать своих представителей в села Алуштинского, Бахчисарайского, Зуйского, Карасубазарского (ныне Белогорского), Симферопольского и Старокрымского районов с задачей «поднять народ на уход в лес к партизанам» [12]. К этому же призывало обращение «К населению Крыма» (письмо жителей, ушедших в лес), выпущенное в форме листовки 3 ноября 1943 года.

Пойдя на этот шаг, партийное руководство стремилось решить две главные задачи: во-первых, реабилитировать себя в глазах ЦК ВКП (б) и Государственного Комитета Обороны (ГКО) во главе с И.В.Сталиным; во-вторых, показать массовый характер партизанского движения в Крыму в годы оккупации, отсутствие чего впоследствии было поставлено в вину всей Крымской АССР и стало одним из поводов к массовым депортациям, преобразованию автономии в рядовую область в составе РСФСР.

Стремление к показухе ещё раз сыграло отрицательную роль в деятельности партизан Крыма. Под их защиту пришло в общей сложности около 10 тысяч женщин, детей и стариков с домашним скарбом, скотом и запасами продовольствия. Так, только из 13 населенных пунктов, расположенных в зоне боевых действий Южного соединения, к середине декабря 1943 года пришло 2701 человек [13]. Как результат, это лишило партизан, во-первых, их главного преимущества – боевой маневренности и заставило вести позиционные бои по защите гражданских лагерей с численно превосходящими силами оккупантов, их приспешников; во-вторых, ограничило возможности выполнять свою основную задачу – воздействовать на коммуникации противника в условиях обострения для него обстановки на Таманском полуострове; в-третьих, это дало оккупантам уничтожить все деревни, откуда население ушло в лес к партизанам, блокировать партизан на их базах. В ходе боевых действий с декабря 1943 по начало января 1944 годов, партизаны и мирное население понесли большие потери, многие из них пропали без вести. Значительное число мирных жителей было угнано карателями из леса в концлагеря.

В этой ситуации В.С.Булатов передал в лес приказание:

«Молния – Ямпольскому, Савченко.

...В крайнем случае, сохраняйте боевой состав, маневрируйте, невзирая на опасность, грозящую мирному населению» [29, л. 8].

Как следствие, мирное население, расположенное в Васильковской балке, было уничтожено румынскими войсками и татарскими добровольцами.

Готовясь к обороне полуострова, гитлеровское командование решило покончить с крымскими партизанами. С 29 декабря 1943 по 8 января 1944 годов в районе Баксанского, Тау-Кипчанского и Тиркинского лесов силами 1-й горнотрелковой дивизии немцев, 2-й горнотрелковой румынской с участием отрядов добровольцев-татар и кубанских казаков при поддержке авиации и артиллерии фашисты начали массированное прочесывание лесов [30, л. 50]. Основной удар наносился по Зуйским лесам. Потеряв до 120 человек убитыми, оккупанты 19 января 1944 года вновь предприняли наступление на Северное соединение и далее, но, не добившись решающих побед, перешли к новой тактике к борьбе с партизанами: усиление контроля за выходом из леса, минирование подходов к нему, создание систем засад, переодевание своих солдат в партизанскую одежду, прочесывание лесов мелкими группами, укрепление старых и создание новых опорных пунктов в деревнях, прежде всего в предгорной и горной местности. В марте – апреле 1943 года фашисты держали против партизан до двух немецких и румынских дивизий, татарские и кубанские батальоны. 7 марта 1944 года оккупанты предприняли последнее массированное наступление на крымских партизан, но потеряв 166 человек убитыми своей цели не достигли [30, л. 94].

С 11 апреля 1944 года партизанские соединения Крыма активизировали свою боевую деятельность по тылам и коммуникациям противника. Выполняя приказ Военного совета 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской Армии, Восточное соединение оседлало шоссе Феодосия–Симферополь в районе Старый Крым–Июмовка, истребив 804 солдата и офицера противника, пленив 1767 человек, подбив 3 танка, уничтожив 126 автомашин и 1 бронимашину [31, л. 57]. Северное соединение оседлало шоссе Карасубазар–Симферополь, Карасубазар–Ускуп, Симферополь–Алушта, истребив 1167 солдат и офицеров, пленив 1216 человек, захватив 13 орудий, 130 автомашин, 645 лошадей, 121 пулемет, др. Южное соединение действова-

ло на коммуникациях Симферополь–Севастополь, Алушта–Симферополь, захватило Бахчисарай, с 15 апреля 1944 года, до прихода Отдельной Приморской Армии, ворвалось в Ялту, истребив 1900 солдат и офицеров, пленив 718 человек уничтожив 10 орудий противника [31, л. 58]. Всего в боях за освобождения Крыма с 11 по 16 апреля 1944 года партизаны истребили 4377 солдат и офицеров противника, пленили – 3700 человек, уничтожили 234 автомашины, 16 орудий и 7 средних танков [28, л. 182].

Несмотря на все тяготы и лишения, вызванные как объективными, так и субъективными факторами, о которых было указано выше, партизанское движение на территории Крымской АССР не только выжило, но и нанесло оккупантам значительный урон.

За время боевых действий с ноября 1941 по апрель 1944 годов крымские партизаны провели 1385 боевых операций; пустили под откос 79 вражеских эшелонов; взорвали 2 бронепоезда, 3 железнодорожных моста, 25 складов, 3 электростанции, 3 хлебозавода, 9 водокачек, 52 шоссейных моста [5, л. 59].

Итогом боевой деятельности партизан Крымской АССР стал приказ по Симферопольскому гарнизону №1 от 14 апреля 1944 года о вступлении отрядов Северного соединения в Симферополь и взятии ими под охрану революционного порядка в городе [32].

В газете «Красный Крым» в статье «Партизаны в родном городе» описывались действия партизанской бригады Федоренко, уничтожившей за последние месяцы свыше 2 тысяч солдат и офицеров врага [33]. На следующий день газета опубликовала распоряжение СНК Крымской АССР, указывавшее, что все предприятия на территории Крымского полуострова принадлежат Совнаркому Крымской Республики и являются государственной собственностью. Оно также предупреждало, что лица, уличенные в нарушении настоящего распоряжения, объявляются расхитителями социалистической собственности и будут караться по законам военного времени [34].

Общие итоги действий партизан подвел руководитель крымского штаба партизанского движения – секретарь ОК ВКП (б) В.С.Булатов в канун празднования 1 мая 1944г. Он отметил, что партизанами за 29 месяцев борьбы с оккупантами уничтожено около 30 тысяч немецко-румынских солдат и офицеров, взято в плен 3300 гитлеровцев. Уничтожено 335 предателей. Пущено под откос свыше 80 вражеских эшелонов, уничтожено 211 орудий, 11 танков, около двух тысяч автомашин [35].

Первый послевоенный анализ партизанского движения в Крыму был сделан секретарем ОК ВКП (б) В.Березкиным, который разделил его на два периода:

1-й – поражений, как следствие внезапного немецкого прорыва в Крым, когда положение спасали советские лётчики, вывезшие из Крыма 1243 больных и раненых партизан и 800 человек гражданского населения;

2-й – активизация партизанского движения после Сталинградской битвы [36]. Как видно из него, история крымского партизанского движения, как и всей Великой Отечественной войны, разделена на два этапа: 1-й – отступления и поражения; 2-й – наступления и победы.

Автор считает, что необходимо выделить отдельным разделом 5-й период в истории партизанского движения Крыма – время после освобождения полуострова от оккупантов. Его особенности состоят в том, что, во-первых, были расформированы действующие партизанские отряды, часть бойцов из которых была направлена в действующую армию, а другие приступили к послевоенному восстановлению. На 1 июня 1944 года на фронт было отправлено 50001 человек, из них 3002 бывших партизан; в спецлагеря НКВД – 126 человек [37, л. 38 о]. Во - вторых, были подведены итоги партизанского движения, награждены, но далеко не все, государственными наградами его участники. За 29,5 месяцев боевых действий партизаны потеряли убитыми и ранеными – 1811 человек, пропавшими без вести – 1410, неизвестно когда и куда выбывшими – 2500 человек. На Большую Землю эвакуировано 834 человек, дезертировало – 559, расстреляно в отрядах как предатели и изменники – 173, послано на спецзадание в тыл противника – 396, вышло из леса после освобождения Крыма – 3933 человек [28, л. 111].

Из общего числа 11696 человек было награждено в то время орденами Ленина – 6, Красного Знамени – 120, Красной Звезды – 127 человек, Отечественной войны I степени – 5, II степени – 8 человек. Медаль «Партизан Великой Отечественной войны» I степени получили 315, II степени – 370 человек. Медалями были также награждены: «За отвагу» – 29, «За боевые заслуги» – 26, «За оборону Севастополя» – 413 человек. Всего награды получило 1429 человек [30, л. 141]. Много это или мало? Однозначного ответа на этот вопрос дать невозможно, но тот, кто перенес все тяготы и лишения партизанской жизни однозначно скажет: никакими орденами и медалями нельзя в полной мере оценить совершенный ими подвиг, причем участие в нем принимали крымчане всех национальностей, в том числе и крымские татары.

В – третьих, разгорелись страсти между участниками партизанского движения в составе 3-х соединений и теми, кто в них не входил. Речь идет о тех отрядах, которые были созданы в 1943 – 1944 годах разведывательно-диверсионными группами, заброшенными специальными органами 51 – й Армии в районы, не контролируемые партизанами КШПД.К ним отнесены и выделены в архиве в отдельный раздел:

– отряд им. Чапаева, действовавший в Ак – Шейхском районе с 30 ноября 1943 по 14 апреля 1944 годов, созданный тремя советскими разведчиками численностью к январю 1944 года до 350 человек, отчет которого имеется [37, лл. 17–35]; отряд «Орел», действовавший во Фрайдорфском и Сакском районах с 6 марта по 15 апреля 1944 года (командир капитан К.И.Герасименко, комиссар Г.Н.Новиков), уничтожившие 464 вражеских солдата и офицера [37, лл. 72–79], другие.

Речь идет о 14 отрядах и группах, уничтоживших свыше 2-х тысяч живой силы противника и приближавших победу как и партизаны КШПД. На действия этих групп и партизан имеются соответствующие отзывы Военного Совета, начальника разведки и начальника контрразведки «Смерш» 51-й Армии [37, лл. 4–10].

В-четвертых, незаконной депортации в мае-июне 1944 года подверглись крымские татары, болгары, греки и другие национальные меньшинства, обвиненные в измене и предательстве, о чем написано немало статей, книг, сказано на конференциях различного уровня. Наиболее емко и точно определил этот акт В.В. Возгрин в своем выступлении на одной из конференций в 1994 г., назвав его «Геноцид как кульминация этносоциального конфликта» [38, л. 24–31]. Нормативные документы по депортации татар даны в приложениях «А» и «Б».

В-пятых, началась многолетняя кропотливая работа по выявлению вражеских организаций и групп, оставленных в Крыму отступающим противником. На 20 мая 1947 года органами НКВД было раскрыто около 400 таких структур, а за участие в них арестовано около 7000 человек, из них было пересмотрено и реабилитировано за период с 1955 по 1992 годы только крымским судом 4057 человек [39, с. 44].

Партизанскому движению в Крыму, по подсчетам В.М.Брошевана, посвящено к настоящему времени около 200 книг, брошюр, статей в сборниках, энциклопедиях, словарях, журналах [40, с. 5]. Цифра приведена автором внушительная, но эти труды не дают, да и не могут дать исчерпывающего ответа на вопрос организации партизанского движения на полуострове в годы оккупации. Проблема эта требует комплексного рассмотрения с привлечением архивов СБУ, которые малоизучены. Главное управление МВД Украины в Крыму к своим архивам молчаливо не допускает.

Главный вывод, который можно сделать по рассмотренному вопросу, состоит в том, что подавляющая часть представителей всех 76 этносов, проживавших в Крыму до 1941 года, осталась верна своей Родине, а около 10% из них отстаивало ее в партизанских отрядах и подпольном движении, в том числе и сотни представителей крымскотатарского народа.

В чем же причины коллаборационизма (вольного или не вольного) значительной части крымскотатарского народа в годы оккупации полуострова в 1941–1944 годах? Как советская, так и современная историография уходят от ответа на этот вопрос в силу того, что, во-первых, он не имеет однозначной постановки; во-вторых, поливариантен в плане ответа; в-третьих, противоречия в оценках различных сторон.

По мнению П.Н.Надинского, коллаборационизм не имеет ни экономического, ни политического факторов, которые в той или иной степени могли бы послужить причиной или поводом, могущим объяснить измену крымских татар [41, л. 29]. П.Н.Надинский, стоящий на жестких сталинистских позициях, предлагает искать эти причины в прежнем капиталистическом сознании крымских татар, их традициях, обычаях и правах, а именно: измена и предательство, как обычное явление (переход от одного союзника к другому во время войн); раболепие перед Турцией как страной «правовых»; получение почти всей интеллигенцией до революции образования в Турции; осознания себя наследниками Золотой Орды, а русских своими вассалами; воспитание мусульманским духовенством у татарского населения ненависти к русским и всему русскому, др. [41, лл. 30–35].

Автор считает, что причинами коллаборационизма части крымскотатарского народа явился широкий круг политических, социально-экономических и духовных проблем, которые не были решены за 20 лет советской власти в регионе. Главными и основными из них являются политические, в числе которых возможно и необходимо назвать следующие: во-первых, дуализм в национально-государственной политике компартии и советского государства, проведение ее по отношению к Крыму сначала в плане строительства национально-территориальной, а затем национально-ультурной автономии; во-вторых, отрыв компартийно-государственного аппарата автономии от масс, прежде всего в татарской деревне, на что неоднократно указывалось в актах по результатам проверки их деятельности в 1920-м, 1926-м, 1928-м гг., но так и осталось неустраненным; в-третьих, отстранение представителей коренного населения от управления и замена его пришлыми, не имеющими ни корней, ни понимания всей сложности ситуации, особенно на селе; в-четвертых, массовые репрессии в отношении руководящего звена автономии, прежде всего из числа коренного населения в конце 1920–1930-х; в-пятых, огромная текучесть компартийных и государственных кадров как в центре, так и на местах; в-шестых, слабость низового советского аппарата, не имевшего должного образования, опыта работы, заработной платы и другие.

К числу социально-экономических причин следует отнести, прежде всего, глубоко ошибочную политику, проводимую в отношении крымских татар с периода революции, Гражданской войны и первых лет советского строительства. Суть ее состояла в том, что с самого начала не был решен вопрос о наделении земель безземельного и малоземельного крестьянства, большую часть которого составляло коренное население. Беднейшие татарские слои не нашли защиты у советской власти от произвола и беззаконий, творившихся в деревне в период голода 1921–1923-х годов, последующие годы. Не успев получить землю по реформе 1929–1930-го годов, татарская деревня тут же лишилась ее в ходе коллективизации начала 1930-х годов.

Широкой спектр имеет духовный фактор, включающий: во-первых, решающее влияние на население мусульманского духовенства, борьба с которым, активно начатая в начале 1920-х годов, была постепенно переведена в русло мирного сосуществования и соглашательства с ним. (Этот курс был начат В. Ибраимовым и продолжен в 1930-е гг. другими крымскими компартийно-государственными руководителями); во-вторых, сохранение традиционализма в историческом сознании и мышлении, подогреваемое частью старой и частично новой интеллигенции; в-третьих, подготовка новых кадров из числа зажиточной части крымскотатарского населения, прежде всего горных татов; в-четвертых, влияние сторонников «Милли-Фирки» как внутри, так и из-за рубежа, что привело к ряду вооруженных вступлений против советской власти в начале 1930-х годов, но не стало уроком для партийно-советских руководителей, другие.

Таким образом, указанные выше причины послужили отрицательным фактором как в развертывании партизанского движения в Крыму в годы Гражданской войны, так и в первый период советизации, когда из

политически нейтрального, татарский народ эта власть перевела в разряд ее врагов и потом еще долго преодолевала созданные своими руками трудности. Не сделав из допущенных политических, социально-экономических и военных ошибок должных выводов, компартийная советская система шагнула в тяжелейшую из войн и получила жестокий удар в форме естественного коллаборационизма, приведшего, наряду с другими факторами, к поражению партизанского движения на полуострове. Однако этнонациональный фактор нельзя считать решающим. Он был лишь одним из многих, обеспечивавшим функционирование на полуострове, «нового порядка».

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие основные выводы:

- большая часть крымских жителей в годы оккупации подтвердила свою верность советской власти, а лучшие его представители героически сражались в партизанских отрядах, нанеся оккупантам значительные потери в людской силе, технике, нарушении жизненно важных для ведения успешных боевых действий коммуникаций;
- партийно-государственное руководство Крымской АССР не смогло организовать эффективное подпольное и партизанское движение в регионе, что явилось следствием, как игнорирования опыта Гражданской войны, так и личной безответственности многих руководителей Крымского ОК ВКП (б) и НКВД;
- тяжелейшие поражения партизанского движения стали возможны также вследствие невладения руководителями реальным настроением татар, ряда национальных меньшинств, что привело к стратегическим ошибкам в подборе и расстановке кадров на всех его участках;
- слабость партизанского движения, поставленного на грань полного уничтожения, позволило оккупантам и их пособникам уничтожить 127 предгорных и предлесных деревень; удушить газами, расстрелять, замучить, потопить в море 130 тыс. женщин, стариков и детей; угнать в рабство 85 тысяч граждан автономии [20];
- допущенные преступно-халатные просчеты в практической деятельности партийно-государственного руководства автономии в период оккупации её территории стали главным поводом для проведения депортаций 1944 года, ликвидации Крымской АССР и преобразования её в Крымскую область в составе РСФСР [21];
- в современной исторической литературе продолжают иметь место необъективные оценки партизанского движения в Крыму, влияния на него татарского фактора [22];
- представители татарского народа не остались в стороне от борьбы против оккупантов, о чем говорит книга М. Ислямова о подвиге Наиле Велиевой [23];
- данная проблема требует тщательного правдивого и комплексного исследования.

Глава 5. “Новый порядок” в годы оккупации Крыма и этнонациональный фактор (1941–1944гг.)

За двухлетний период оккупации стран Западной и части Восточной Европы фашистская Германия накопила значительный опыт организации управления захваченными территориями, организации там «нового порядка». Главной особенностью его являлось умелое и гибкое сочетание подавления всякого сопротивления с использованием истории и традиций народов в интересах третьего Рейха при создании структур власти и управления из коренного населения, лояльно относившегося к оккупантам, малейших культурных, социально-политических, этнонациональных противоречий прошлого, подогревая и разжигая их, доводя «до точки кипения». Весь этот опыт был в полном объеме использован на оккупированной территории БССР, РСФСР, УССР и Крымской АССР.

Проблема организации оккупантами в Крыму “нового порядка” в 1941–1944гг. не получила даже своего обозначения в монографии “Крим в етнополітичному вимірі” [1] и очерках “История Крыма с древнейших времен до наших дней” [2], вышедших в последнее время. Это обусловлено тем, что на рассмотрение данного вопроса в советское время было наложено “табу”. Исследование архивных документов, отчетов и докладов руководителей партизанского и подпольного движения показало, что вопросу анализа организации “нового порядка” ими практически никакого внимания не уделялось. Этой проблемой занялись органы НКВД и НКГБ сразу же после освобождения Крыма в апреле–мае 1944 года, но их интересовала не сама система, а те, кто в ней участвовал. Автор же исследует именно вопрос системы организации “нового порядка”, его основных составных частей, влияние на него крымскотатарского фактора.

Изучение справочной литературы как советского, так и постсоветского периода не выявило определения термина “новый порядок”. Автор предлагает рассмотреть созданную оккупантами систему грабежа оккупированной территории Украины и Крыма, включенного в состав рейхскомиссариата “Украина”, куда вошли также Волыньско-Подольский, Житомирский, Николаевский и Днепропетровский генеральные округа общей площадью 339276 тыс. км² и населением 16,9 млн. чел. с центром в г.Ровно под руководством Эриха Коха [3, л.28] по 4-м основным аспектам: политическому, социально-экономическому, идеологическому и военному.

Прибыв в сентябре 1941 года в Украину, Эрих Кох заявил, что задача “нового порядка” состоит в том, чтобы высосать из нее все соки, невзирая на чувства украинцев или состояние их имущества. По другому случаю, подчеркивая свое отношение к украинцам, он заявил, что если обнаружит украинца, достойного сидеть с ним за одним столом, то вынужден будет расстрелять его. В соответствии с планом “Ост”, фашисты предполагали физически уничтожить большую часть населения оккупированной Украины, а из Крыма

выселить всех его жителей, превратив его в немецкую здравницу.

По мнению авторов учебного пособия по истории Украины В.М. Литвина, В.М. Мордвинцева и А.Г.Слюсаренко, фашистский режим в Украине должен был выполнить три основных задачи:

- обеспечить продовольствием, материальными и людскими ресурсами потребности его военной машины;
- освободить от украинского населения путем физического уничтожения, депортации и вывоза на работу в Германию “лебенсraum” (“жизненное пространство”) для арийской расы;
- способствовать колонизации значительной части оккупированных земель, заселению целых районов немецкими переселенцами в течении 30 послевоенных лет [4, с.535].

Автор статьи считает, что данное положение следует дополнить задачей полного уничтожения еврейского народа как одной из приоритетных целей фашизма как идеологии и практики периода второй Мировой войны. На решение этой задачи были направлены все ресурсы Третьего Рейха на всех оккупированных им территориях, в том числе и в Крыму, куда во второй половине 1920 – первой половине 1930-х годов было переселено более 5 тысяч еврейских трудовых семей, значительная часть которых была гитлеровцами истреблена.

В качестве первого аспекта созданного на территории Украины и Крыма “нового порядка” автор предлагает рассмотреть политический: включение оккупированной территории полуострова в состав рейхскомиссариата “Украина”, о чем было сказано выше; частичное сохранение советской системы деления полуострова на 26 районов, а районов – на волости и сельские управы. Так, Симферопольский район был разделен на 9 волостей, в каждой из которых были созданы административные отделы; пункты ВИКО; агрономические управления; школы повышенного типа; больницы, медицинские и ветеринарные участки. Волости были разделены на 20 сельских управ; охватывающих от 4 до 10 деревень под управлением сельских старост и местной полиции для охраны. Была создана система гражданского управления, которая требует подробного рассмотрения. В большинстве населенных пунктов, прежде всего в предгорных и горных татарских деревнях, гестапо создало вооруженные отряды из бывших кулаков, уголовного элемента, а также дезертировавших из рядов Красной Армии татар отряды так называемой “народной милиции”, самообороны, преобразованные впоследствии в батальоны.

Так, к декабрю 1941 года Ускутский отряд самообороны насчитывал 130 человек, Туакский–100, Кучук–Узенский–80 человек. К апрелю в 1942 года в селе Коуш насчитывалось 345 добровольцев. Добровольцы были переведены на казарменное положение, получали заработную плату, обмундирование, проходили усиленную военную подготовку.

Города Крыма стали самостоятельными административными единицами с самоуправлением во главе с Городским головой и управой, под руководством градоначальника, которому подчинялись все органы местного управления и который назначался только из лиц немецкой национальности. На городские управы возлагалось хозяйственное и культурное благоустройство городов, регистрация и учет населения согласно специально введенным оккупантами инструкций, сбор налогов и т.д. При городской управе находились подразделения жандармерии и полиции, сформированные из числа местных жителей. Кроме того, в городах и районных центрах были образованы немецкие комендатуры, осуществлявшие, в частности, контроль за деятельностью местной администрации и направлявшие ее.

Вечером 1 ноября 1941 года германские войска вошли в Симферополь, а 12 ноября было образовано городское управление из шести отделов: организационного, хозяйственного, общественного питания, культуры, технической эксплуатации и полиции [5]. Возглавлял управу весь период оккупации Л. Севастьянов. Первым постановлением управы стало объявление его распоряжения о проведении инвентаризации городского имущества и установлении норм оплаты за жилье. 16 декабря оно приступило к выдаче хлебных карточек населению города, которое составило по данным проведенной перерегистрации на 1 февраля 1942 года 89691 человек, из них 51717 человек/57,7% русских; 14867/16,6% украинцев; 13016/14,5% татар; 2278/2,6% армян; 2,6% греков; 1,6% поляков; 1,5% болгар [6]. Эти данные были получены управой после реализации ее постановления №2 от 21 декабря 1941 года “О регистрации гражданского населения г. Симферополя”, требовавшее произвести сверки домовых книг и проведения прописки до 1 января 1942 года. Приказом №3 от 22 декабря 1941 года, городское управление потребовало от всего населения в возрасте от 16 лет обязательной личной регистрации в отделении городской полиции. За уклонение от регистрации приказ грозил ответственностью по законам военного времени, т.е. расстрелом [7]. В населенных пунктах, наряду с институтом старост и полиции, была создана система старостата пятидворок для проверки отсутствия в закрепленных за ними домами посторонних лиц. Всю ночь в населенных пунктах проходили обходы – патрулирование, почти ежедневно – облавы.

Данные два документа преследовали прежде всего экономическую цель – определиться с численностью населения для решения текущих хозяйственных, прежде всего продовольственных и хозяйственных проблем, а также политическую – исключить несанкционированное проникновение в населенные пункты посторонних лиц, в т.ч. из числа партизан, выявить коммунистов, партийных и советских работников.

В целях решения продовольственной проблемы, комендант города потребовал от населения сдать все продовольствие, превышающее следующие нормы: 40кг зерна или муки; 2кг жиров; 2кг сахара на 1 человека из расчет с 1 января по 30 апреля 1942 года. Объявление предписывало сдать излишки до 31 декабря 1941 года на 6 складов города и предупреждало в категорической форме о том, что после истечения указанного срока все, имеющее излишки, будут наказаны смертью [8]. Аналогичные требования были предъявлены комендантами всех городов Крыма, поскольку отступающие советские войска раздали населению оставшееся на складах и в магазинах продовольствие.

Коменданты городов, в т.ч. и Симферополе, установили четкую систему передвижения гражданского населения как внутри, так и вне городов. Ему было запрещено с 1 января 1942 года без специального пропуска осуществлять въезд и выезд из города. Для получения пропуска гражданину необходимо было лично прибыть в Бюро труда. Он выдавался только работающим из расчета 1 пропуск на три человека сроком не более, чем на 15 дней. Распоряжением главного управления полиции г.Симферополя от 27 января 1942 года все лица, въехавшие в город, должны были в течение 24-х часов после своего прибытия явиться в соответствующий районный участок полиции и зарегистрироваться по предъявленному паспорту/ сохранялся советского образца / или другим документам [9].

Гостиниц в городах не было. Для приезжих были открыты заезжие дворы, куда поселяли при наличии справки от старосты и пропуска коменданта района сроком до 2-х суток. В частных домах разрешалось проживание без прописки 1–2-е суток. Приказом коменданта г.Симферополя от 14 января 1942 года всякое движение по дороге Симферополь– Карасубазар– Старый Крым для гражданского населения запрещалось. Нарушителям этого распоряжения грозил арест и заключение в лагерь на длительный срок [10]. Приказами коменданта определялось время, запрещающее появление на улицах, которое с января 1942 года определялось с 17 до 8 часов; с 20 марта 1942 года – с 19 до 5 часов; с 25 апреля 1942 года – с 20 до 4-х часов утра.

Другим аспектом “нового порядка” стал социально– экономический. В 1942 году германские экономисты разработали перспективный план освоения и эксплуатации оккупированных районов СССР, получивший название “Иван– программа”. Согласно него, крестьянские дворы объединялись в общинные хозяйства “лагеншафты” во главе с ландвиртами (фактическое сохранение колхозов), обложив их 12 видами налогов. Уцелевшие промышленные предприятия объявлялись немецкой собственностью и на них налаживалось производство, хотя было оно весьма незначительно как по Украине, так и в Крыму.

Для организованного грабежа, оккупанты создали ряд заготовительных органов, наибольшим из которых было “Центральное торговое товарищество “Восток” / “ВИКО” /.

Своим постановлением №5 от 27 января 1942 года Симферопольское городское управление объявляло об обязательной трудовой повинности мужского населения. Согласно этому документу все мужчины в возрасте от 18 до 55 лет обязывались отработать по уборке и очистке, другим нуждам благоустройства бесплатно по 12 дней в году с 1 февраля 1942 года [9]. За освобождение от этой повинности гражданам разрешалось внести сначала 80 рублей, а с марта 1942 года – 144 рубля [11]. По подсчетам Бюро труда, выполнению этой повинности подлежало около 14тысяч человек. К концу марта “откупились” от обязательных общественных работ 8тысяч человек. Ежедневно на работу по благоустройству Бюро распределяло от 200 до 250 человек.

С 1 января 1942 года городское управление начало формирование системы налогообложения населения с 18–летнего возраста. Подоходный налог был установлен в размере 10% от всех видов доходов (лица, получившие доход менее 200 рублей в месяц от уплаты налога освобождались) [12]. Для восстановления и поддержания порядка в городе утверждался налог в сумме 5 рублей с одного человека в месяц. Для организации охраны порядка и социального обеспечения до 5 числа каждого месяца так же вводился налог. Кроме того, вводились налоги с оборота предприятий, с недвижимого имущества в размере 0,75% со стоимости строений и земельной ренты [13]. Налог с оборота на текстиль, обувь, книги, карты, составил 15%; безалкогольных напитков – 20%; алкогольных напитков – 50%; табака – 70% [14]. От налогов освобождались семьи татарских участников добровольческих формирований [15, л. 7].

В Феодосии налог на поддержание порядка составлял 10 рублей в месяц. Подоходный налог был одинаковым по всему Крыму. В деревнях взималось свыше 10 видов налогов, в т.ч. 250–300 рублей в месяц с каждого трудоспособного. Кустари города и деревни платили от 15 до 60 % подоходного налога согласно прошитой горуправой книги и работали строго по патентам, стоимость которого была определена в 750 рублей. До 1 июля 1943 года товары от уплаты налогов освобождались [16, л. 15]. Был введен в деревнях полугодовой налог в размере 100 рублей за собаку и 30 рублей за кошку. Ежемесячно крестьяне должны были сдавать 10 штук яиц с одной курицы и 600 литров молока в полгода.

5 августа 1941 года Альфред Розенберг подписал приказ о введении трудовой повинности в оккупированных восточных областях. В рамках требований этого документа в начале мая 1942 года в Симферополь прибыла созданная германским Генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы вербовочная комиссия. Целью вербовки объявлялось избавление населения от голода и нужды. Завербовавшимся обещалось размещение по отдельным домашним хозяйствам или, в основном, в здоровых, гигиенически чистых, открытых общежитиях; достаточная заработная плата, которой будет вполне хватать на жизнь [17].

Агитационно-пропагандистская работа по вербовке для отправки на работу была столь эффективна, что на первых порах в Германию первая группа численностью около 1 тысячи крестьян, рабочих и интеллигенции в возрасте от 17 до 25 лет из числа добровольцев была отправлена уже 15 мая 1942 года. 10 июня 1942 года отправляется вторая группа добровольцев в 40 вагонах из числа молодежи, освобожденных из лагерей красноармейцев [18]. В газете “Голос Крыма” была опубликована статья “Живой рассказ о поездке в Германию”, в которой вернувшаяся в Симферополь Т.Э. Кузнецова рассказывала о том, что за 8 дней пути их кормили консервами, мясом, хлебом; на остановках давали горячий суп и кофе. Жили в Германии в общежитии [19]. Через несколько дней в этой же газете была опубликована статья “Все будут привлечены к работе”, в которой обосновывалась необходимость обязательной работы на Германию заинтересованностью всех народов Европы в борьбе с большевизмом и его полным уничтожением; подготовкой лучших условий жизни в странах, находившихся под большевистской пятой [20]. 25 августа 1942 года в Германию был отправлен третий эшелон с рабочей силой. Уехавшие на работу имели право отправить на родину одно письмо в месяц. Вся корреспонденция подвергалась военной цензуре, но постепенно вся правда об эксплуата-

ции стала просачиваться в Крым и поток желающих был исчерпан. И тогда оккупационные власти стали через Бюро принудительно отправлять рабочую силу в Германию. Всего за годы оккупации было угнано 85477 человек гражданского населения Крыма [20, л.40].

С первых дней оккупации, городские управления Крыма приступили к восстановлению кустарной промышленности и торговли. Уже в апреле 1942 года заместитель промышленного подотдела Симферопольского городского управления Дарманьян в статье “Новая промышленность” сообщал об организации семи предприятий: по ремонту музыкальных инструментов; изготовлению щеток для обуви; варке столярного клея; изготовлению зажигалок; выделке нательных крестов; изготовлению кофе и швейной мастерской [21]. Отчитываясь о проделанной за 6 месяцев существования Симферопольского городского управления работе, сообщалось, что с 12 ноября 1941 года отремонтировано ряд зданий; открыто 8 больниц, 4 поликлиники, туберкулезный диспансер, 6 аптек; 11 начальных школ и 2 детских дома; дом старости; дом культуры; кинотеатр для населения; 4 церкви и 3 мечети; 40 торговых точек; работает 95 промышленных точек, обслуживающих германское военное командование. Бюджет города с 0 вырос до 6.891.000 рублей [22]. Для обеспечения функционирования городского хозяйства и развития частного предпринимательства был открыт в апреле 1942 года городской банк с предоставлением кредита под 5% годовых, затем открывается сельскохозяйственный банк [23]. В мае 1942 года оба банка сливаются в единый хозяйственный банк. В условиях оккупационного режима, на всей территории Украины и в Крыму германскими властями была введена единая валюта – карбованцы, выпускаемые Украинским центральным эмиссионным банком, ходившие по курсу 1 карбованец равный 1 советскому рублю; 10 карбованцев приравнивались к 1 рейхсмарке [18].

Железные дороги, средства связи, мельницы, крупные промышленные предприятия Крыма были объявлены германской собственностью. Заработная плата рабочих на них устанавливалась в размере от 1 до 2 руб. 50 коп. в час; техников – 300–450 рублей в месяц; инженеров – 400–600 рублей в месяц. Всё работающее население получало вместо паспортов рабочие удостоверения с указанием номера паспорта и биржевой карты, которые выдавались после регистрации в адресном столе полиции. За утрату рабочего удостоверения уплачивался штраф в размере 300 рублей. Новый документ выписывался после письменного поручительства 2-х человек [16, лл.17–18].

7 марта 1942 года рейхкомиссар “Украины” Эрих Кох подписал 3 постановления:

- “Об организации ремесленников и об устройстве ремесленного производства в Украине”;
- “Об учреждении ремесленных предприятий на кооперативных началах”;
- “Об учреждении групповых объединений ремесленных предприятий”.

Данные документы регламентировали всю систему организации кустарного производства, запрещали евреям владеть мастерскими или заведовать ими. На 1 апреля 1942 года в г. Симферополе было выдано 880 патентов на организацию такого производства [24]. К концу декабря 1942 года в городе работало 61 предприятие, которые имели за ноябрь оборот в сумме 1.165.000 рублей [25].

Особое внимание уделялось организации торговли, которая разрешалась исключительно по патентам. Для борьбы со спекуляцией была создана Торговая служба полиции. На нее возлагались так же вопросы контроля за работой городских торговых учреждений и промышленных предприятий, кустарей и ремесленников. Спекуляция пресекалась самым строгим образом, о чем сообщалось в печати. Стоимость продуктов питания была чрезвычайно высока: 1 кг. сливочного масла стоил 800 рублей; подсолнечного – 600 рублей; 1 кг. свиного сала – 1000 рублей; 1 кг. пшеничного хлеба – 50 рублей; ячменного – 25 рублей, а ржаного – 35 рублей; 1 кг. картофеля 20–25 рублей; 1 кг. сахара – 500 рублей [16, л.15]. В г. Феодосии буфеты и рестораны в количестве 20 единиц принадлежали преимущественно татарам, где 200 гр. молодого вина стоило – 30 рублей, а крепленного – 80–100 рублей; 200 гр. водки – 200–220 рублей; один шашлык стоил 120–150 рублей [16, л.17]. Аналогичные цены были и в других городах Крыма.

Аграрная оккупационная политика как на Украине, так и в Крыму носила дуалистический характер: с одной стороны, была фактически сохранена коллективная (общинная) форма, объявленная новым земельным порядком как переходной ступенью к единоличному землевладению; с другой, рисовалась перспектива свободной, хозяйственной самостоятельности, культурной и зажиточной жизни. Конечной целью этой политики объявлялась ликвидация колхозного строя и установление в будущем индивидуального землевладения как единственной формы хозяйства. Задержка к немедленному переходу к новой системе землевладения обосновывалась препятствием, созданным большевиками: отсутствием сельскохозяйственных машин, тягловой силы, семян, удобрений и т.д. Для обработки земли были приняты все меры к восстановлению техники МТС, что позволило засеять в Крыму осенью 1941 года 150 тысяч гектар земли. К середине октября 1942 года озимыми засеяли 120 тысяч гектар [26]. До войны в Крыму насчитывалось 1195 колхозов, которые обслуживало 47 МТС, имевших 2641 трактор. Все посевные площади составляли 941.631 гектар [27, л.8].

В целом, оккупантами было восстановлено 46 МТС, где работало 1200 тракторов и 1000 комбайнов, что позволило засеять 365.132 тысяч гектар озимых и 68 тысяч гектар яровых. К 1 мая 1944 года работоспособными, но изношенными осталось 1152 трактора [28, л.9]. Нормативно правовым документом для организаций землепользования в оккупированных землях СССР стала директива Рейхсминистра Альфреда Розенберга предлагающая:

- упразднение всех законов, декретов и постановлений советского правительства, касающихся управления и ведения коллективного хозяйства;
- преобразование все колхозов в Общинные хозяйства как переходной формы от коллективных к единоличным формам землепользования;

- переход совхозов и МТС в ведение Германии и переименование их в Земские хозяйства;
- ведение единоличного землепользования / хутора или отруба / по принципу столыпинской реформы [30].

Для закупки, хранения и сбыта сельскохозяйственной продукции, снабжения сельскохозяйственного производства всеми видами орудий производства, руководства всеми видами предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности/ пекарни, мельницы, соляной промысел и т.п./ в Крыму функционировала германская организация.

В связи с вышеизложенным характерна передовая статья газеты «Голос Крыма» под заголовком «О патриотизме истинном и ложном», в котором утверждалось, что большевизм борется за интересы международного жидовства, а Гитлер несет избавление России от рабства. Статья призывала русских патриотов обязательно поголовно стать на его сторону [31].

Одну из решающих ролей в деле обеспечения коллаборационизма значительной части предгорных, горных и Южнобережных татар сыграли Мусульманские комитеты, созданные в Симферополе, городах и районных центрах Крыма. В апреле 1942 года был разработан их Устав и Программа, предусматривавшая восстановление деятельности Милли-Фирки; создание крымскотатарского парламента; организацию татарской национальной армии; создание самостоятельного татарского государства под протекторатом Германии [32, л. 65].

В принципе, эти документы повторяли предложения Вильгельму II руководителями Милли-Фирки в 1918 году. Гитлер этой программы не утвердил, а разрешил организовать татарские комитеты в каждом городе и районе с подчинением их СД.

Кроме Мусульманского, в Симферополе были созданы Армянский комитет и Украинское бюро помощи, а с сентября 1942 года – Комитет помощи увечным воинам и военнопленным, принимавший пожертвования от гражданского населения.

На Мусульманские (татарские) комитеты возлагались вербовка татарских добровольцев; оказание помощи беднейшему татарскому населению; помощь семьям добровольцев-татар; сбор пожертвований в пользу горного (южного района), пострадавшего от боевых действий; организация культурно-массовой работы (создание татарских национальных ансамблей, постановка ими спектаклей, концертов); восстановление татарских мечетей, другие.

Для решения этих задач они получили льготные условия на торговлю. Так, организованный в Евпатории комитетом продовольственный ларек за май 1943 года имел оборот в 350.000 рублей.

Печатным органом Крымского мусульманского комитета стала газета «Азат Крым», издаваемая в г. Симферополе по ул. Пушкинской, 14 и выходившая два раза в неделю на татарском языке. В редакционный коллектив газеты входило 7 человек, в том числе ответственный редактор Мустафа Куртиев [33, лл.7–8]. Данная газета решала те же задачи, что и другие печатные издания на оккупированной территории Крыма. Примером этому служит статья М. Куртиева, опубликованная в апреле 1943 года, где он заявлял: «мы добровольно присоединяемся к германским войскам и приступаем к наступлению против большевиков» [34].

Для ведения планомерной идеологической обработки населения, формирования покорности оккупантам, вытравливания из сознания населения всего советского, живого, в период с 1941 по 1943 годы в Крыму работал Штаб пропаганды как отдел немецкой пропаганды в Украине.

Приказом по Штабу №1 на него возлагались следующие основные задачи: активная пропагандистская работа среди населения посредством организации собраний, демонстраций плакатов, листовок, брошюр, читален, витрин, использования машин с радио; руководство всей местной печатью и издание на немецком языке «Немецкой газеты»; использование в агитационно-пропагандистской работе кино, радио, телеграфа; руководство культурным обслуживанием местного гражданского населения, учительскими кадрами [35, л.1].

По поводу первой годовщины вступления немецких войск в г. Симферополь, под руководством штаба, городская управа развернула выставку под лозунгом «Год немецкого владычества в г. Симферополе». Выставка включала в себя уголок Мусульманского комитета; плакаты, изданные в городе на русском и татарском языках; книги, брошюры, которые демонстрировали волю населения всемерно содействовать германскому военному командованию [36].

Отчитываясь о проделанной работе, Штаб докладывал вышестоящему командованию о том, что до июня 1943 года:

- издано 98925 плакатов и 15850 брошюр на русском и татарском языках;
- использовалось 4 из 8 агитационных машин, с которых выполнено 297 выступлений в духе лозунга «Германия – передовой боец новой Европы»;
- издается газета «Голос Крыма» тиражом 53 тысячи экземпляров, а с 25 июня 1943 года – 80 тысяч экземпляров, а также татарская ежедневная газета «Азат Крым» тиражом 15 тысяч экземпляров;
- широко используются киномашины;
- 3 раза в неделю выходит газета «Таврический крестьянин» тиражом 75 тысяч экземпляров, один раз в месяц к ней выходит трехстраничное приложение в форме газеты «Женский мир».

Особое внимание Штаб уделял работе среди татарского населения. Под его эгидой был создан Крымский татарский театр под руководством Абауллы Грабова, дававший представления как для татарского населения, так и для немцев 3 раза в неделю. С 10 апреля 1942 года по 1 января 1943 года театр поставил 140 спектаклей [35, л.47].

После прихода фашистских войск в г. Бахчисарай, там был организован ансамбль песни, пляски и му-

зыка крымских татар в составе 25 человек, в т.ч. 19 музыкантов. Такой же ансамбль под руководством Баккала Усеина был создан в г. Симферополе [37].

Под руководством Штаба воссоздавалась новая немецкая система образования на оккупированной территории Крыма. В ее основу была положена базовая 4-х летняя школа для детей от 7 до 14 лет и высшая – 4-х летняя школа для детей 11–15 лет. Кроме того, предусматривалось создание классических реальных гимназий (8-летних школ) с раздельным обучением и реальных гимназий (8-летних школ с раздельным их на женские и мужские), а также 2-х годичных технических школ для детей 13–15 лет и 3-х годичных технических школ для детей 15–18 лет. Вся система обучения строилась на платной основе по договоренности с учительским составом [38].

К 1943 году в Крыму работало:

- в Симферополе: 24 школы, в т.ч. 16 русских, по одной украинской, немецкой и армянской, 5 татарских с общим числом 4500 учащихся, из них 3000 обучались в начальных школах [25];
- в Старом Крыму: 26 школ, из них одна семилетка с 1328 учащимися и 5 4 учителями; одна русская десятилетняя школа на 346 учащихся и 1 татарская 10-летняя школа на 14 учащихся [39];
- в Феодосии: 5 начальных школ с 1130 учащимися и 4 ПТУ со 194 учащимися, 3 детских дома;
- в Ялте: 22 школы, в том числе 15 татарских на 2250 учащихся с 80 учителями, 3 неполных средних школы [40] и т.д.

Под руководством Штаба пропаганды 8 января 1943 года в Симферополе проводится конференция учителей Симферопольского района с участием 47 учителей, из них 35 русских, 8 татарских и 4-х смешанных школ. На ней были обсуждены итоги 1 полугодия 1942/1943 учебного года, вопрос организации учебного процесса в новых условиях. Конференция обратила внимание учителей на углубленное изучение во всех школах немецкого языка [41].

15 февраля 1942 года было объявлено об открытии в Крыму университета, для чего было образовано его правление, а также Совет. К работе в нем намечалось привлечь 15 профессоров, 11 доцентов, младших научных сотрудников, но реализован этот проект не был [42].

16 февраля 1942 года в Симферополе состоялась 1-я радиопередача на русском языке по городской радиосвязи. С другой стороны, приказом военного коменданта жители обязывались сдать все советские пластинки, песенники, картины и т.п.

Важным элементом идеологического и психологического воздействия на жителей Крыма стала система объявлений, выпуска листовок, воззваний и др. Примером может служить объявление немецко-румынского командования, изданное после взятия Севастополя. Оно доводило до сведения, что смертной казни подвергнется каждый гражданин который:

- а) совершает поступки, направленные против немецкой армии и ее союзников, умышленно портит или уносит собственность немецкой армии, занимается саботажем;
- б) поддерживает связь с бандитами, саботажниками и шпионами, помогает им и дает определенные сведения, сам активно участвует в их преступлениях или обещает принять участие в будущем;
- в) знает лично или осведомлен о преступной деятельности бандитов, саботажников, шпионов и умалчивает об этом [43, л. 2].

В объявлении германского коменданта г. Феодосии от 7 ноября 1941 года говорилось о том, что красноармейцы, переодетые в вольную одежду, должны до 9 ноября 1941 года к 10 часам утра явиться в комендатуру. Обнаруженные после указанного срока красноармейцы, переодетые в штатское, будут расстреляны как партизаны [43, л. 3].

В листовке, выпущенной в тот же период, обращенной к партизанам, говорилось: “Ваша борьба безнадежна! Крым никогда не попадет снова в руки большевиков! Германское командование обещает вам хорошее обращение, работу по специальности, возможность снова вернуться к мирной жизни” [43, л. 23].

Комплексная идеологическая обработка, в целом, обеспечивала решение основных задач оккупационного режима, сводя до минимума всякие попытки сопротивления и даже когда стало ясно, что оккупанты терпят поражение, пропаганда объясняла его планомерным отводом германских войск в целях сокращения фронта.

Четвертым по счету, но главным по своей значимости, являлся военный аспект, включавший в себя:

- создание воинских формирований из числа всех, изъявивших желание воевать на стороне германской армии, в первую очередь из числа представителей татарского народа, других этносов;
- создание системы военных комендатур, отделов гестапо, СД, СС и румынской сигуранцы, военно-полевых судов, которые являлись с первых и до последних дней оккупации основным орудием репрессий по отношению как к партийно-советскому активу, партизанам и подпольщикам, так и подлежащему уничтожению местному населению, прежде всего из числа евреев, караимов, цыган;
- проведение массовых карательных акций, в ходе которых в Крыму было стерто с лица земли 127 деревень, в них дворов 7845;
- блокирование и уничтожение партизан в местах их базирования совместными действиями с татарскими отрядами самообороны и румынскими войсками;
- активное противодействие советскому подпольному движению путем внедрения в их ряды своих агентов, создания псевдоподпольных групп и, в конечном результате, их уничтожения;
- противодействие работе отрядов и разведывательных групп Красной Армии и Черноморского флота, другие.

Германским командованием разрабатывается специальное положение и инструкция “О местных вспомогательных силах на Востоке”, предписывавшее:

- осуществлять подбор добровольцев из местных жителей и русских солдат специально сформированными батальонами, штабы которых организуют прием присяги на верность фюреру;
- из числа добровольцев создавать строительные батальоны и вспомогательные части по охране лагерей для военнопленных, борьбы с партизанами;
- выдачу добровольцам следующих размеров денежного содержания: 1-й разряд – 30 марок /375 руб./; 2-й – 36 марок /450 руб./; – не более 20% личного состава; 3-й – 42 марки /525 руб./ – не более 10% личного состава [44, л. 59].

К февралю 1942 года в 203 населенных пунктах Крыма было завербовано около 6 тысяч человек и в 5 лагерях для военнопленных еще 4 тысячи. Кроме того, старосты организовывали около 4 тысяч добровольцев для ведения борьбы с партизанами [1, с.246].

Помимо крымскотатарских батальонов, на территории полуострова находилось 12 батальонов РОА; закавказский полк “Бергман”; казачий полк; туркменский, армянский, грузинский, кавказско-магометанский легион; до 10 полицейских батальонов, которые выполняли в основном охранные функции и заменившие немецкие части, которые были отправлены на фронт [2, с.285].

В апреле 1942 года в Симферополе закончило переподготовку 15 тысяч добровольцев – татар, дезертировавших в 1941 году из Красной Армии. Все они были одеты в немецкую военную форму и ждали отправки на фронт [31, л.66]. Добровольцы приняли присягу на верность фюреру, получали денежное содержание в зависимости от присвоенного разряда от 30 марок (375 рублей) до 42 марок (525 рублей) [32, л.59].

Фашистский аппарат репрессировал, в целом по Крыму, 236625 человек, в том числе расстрелял 71921 человек, замучил 18322 гражданского населения, а также расстрелял 19319 и замучил 25615 советских военнослужащих. Наибольшие жертвы приходятся на жителей Севастополя, где было репрессировано 29,5% их общего числа; Керчи – 18,3%; Симферополя – 16,8%. На эти 3 города пришлось 64,6% всех крымских жертв [45, л.2].

Все примеры беспощадности “нового порядка” в отношении крымчан рассмотреть очень сложно, поскольку они чрезвычайно велики. Наиболее четко они прослеживаются на примере г. Керчи, где 28 ноября 1941 года фашистские оккупанты вывесили приказ гестапо №4, обязывающий всех жителей зарегистрироваться и явиться на Сенную площадь, имея с собой 3-дневный запас продовольствия. Всех явившихся 7 тысяч отправили в городскую тюрьму, где арестованных мучили, кормили соленой рыбой, не давая воды. Многих девушек и женщин заперли в отдельной камере и там насиловали. В специальных камерах ломали руки, ноги, вспарывали животы, выкалывали глаза, у женщин вырезали груди, бросали живых людей в сараи голодным немецким овчаркам на растерзание [45, л.28].

Завершением этого неслыханного акта злодеяния стала насильственная эвакуация из города всего населения: часть его отправили в Румынию, других – в различные районы Крыма, после чего начался массовый грабеж имущества горожан. Все лучшее вывозилось в Германию, а что не нравилось – уничтожалось [45, л.30].

Насаждению и поддержанию “нового порядка” в Крыму способствовали не только собственные коллаборационисты, но и изменники из других регионов СССР. Так, в Симферопольском районе оккупантам содействовало 164 старосты, 135 полицейских, 66 добровольцев, 47 стражников и 7 тайных агентов СД из Краснодарского края, Украины, Северного Кавказа [42, л.35]. В Старокрымском районе работали гестапо, гестапо, полиция во главе с Л. Агеевым, ОРТС комендатура, военная комендатура, сельскохозяйственная комендатура ВИКО, фельдандармерия. После освобождения, в этом районе было выявлено и арестовано 48 коллаборационистов, 16 из которых были осуждены на срок от 15 до 20 лет каторги, ряд расстреляли [45, л.43].

Постановлением СНК СССР №667 от 17 июня 1943 года была утверждена «Инструкция о порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» [45, л.90–91]. Созданная согласно этой инструкции республиканская и районные комиссии установили, что «новый порядок» обошелся Крыму в 14346421,7 рублей [46, л.16].

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие основные выводы:

Установленный на территории Крымской АССР «новый порядок» был отшлифован оккупантами за два года 2 Мировой войны и рассматривался германским командованием как средство установления своего геополитического, стратегического и хозяйственного господства.

Коллаборационизм участников «нового порядка» носил интернациональный характер и его татарская составляющая не имела главенствующего характера, а в рядах партизан Крыма к концу 1943 года насчитывалось 598 татар [47, л.21].

Заключение

Процесс реализации этнонационального вопроса в Крыму в советский период шел сложно и противоречиво прежде всего в силу отсутствия единства взглядов на его решение среди партийно-государственных руководителей в центре и на местах, в зависимости от их этнонациональной принадлежности, что проявлялось в их практической деятельности с марта 1917 г. и до начала Великой Отечественной войны. Это и определяло, во - первых, шатания в определении путей и форм реализации этнонациональной политики, прежде всего ответа на вопрос, что мы строим: национально – территориальную или национально – культурную автономию? Во - вторых, выявляло противоречивость, неопределенность при определении достигнутых результатов, стремление забежать вперед, увидеть больше, чем реально сделано. В – третьих, подвергалось давлению со стороны партийно-государственного руководства РСФСР, а затем, СССР, набравшей силу тоталитарной системы, не видевшей иного пути, чем создание новой империи.

Эти и другие факторы привели к эволюции компартийной этнонациональной политики в деятельности Крымской областной партийной организации, прошедшей путь от организатора объявленной большевиками в 1917 году национальной политики самоопределения народов вплоть до создания собственных государственных образований, до ее ликвидации в регионе в 1946 году в силу, как неспособности, так и невозможности ее реализовать на практике.

Последнее наиболее реально проявилось в годы оккупации территории автономии немецко-румынскими захватчиками, умело сыгравшими на нерешенных в межвоенный период национальных вопросах, что обеспечило им возможность создать эффективный «новый порядок» с привлечением на свою сторону многих представителей крымскотатарского и ряда других этносов, как Крыма, так и других регионов Союза ССР. Областная партийная организация в этот период вновь показала свою неспособность работы как в массах политэтнического региона в целом, так и с ее отдельными этносами, что привело к провалу организации партизанского и подпольного движения, тяжелым потерям среди их участников, проявлявшим в своем подавляющем большинстве мужество и героизм, самоотверженность и преданность советской Родине.

Стремясь снять с себя вину за провал в реализации этнонациональной политики, с подачи руководителей областной партийной организации был сформирован миф о решающей роли измены части крымскотатарского народа в период обороны, освобождения полуострова, функционирования в период оккупации «нового порядка». Результатом такого хода стало принятие ГКО СССР решения о массовых депортациях крымскотатарского народа, ряда национальных меньшинств, что привело затем к ликвидации и самой автономии, преобразованию ее в область в составе РСФСР.

В официальной советской партийно - государственной пропаганде послевоенного периода был исключен термин коллаборационизма как интернационального явления, а сведен к обвинению в нем отдельных народов, подвергшихся массовым депортациям, конкретных его участников. Подобный подход, с опорой на массовый героизм многонационального советского народа на фронте и в тылу, позволил уйти от ответственности за провал компартийной национальной политики как в Крыму, так и в других регионах Союза ССР в целом, ставшей следствием ее эволюции.

Источники и литература

К главе 1

1. Елагин В. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Новый Восток. – 1924.
2. – №5. – С. 190–216
3. ГА АРК. – Ф.Р.– 3296.– Оп.1 – Д.86.
4. Таврическая правда. – 1918.– 24 января.
5. ГА АРК. – Ф. 150. – Оп. 1. – Д. 122
6. ГА АРК.– Ф. Р – 3296. – Оп. 1. – Д. 88.
7. ГААРК. – Ф. Р – 1188. – Оп. 3. – Д. 1.
8. Сборник Узаконений (СУ).– 1917. – №2.
9. Декреты Советской власти, т.1, 25 октября 1917г. – 16 марта 1918г. М., 1957.
10. СУ. –1918. – №15.
11. СУ. – 1919 . – № 64.
12. История Советской Конституции. В документах. 1917–1956. Сост.А.А. Липатов, Н.Т. Савенков.– Госиздательство юридической литературы. М.,1957. – 1046 с.
13. ГА РФ. – Ф Р–1318. – Оп.2. – Д.18.
14. Шеф К. Красный Крым. Военно–статистический очерк. – Харьков: Военно-редакционный совет У.В.О., 1923. – 205 с.
15. Красный Крым. –1921. – 19 июля.
16. Красный Крым. – 1921. – 24 июля.
17. ГА АРК. – Ф. – Р–663. – Оп.1. – .36.
18. Красный Крым. – 1921. – 11 сентября.

19. Красный Крым . – 1922. – 11 августа.
20. Красный Крым. – 1922. – 25 октября.
21. ГА АРК. – Ф Р–663. – Оп. 2. – Д. 626.
22. ГА АРК. – Ф Р–460, п. 2, д. 26.
23. СУ РСФСР. 1924. № 73. ст. 721.
24. Сборник Законов (СЗ) СССР. 1925. № 35.
25. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 2. – Д. 626.
26. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 4. – Д. 934.
27. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. – Д. 71.
28. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 2. – Д. 256.
29. ГА АРК. – Ф. Р–2058. – Оп. 4. – Д. 1508.
30. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 3. – Д. 403.
31. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 2. – Д. 256.
32. ГА АРК. – Ф. П – 1. – Оп. 1. – Д. 71.
33. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 3. – Д. 988.
34. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 2. – Д. 536.
35. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 3. – Д. 922.
36. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 2. – Д. 245.
37. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 7. – Д. 241.
38. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 3. – Д. 94.
39. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 7. – Д. 187.
40. ГА АРК. – Ф. Р–219. – Оп. 1. – Д. 15.
41. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 3–С. – Д. 63.
42. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. – Д. 187.
43. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 6. – Д. 73.
44. ГА АРК. – Ф. Р–137. – Оп. 9. – Д. 7.
45. Красный Крым. – 1938. – 28 июня
46. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. – Д. 1863.
47. Бюллетень ЦИК Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Краснофлотских Депутатов и Совета Народных Комиссаров Крымской Автономной Республики. №10–11, июнь 1937 года.
48. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 9. – Д. 576.
49. ГА АРК. – Ф. Р–2055. – Оп. 6. – Д. 1.
50. ГА АРК. – Ф. Р–652. – Оп. 10. – Д. 250.
51. ГА АРК. – Ф. Р–652. – Оп. 10. – Д. 251.
52. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. – Д. 187.
53. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 9. – Д. 585.
54. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. – Д. 249.
55. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. – Д. 89

К главе 2

1. ГА АРК. Ф. 150. – Оп. 1 – Д. 354.
2. ГА АРК. – Ф. 150. – Оп. 1 – Д. 86.
3. Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными органами (март–октябрь 1917г.) Сборник документов, т. 1. М., 1957.
4. ГА АРК. Ф. 150. – Оп. 1 – Д. 99.
5. ГА АРК. – Ф. 150. – Оп. 1 – Д. 92.
6. Борьба за советскую власть в Крыму, документы и материалы, т. 1. Симферополь, 1957.
7. ГА РФ. Ф. 17.–Оп. 6. –Д. 139.
8. Крымский коммунист. – 1918. – 13 ноября.
9. ГА РФ. Ф. 17.–Оп. 6.–Д. 139.
10. ГА АРК. – Ф. 3296. – Оп. 1 – Д. 87.
11. Революция в Крыму. – 1930. – №9.
12. ГА РФ. Ф. 17. – Оп. 6.–Д. 118.
13. ГА РФ. Ф. 17.–Оп. 6.–Д. 139.
14. Очерки истории Коммунистической партии Украины.– К., 1961.
15. ГА РФ. Ф. 17.–Оп. 6.– Д. 278.
16. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. – Д. 30.
17. Красный Крым. – 1921. – 7 июля.
18. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 43.
19. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 103.
20. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 53.
21. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 124.
22. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 115.

23. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 196.
24. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 288.
25. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 225.
26. Красный Крым. 1923. 19 октября.
27. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 358.
28. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 310.
29. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 315.
30. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 314.
31. Красный Крым. 1924. 7 мая.
32. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 390.
33. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 368.
34. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 593.
35. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 599.
36. Красный Крым. 1926. 26 сентября.
37. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 770.
38. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 71.
39. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 79.
40. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1 Д. 101.
41. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 4. Д. 934.
42. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 1133.
43. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 105.
44. ГА АРК. – Ф. Р–663. – Оп. 2. Д. 550.
45. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 1234.
46. 46 ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 1229.
47. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 1292.
48. ГА АРК. – Ф. Р–137 – Оп. 1. Д. 350.
49. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 187.
50. Бюллетень ЦИК советов рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов и Совета Народных Комиссаров Крымской АССР. –1937. – № 10–11.
51. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. Д. 206.
52. Щербаков М., Рагацкин С.. Крымская АССР. – Симферополь: Государственное издательство Крымской АССР, 1939. – 87 с.
53. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. – Д. 224.
54. Крим в етнополітичному вимірі. – Ред. кол. Курас Ф. – К.: Світогляд, 2005. – 533 с.
55. ГА АРК. – Ф. П–1 – Оп. 1. Д. 250.
56. Очерки Крымской областной партийной организации. Ред. кол. Багров Н.В. (председ.) и др. – Симферополь: Таврия, 1981. – 376 с.

К главе 3

1. ГА АРК. Ф. Р – 3296. – Оп. 1. – Д. 87.
2. Вольфсон Б. Изгнание германских оккупантов из Крыма. – Симферополь: Красный Крым, 1939–57с.
3. ГА РФ. Ф. 17. – Оп. 6. – Д. 139.
4. ГА АРК. – Ф. Р – 150. – Оп. 1. – Д. 208.
5. Освобождение Крыма от англо – французских интервентов (1918–1919). Сборник. – Симферополь: Госиздательство Крымской АССР, 1940–174с.
6. Ялтинский голос. –1918. – 10 ноября.
7. ГА АРК. – Ф. – 1765. – Оп. 1. – Д. 1.
8. ГА РФ. Ф. 1485. – Оп. 6. – Д. 50.
9. Борьба за советскую власть в Крыму. Документы и материалы. – Симферополь: Крымиздат, 1957.
10. ГА АРК. Ф. – 483. – Оп. 4. – Д. 1300.
11. Правда. 1919. 4 мая.
12. ГА АРК. – Ф. П – 1. – Оп. 2. – Д. 137.
13. Бабахан Н. Из истории Крымского подполья. // Революция в Крыму. 1924, №3.
14. Гавен Ю. Борьба большевистского подполья за советский Крым. // Революция в Крыму. 1930, №9
15. ГА АРК. – Ф. Р – 3296. – Оп. 1. – Д. 88.
16. Очерки истории Крымской областной партийной организации. Ред. кол. Багров Н. В. и др. – Симферополь: Таврия, 1981. – 376с.
17. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма, ч. II. – Симферополь: Крымиздат, 1957. – 303с.
18. ГА АРК. – Ф. Р – 1900. – Оп. 1. – Д. 7.
19. ГА АРК. – Ф. 81. – Оп. 2. – Д. 272.
20. ГА АРК. – Ф. П – 1. – Оп. 2. – Д. 324.
21. ГА города Севастополя. Ф. Р – 79. – Оп. 1.–Д. 79.

22. Бабахан Н. Из истории Крымского подполья. // революция в Крыму. 1924, №3
23. Фирдевс И. Влияние революции 1905г. на национально – освободительное движение среди татар в Крыму в 1905г. // Революция в Крыму. – 1925. – №2.
24. Идрисов С. Воспоминания о революционном движении среди татар в Крыму в 1925г. – №2
25. Умеров И. работа татсекции при ОК РКП (б). 1919 – 1920гг. // Революция в Крыму. – 1930. – №9.
26. История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках). Авт. Группа Бузов Г. М. и др. – Симферополь: Атлас – компакт, 2005 – 324с.
27. Брошеван В.М. Крымский штаб партизанского движения. – Симферополь: Б.И., 2001 – 100 с. Крым в документах Ставки ВГК. Симферополь: Б.И.. 2000 – 147 с.
28. Кондратов И.П. Крым. 1941–1945 гг. Хроника. – Симферополь: Б.И., 2000 – 222 с.
29. Ислямов М. Династия отважных: (О подпольщице Ниамее Велиевой). – Симферополь: Крымучпедгиз, 2001 – 73 с.
30. КПРС в резолюціях і рішеннях з'їздів, конференцій и пленумів ЦК. Політвидавництво. Т.6. К, 1980 – 524 с.
31. ГА АРК. Фонд Р – 137, оп. 9, д. 7.
32. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. .Сборник. Ред. коллегия под руков. Чирвы И.С. Симферополь: Крымиздат, 1963 – 341 с.
33. ГА АРК. Фонд П–1, оп. 6, д. 17.
34. ГА АРК. – Ф. Р – 156. – Оп. 1. – Д. 61.
35. ГА АРК. – Ф. Р – 151. – Оп. 1. – Д. 21.
36. Архив Крымского управления КГБ СССР. Подпольное патриотическое движение в Крыму. 1941–1944. Т. 10, д. 5.
37. ГА АРК. – Ф. Р – 151. – Оп. 1. – Д. 25.
38. ГА АРК. – Ф. Р – 156. – Оп. 1. – Д. 61.
39. ГА г. Севастополя. Ф. Р – 434. – Оп. 11. – Д. 5.
40. ГА г. Севастополя. Ф. Р –434. – Оп. 11. – Д. 4.
41. ГА г. Севастополя. Ф. Р –434. – Оп. 2. – Д. 21.
42. Ислямов М. Династия отважных. – Симферополь: Крымское учебно–педагогическое государственное издательство, 2001. – 76с.
43. ГА АРК. – Ф. Р – 156. – Оп. 1. – Д. 71.
44. ГА АРК. – Ф. Р – 156. – Оп. 1. – Д. 72.
45. Архив Крымского управления КГБ СССР. Подпольное патриотическое движение в Крыму. 1941–1944. Т. 5, д. 3.
46. Советский Крым. –1963. – 3 ноября.
47. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. Составители Гарагуля В.К., Кондратов И.П., Кравцова Л.П. – Симферополь: «Таврия» (Вопросы – ответы: Выпуск 4), 1994, – 208 с.
48. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. – Д. 250.
49. ГА АРК. – Ф. П–1. – Оп. 1. – Д. 71.

К главе 4

1. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма, ч. II – Симферополь: Крымиздат, 1957. – 303с.
2. ГА АРК. Ф. Р – 3296. – Оп. 1. – Д. 88.
3. Красный архив г.3 (28).
4. Красный архив г.3 (29).
5. Борьба за советскую власть в Крыму. Сборник документов и материалов, ч. II.
6. ГА АРК. Ф. П – 1. – Оп. 1. – Д. 139.
7. ГА АРК. Ф. 483. – Оп. 4. – Д. 1332.
8. Революция в Крыму. 1922, №1.
9. Бабахан Н. Крымская повстанческая / Зеленая / армия // Революция в Крыму. 1924, №4.
10. ГА РФ. 17. – Оп. 12. – Д. 278.
11. Мокроусов А. В. В горах Крыма. – Симферополь, 1940. – 129с.
12. Мокроусов А. В. 90 дней в горах Крыма // Революция в Крыму. – 1924. – №4.
13. ГА АРК. Ф. П – 1.– Оп. 1. – Д. 179.
14. Гавен Ю. Борьба большевицкого подполья за советский Крым. // Революция в Крыму. – 1930. – №9.
15. Мельничук Г.Б. Чужие среди своих... (Боевые действия разведчиков Черноморского флота на территории оккупированного Крыма в 1943–1944гг.). Москва. Крым: Историко–публицистический альманах. Вып. 5. М: АНО–ИЦ «Московведение», 2003. –С. 385–460.
16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.6. 1941–1945. Изд. 8–е. Политиздат. М, 1971. – 521 с.
17. ГА г. Севастополя. – Ф. Р –434. – Оп. 2. – Д. 66.
18. ГА АРК. Ф. Р – 156.– Оп. 1. – Д. 226.
19. ГА г. Севастополя. – Ф. Р –434. – Оп. 2. – Д. 47.
20. Эрих фон Манштейн. Утерянные победы. – Терра – фантастика С. – Петербург 2000. с.

21. ГА АРК. Ф. Р – 156.– Оп. 1. – Д. 41.
22. ГА г. Севастополя. – Ф. Р –434. – Оп. 5. – Д. 4.
23. ГА АРК. Ф. Р – 151.– Оп. 1. – Д. 25.
24. ГА АРК. Ф. Р – 151.– Оп. 1. – Д. 21.
25. ГА АРК. Ф. Р – 151.– Оп. 1. – Д. 1.
26. ГА АРК. Ф. Р – 151.– Оп. 1. – Д. 23.
27. ГА АРК. Ф. П – 1.– Оп. 1. – Д. 250.
28. ГА АРК. Ф. Р – 151.– Оп. 1. – Д. 27.
29. ГА АРК. Ф. Р – 151.– Оп. 1. – Д. 68.
30. ГА АРК. Ф. Р – 151.– Оп. 1. – Д. 29.
31. ГА АРК. Ф. Р – 151.– Оп. 1. – Д. 22.
32. Красный Крым. – 1944. – 14 апреля.
33. Там же. – 15 апреля.
34. Там же. – 16 апреля.
35. Там же. – 1 мая.
36. Там же. – 1945. 12 мая.
37. ГА АРК. – Ф. П – 1.– Оп. 1. – Д. 267.
38. Возгрин В. Е. Геноцид как кульминация этнонационального конфликта. // Материалы міжнародної наукової конференції. Київ. – 13–14 травня 1994р.– К., 1995 – 234с.
39. ГА АРК. Ф. Р – 151.– Оп. 1. – Д. 53.
40. Брошеван В. Н. Крымское партизанское движение. – Симферополь. Б. И., 2001 – 101с.
41. Надинский П. Н. Партия большевиков в борьбе против татарского буржуазного национализма в Крыму. Доклад. 21 сентября 1949г. // ГА АРК. Ф. Р – 3296.– Оп. 1. – Д. 4.

К главе 5

1. Крым в этнополітичному вимірі. Ред. кол. Курас У.Ф.(голова). – К:Світосгляд, 2005г.– 533с.
2. История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках)– Симферополь: Атлас – компакт, 2005 г. – 324с.
3. ГА АРК. – Ф. Р – 137. – Оп. 9. – Д.7.
4. Історія України. Навчальний посібник. – К. – : Знання – Пресс, 2002 г. – 669с.
5. Голос Крыма. – 1941. – 12 декабря.
6. Там же. – 1942. – 21 июня.
7. Там же. – 1942. – 28 декабря.
8. Там же. – 1942. – 25 декабря.
9. Там же. – 1942. – 29 января.
10. Там же. – 1942. – 15 января.
11. Там же. – 1942. – 22 марта.
12. Там же. – 1942. – 18 января.
13. Там же. – 1942. – 7 мая.
14. Там же. –1942. – 16 сентября.
15. ГА АРК – Ф. Р – 151. – Оп. 1. – Д. 19.
16. ГА АРК – Ф. П – 1. – Оп. 1. – Д. 71.
17. Голос Крыма. – 1942. – 3 мая.
18. Голос Крыма. – 1942. – 12 июля.
19. Голос Крыма. – 1942. – 15 июля.
20. ГА АРК. – Ф. П – 1. – Оп. 1. – Д. 32.
21. Голос Крыма. – 1942. –5 апреля.
22. Голос Крыма. – 1942. – 31 мая.
23. Голос Крыма. – 1942. – 5 апреля.
24. Голос Крыма. – 1942. – 19 апреля.
25. Голос Крыма. – 1942. – 30 декабря.
26. Голос Крыма. – 1942. – 18 октября.
27. ГА АРК. – Ф. Р –151 – Оп. – 1. – Д.23
28. ГА АРК. – Ф. Р –151. – Оп. 1. – Д. 256
29. ГА АРК. – Ф. Р – 151. – Оп. 1. – Д. 254
30. Крымская газета. – 1942. – 5 декабря.
31. Голос Крыма. – 1942. – 10 мая.
32. ГА АРК – Ф. Р – 151. – Оп 1. – Д. 25
33. ГА АРК – Ф. Р – 151. – Оп 1. – Д. 38
34. Азат – Крым. – 1943. – 28 апреля.
35. ГА АРК – Ф. Р – 151. – Оп 1. – Д. 26
36. Немецкая газета. – 1942. – 3 ноября.
37. Голос Крыма. – 1942. – 9 октября.

38. Голос Крыма. – 1942. – 1 июля.
39. Голос Крыма. – 1942. – 30 января
40. Голос Крыма. – 1942. – 6 ноября.
41. Голос Крыма. – 1942. – 15 ноября.
42. Голос Крыма. – 1942. – 15 февраля.
43. ГА АРК – Ф. Р –156. – Оп. 1. – Д. 24.
44. ГА АРК – Ф. Р –151. – Оп. 1. – Д. 25.
45. ГА АРК – Ф. Р –1289. – Оп. 1. – Д. 39.
46. Там же, – Оп. 1. – Д. 69
47. ГА АРК. – Ф. Р –156. – Оп. 1. – Д. 41.

Приложение “ А”

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

Совершенно секретно

Постановление ГОКО № 5859 сс

11 мая 1944 года Москва. Кремль.

О КРЫМСКИХ ТАТАРАХ

В период Отечественной войны многие крымские татары изменили Родине, дезертировали из частей Красной Армии, обороняющих Крым, и переходили на сторону противника, вступали в сформированные немцами добровольческие татарские воинские части, борющиеся против Красной Армии; в период оккупации Крыма немецко-фашистскими войсками, участвуя в немецких карательных отрядах, крымские татары особенно отличались своими зверскими расправами по отношению к советским партизанам, а также помогали немецким оккупантам в деле организации насильственного угона советских граждан в германское рабство и массового истребления советских людей.

Крымские татары активно сотрудничали с немецкими оккупационными властями, участвуя в организованных немецкой разведкой, в так называемых «татарских национальных комитетах», и широко использовались немцами для целей заброски в тыл Красной Армии шпионов и диверсантов. «Татарские национальные комитеты», в которых главную роль играли белогвардейско-татарские эмигранты, при поддержке крымских татар направляли свою деятельность на преследования и притеснения нетатарского населения Крыма и вели работу по подготовке насильственного отторжения Крыма от Советского Союза при помощи германских вооруженных сил.

Учитывая вышеизложенное, Государственный Комитет Оборона постановляет:

1. Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР. Выселение возложить на НКВД СССР. Обязать НКВД СССР (т. Берия) выселение крымских татар закончить к 1 июня 1944 г.

2. Установить следующий порядок и условия выселения:

а) разрешить спецпереселенцам взять свои личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 кг на семью.

Оставшиеся на месте имущество, здания, надворные постройки, мебель и приусадебные земли принимаются местными органами власти; весь продуктивный и молочный скот, а также домашняя птица принимаются Нарком-мясомолпромом, вся сельхозпродукция – Наркомзагом СССР, лошади и другой рабочий скот – Наркомземом СССР, племенной скот – Наркомсовхозов СССР.

Приемку скота, зерна, овощей и других видов сельхозпродукции производить с выпиской обменных квитанций на каждый населенный пункт и каждое хозяйство.

Поручить НКВД СССР, Наркомзему, Наркоммясо-молпрому, Наркомсовхозу и Наркомзагу СССР к 1 июля с. г. представить в СНК СССР предложения о порядке возврата по обменным квитанциям спецпереселенцам принятого от них скота, домашней птицы и сельскохозяйственной продукции.

б) для организации приема от спецпереселенцев оставленного ими в местах выселения имущества, скота, зерна и сельхозпродукции командировать на место комиссию СНК СССР в составе: председателя комиссии т. Гриценко (заместитель председателя СНК РСФСР) и членов комиссии – т. Крестьянинова (члена коллегии Наркомзема СССР), т. Надьярных (члена коллегии НКМ и МП), т. Пустовалова (члена коллегии Наркомзема СССР), т. Кабанова (зам. народного комиссара совхозов СССР), т. Гусева (члена коллегии НКФина СССР).

Обязать Наркомзем СССР (т. Бенедиктова), Нарком-заготовок СССР(т. Субботина), НКМ и МП (т. Смирнова), Наркомсовхозов СССР (т. Лобанова) для обеспечения приема от спецпереселенцев скота, зерна и сельхозпродуктов командировать, по согласованию с т. Гриценко, в Крым необходимое количество работников;

в) обязать НКПС (т. Кагановича) организовать перевозку спецпереселенцев из Крыма в Узбекскую ССР специально сформированными эшелонами по графику, составленному совместно с НКВД СССР. Количество вагонов, станции погрузки и станции назначения по заявке НКВД СССР.

Расчеты за перевозки произвести по тарифу перевозок заключенных;

г) Наркомздраву СССР (т. Митереву) выделить на каждый эшелон со спецпереселенцами, в сроки по

согласованию с НКВД СССР, одного врача и двух медсестер с соответствующими запасами медикаментов и обеспечить медицинское и санитарное обслуживание спецпереселенцев в пути.

2. Наркомторгу СССР (т. Любимову) обеспечить все эшелоны со спецпереселенцами ежедневно горячим питанием и кипятком.

Для организации питания спецпереселенцев в пути Наркомторгу выделить продукты в количестве согласно приложению № 1.

3. Обязать секретаря ЦК ВКП(б) Узбекистана т. Юсупова, председателя СНК Уз. ССР т. Абдурахманова и народного комиссара внутренних дел Уз. ССР т. Кабулова до 1 июня с. г. провести следующие мероприятия по приему и расселению спецпереселенцев:

а) принять и расселить в пределах Уз. ССР 140—160 тыс. человек спецпереселенцев—татар, направляемых НКВД СССР из Крымской АССР.

Расселение спецпереселенцев произвести в совхозных поселках, существующих колхозах, подсобных сельских хозяйственных предприятий и заводских поселках для использования в сельском хозяйстве и промышленности;

б) в областях расселения спецпереселенцев создать комиссии в составе председателя облисполкома, секретаря обкома и начальника УНКВД, возложив на эти комиссии проведение всех мероприятий, связанных с приемом и размещением прибывших спецпереселенцев;

г) подготовить гуж—автотранспорт для перевозки спецпереселенцев, мобилизовав для этого транспорт любых предприятий и учреждений;

д) обеспечить наделение прибывших спецпереселенцев приусадебными участками и оказать помощь в строительстве домов местными стройматериалами;

е) организовать в районах расселения спецпереселенцев спецкомендатуры НКВД, отнеся содержание их за счет сметы НКВД СССР;

ж) ЦК и СНК Уз. ССР к 20 мая с. г. представить в НКВД СССР тов. Берия проект расселения спецпереселенцев по областями районам с указанием станций разгрузки эшелонов.

4. Обязать Сельхозбанк (т. Кравцова) выдавать спецпереселенцам, направляемым в Уз. ССР, в местах их расселения ссуду на строительство домов и хозяйственное обзаведение до 5000 руб. на семью с рассрочкой до 7 лет.

5. Обязать Наркомзаг СССР (т. Субботина) выделить в распоряжение СНК Узбекской ССР муки, крупы и овощей для выдачи спецпереселенцам в течение июня—августа с. г. ежемесячно равными количествами, согласно Приложению № 2.

Выдачу спецпереселенцам муки, крупы, овощей в течение июня—августа с. г. производить бесплатно в расчет за принятую у них в местах выселения сельхозпродукцию и скот.

6. Обязать НКО (т. Хрулева) передать в течение мая—июня с. г. для усиления автотранспорта войск НКВД, размещенных гарнизонами в районах расселения спецпереселенцев в Уз. ССР, Казахской ССР и Киргизской ССР, автомашин «Виллис» 100 штук и грузовых 250 штук, вышедших из ремонта.

7. Обязать Главнефтеснаб (т. Широкова) выделить и отгрузить до 20 мая 1944 г. в пункты по указанию НКВД СССР автобензина 400 т и в распоряжение СНК Уз. ССР 200 т.

Поставку автобензина произвести за счет равномерного сокращения поставок всем остальным потребителям.

8. Обязать Главснаблес при СНК СССР (т. Лопухова) за счет любых ресурсов поставить НКПС 75 000 вагонных досок по 2,75 м каждая с поставкой их до 15 мая с. г., перевозку досок НКПС произвести своими средствами.

9. Наркомфину СССР (т. Звереву) отпустить НКВД СССР в мае с. г. из резервного фонда СНК СССР на проведение специальных мероприятий 30 млн. рублей.

Председатель Государственного Комитета Обороны

И. В. Сталин

Послано: тт. Молотову, Берия, Маленкову, Микояну, Вознесенскому, Андрееву, Косыгину, Гриценко, Юсупову, Абдурахманову, Кобу—лову (НКВД Уз. ССР), Чадаеву — все; Шаталину, Горкину, Жданову А. А., Смирнову, Субботину, Бенедиктову, Лобанову, Звереву, Кагановичу, Митереву, Любимову, Кравцову, Хрулеву, Жукову, Широкову, Лопухову — соответственно.

Приложение № 1

к постановлению ГКО № 5859 с/с от 11 мая 1944 г.

ВЕДОМОСТЬ

выделения продуктов Наркомторгу СССР для питания спецпереселенцев в пути следования

№ п/п	Наименование продуктов	Кол-во в тоннах	Поставщики
1	Муки	900	Наркомзаг
2	Крупы	160	Наркомзаг
3	Мяса	90	НКмясомолпром
4	Рыбы	90	Наркомрыбпром
5	Жиров	26	НКпищепром

Примечание: Составлена из расчета суточной нормы на человека хлеба — 500 гр. мясо-рыба — 70 гр. ; крупы — 60 гр.; жиров — 10 гр..

Приложение № 2

к постановлению ГКО № 5859 с/с от 11 мая 1944 г.

РАСЧЕТ

выделения продуктов для спецпереселенцев

Наименование республик и областей	Наименование продуктов и количество их в тоннах		
	мука	крупы	овощи
1. Узбекская ССР	4080	1020	4080

Примечание: норма на 1 человека в месяц: муки - 8 кг, овощей - 8 кг, крупы - 2 кг.

Приложение № 6

Только для служебного пользования. Подлежит возврату

ИНСТРУКЦИЯ

о порядке приема скота, сельскохозяйственной продукции и другого имущества от спецпереселенцев (извлечение) .

(В пп. 1–4 о создании комиссий по приему от спецпереселенцев скота, сельхозпродукции и другого имущества. – авт.)

п. 5. Спецпереселенцы берут с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 кг на семью.

6. Оставшиеся и учтенные комиссиями скот, сельскохозяйственная продукция и другое имущество принимаются:

а) Наркоммясомолпромом СССР – крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи и птица.

б) Наркомсовхозов СССР – племенной скот.

в) Наркомземом – все лошади, волю и пчелосемьи.

г) Наркомзагом СССР– зерно, овощи, табак, кожа, шерсть и другая сельскохозяйственная продукция.

д) Местными органами власти – дома, хозяйственные постройки, мебель, сельхозмашины, инвентарь, приусадебные участки, посевы, насаждения и другое имущество.

7. Принятые от спецпереселенцев скот и зерно должны быть обращены в первую очередь на покрытие государственных поставок. Вся остальная часть скота, зерна и других видов сельскохозяйственной продукции принимается по обменным квитанциям.

8. ...Обменные квитанции составляются в 2-х экземплярах, первый экземпляр квитанции через органы НКВД направляется в места расселения спецпереселенцев.

11. Органы местной власти, районные (городские) и местные комиссии несут ответственность за проведение своевременного и полного сбора, учета и оформления соответствующими документами оставшегося от спецпереселенцев – скота, сельскохозяйственных продуктов и другого имущества.

12. За безнарядный расход, хищение или присвоение... виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности.

(Всего 13 пунктов. - авт.)

Комиссия Совнаркома СССР

15 мая 1944 года

(отпечатано в Симферополе в 1-й гостипографии, тираж 300 экз.)